

Маруся Светлова Искусство быть родителем

Светлые книги – 0

Маруся Светлова

Искусство быть родителем

Вступление. Поддержка или обуза

Они задержали меня в дверях, когда я входила в магазин, - пожилая женщина, ступающая медленно и осторожно, и мужчина, уже немолодой, с седыми висками.

- Осторожно, мама, потихоньку, - говорил он ей, когда она переступала невысокий порожек.

Она держалась за его руку, согнутую в локте, и другой рукой он накрыл ее маленькую сухонькую ладонь. И так необычна была ситуация, когда немолодой уже сын привел в магазин старушку-мать, так редко видела я неприкрытую заботу о пожилой матери, что, остановившись, я с интересом проводила их взглядом, потом пошла за ними.

«Зачем они пришли? - думала я. - Он что, сам не мог ей купить то, что нужно?...»

Я увидела их у витрины, в которой лежали заколки для волос. Старушка внимательно рассматривала витрину, низко склоняясь над ней. Сын терпеливо ждал, пока она сделает выбор.

- Я думаю, вот эту нужно купить, - сказала женщина, показав на дорогую заколку, нарядную, но достаточно строгую. - Эта мне будет, чтобы на людях показываться, и еще давай купим одну попроще...

Я посмотрела на женщину, на ее полностью седую голову, на тоненький узелок волос на затылке. Мне так понравилось это - женщина в преклонном возрасте, с седой головой и с редкими волосами пришла в магазин покупать себе заколки для волос! И мне понравилась

реакция сына, он по-доброму, как на большого ребенка, смотрел на мать, принимая ее выбор, и спокойно говорил:

- Хорошо, мама, сейчас я пробью чек...

В его интонации чувствовалось глубокое уважение к матери. К ее немножко смешному поступку - на свои реденькие волосы покупать дорогую нарядную заколку. И ведь привел же он ее для этого в магазин! Не отмахнулся от ее просьбы, как от глупости: совсем, мол, старуха сбрендилась - на старости лет себя украшать...

И я, глядя на этих людей, думала: как эта женщина воспитывала его, если теперь, в старости, получает уважительное, понимающее отношение к себе взрослого сына? Сына, крепко стоящего на ногах - судя по тому, с какой легкостью он потратил почти полтысячи рублей на заколки для старенькой мамы.

Что-то волнующее было в этой паре уже пожилых людей, что-то трогательное. И я, как-то по-хорошему задетая наблюдением за ними, шла домой и все продолжала думать - как нужно воспитывать ребенка в детстве, чтобы в старости рядом с тобой был вот такой, добрый и уважающий тебя, терпимый и щедрый по отношению к тебе взрослый человек? Человек, который хотел бы заботиться о тебе. И не просто хотел - а реально мог, имел средства, возможности поддержать тебя в старости...

Спустя несколько дней после ситуации, увиденной в магазине, я стала свидетельницей другого случая...

Мужчина средних лет, крепкий на вид, скромно, но опрятно одетый, стоял недалеко от мусорных контейнеров. Женщина - пожилая, грузная, с одышкой - рылась в контейнере.

- Да ладно, мама, нет тут бутылок, не ищи. До нас уже забрали... - сказал он поникшим каким-то голосом, и я, проходя мимо, с интересом посмотрела на эту пару: не так часто встретишь мать и сына, пришедших на помойку в поисках бутылок.

Мать подошла к сыну, и они под руку пошли вместе. Он - медленно, в такт шагам матери. И меня как-то больно тронула и вся эта история, и то, что не сын вел свою мать, а мать вела сына. Вела, как маленького. Вела - от помойки к следующей помойке, куда они направились. Страшно это было: такая вот их неспешная, казалось, привычная прогулка. И я подумала невольно: «Господи! Спаси и сохрани меня и мою доченьку от такой жизни...»

И пока шла домой, продолжала думать: «Как же так, почему этот взрослый, крепкий с виду мужчина - такой поникший и такой „сдавшийся“, что ли? Почему ходит он по помойкам в поисках бутылок? Почему его мать в этом участвует? Почему, в конце концов, он не делает это один, освободив ее от такого унижения? Разве он не в состоянии один это делать? Почему он не взял на себя ответственность, если уж решил таким способом искать дополнительный источник денег?» Но, вспомнив всю увиденную сцену, подумала с грустью, что наоборот - вся ответственность была на матери. Это она водила его. Она играла в этой ситуации ведущую роль. Она делала самое неприятное - рылась в отбросах, а он стоял в сторонке. А потом именно она повела его, как ребенка, к следующим мусорным контейнерам.

Я подумала грустно: «Она все еще его водит. Все еще ограждает его от самого неприятного. Как в детстве. Он так и не стал для нее взрослым. А для себя - стал ли он взрослым, самостоятельным, ответственным?...»

Задетая всем увиденным, я рассказала об этом участникам тренинга для родителей, который проводила несколько дней спустя. Рассказала о своих мыслях - как родители, привыкнув ограждать ребенка от жизни, водить его и руководить им, получают потом такого вот взрослого - слабого и неприспособленного, не умеющего поддерживать.

Реакция одной участницы тренинга была резкой, неприемлемой:

- Что же теперь, оттого что я своего ребенка, ради его же блага опекаю и ограждаю от жизни, подсказываю ему, как лучше поступить, мне тоже такая участь уготована? То есть если я ребенка сейчас ограждаю от трудностей и проблем, то он со мной на старости лет бутылки по помойкам собирать будет? - Она передернула плечами, возмущенная даже таким предположением, и продолжила: - Да, может, там вообще другая ситуация, ну не

«встроился» человек в нашу рыночную экономику, ну не нашел денежную работу, ну, может, его сократили... И вынужден он, как тысячи людей в нашей стране, добывать себе дополнительное пропитание... Не обязательно же сразу считать, что родители виноваты, опекой его довели...

Женщина была так горяча, так возмущена, вся эта ситуация ее так задела, что мне, как психологу, было понятно: в этой ситуации многое - о ней...

- Я не знаю, как воспитывали этого ребенка, который теперь с матерью-старухой собирает бутылки. Я вижу только результат, - сказала я как можно мягче, чтобы снизить горячность женщины. - И результат этот таков: полный сил, в трудоспособном возрасте мужчина выбирает именно такой способ «добычи себе пропитания» - не самый красивый, не самый достойный, не говоря уже - не самый высокооплачиваемый. Выбирает это в мире, полном работы и возможностей, ведь столько возможностей для зарабатывания денег еще никогда не было в нашей стране. Сейчас можно работать на трех работах, можно открыть свое дело, можно подрабатывать, делая несложную, непыльную работу, работая курьером или распространяя газеты. И эта работа лучше и достойнее и не менее оплачиваемая, чем сбор бутылок! Но человек «выбирает», помогать своей маме рыться в мусорных контейнерах. Тогда - чему его научили? Какие качества личности в нем воспитали? Активность? Ответственность? Чувство собственной значимости? Самостоятельность? Смелость?... Да, его могли сократить. Да, он мог «не встроиться», как тысячи людей в нашей стране. Но кто те тысячи, которых почему-то сокращают? Кто те миллионы, которые никак не «встраиваются» после перестройки в рыночную экономику, хотя прошло уже столько лет после этой перестройки? Кто те люди? Какими жизненными качествами они обладают, если не могут «встроиться», если именно ими жертвуют при сокращении? И кто не помог им вырасти сильными и решительными, ценными, яркими, смелыми и активными преобразователями и покорителями этого мира, авторами своей жизни?

Хотим мы этого или не хотим, но наши дети - это продукт в первую очередь нашего воспитания. И день за днем, год за годом мы растим либо сильную, жизнеспособную, яркую личность - свою опору и защиту в старости, свою гордость, свою стабильность, либо - день за днем, год за годом мы растим маленьких, неуверенных, не приспособленных к жизни неудачников, слабых, беспомощных перед жизнью, неспособных постоять даже за самих себя - разве смогут они потом заботиться о родителях?!

Как это происходит?

Я много думала об этом, обсуждала эти вопросы со многими родителями, приходившими на тренинги для родителей - как из ребенка получается лидер или неудачник? Заботливый сын или нахлебник? Радость или головная боль? Гордость или проблема?

Как из маленького человека формируется взрослый - такой, какой есть?

Как мы, взрослые, делаем его таким?

Мне так интересна эта тема - формирование человека таким, каким он становится под воздействием взрослых, что я, наблюдая своего маленького внука, встречая маленьких детей - всматриваясь в них, вслушиваясь в их разговоры, видя их изначальную хорошую «данность», постоянно думала - как это происходит?

...Он нарисовал их во всю стену, прямо на новых обоях - человечков, с ручками и ножками, похожими на палочки, каляки-маляки, обозначающие в его рисунках цветы, большое солнце, лучи которого перекрывали и человечков, и «цветы», и уж конечно, рисунок на обоях.

- Господи! Ты что натворил! - воскликнула я возмущенно.

- Я нарисовал рисунок! - гордо сказал он. И так же гордо добавил: - Я настенный художник!

Он - свободен и безграничен. Все пространство мира - для него. Именно так он ощущает. И он осваивает этот мир, смело используя все его пространство.

Как же потом из таких свободных и безграничных, смелых маленьких людей вырастают ограниченные, боящиеся шаг ступить или самостоятельно что-то сделать

взрослые?

- Ты мое чудо! - сказал ему как-то папа, и он потом встречал всех проходящих домой словами:

- Я папино чудо! Я папино чудо! Я - чудо!

Для него это так естественно - ощущать себя чудом! Для него так естественно - сообщать об этом всему миру!

Как потом из таких детей вырастают скромные и застенчивые, не умеющие себя ни подать, ни продать при приеме на работу люди?

- Почитай мне это! - сказал малыш и показал на фотографию. И я, сначала удивленная этим предложением «почитать» фотографию, начала ее «читать»: «На этой фотографии - твоя мама, когда она отдыхала на море. Была хорошая погода, светило солнце, мама каждый день купалась в море, и маме там было хорошо...» Он слушал внимательно, так, как слушал, когда ему читали книгу.

- Давай это сыграем! - спустя какое-то время сказал он, потащил меня к пианино и поставил на подставку для нот книгу «Мойдодыр».

- Ну, давай это играть! - требовательно сказал он, и, видя мое замешательство (как это можно играть?), начал играть сам. «Одеяло убежало...» - произнес он и нажал пальчиками на клавиши, извлекая громкий звук, «улетела простыня...» - и новый аккорд пальчиками... Он играл «Мойдодыра»...

Для него нет границ или рамок. Его мышление свободно. Оно синтетично. Оно смело, креативно. Возможно все.

Как потом из таких детей вырастают рамочные, структурированные, правильные и несвободные люди?

Он с мамой приехал ко мне в пансионат, где я в тишине и одиночестве жила и писала книгу, и провел со мной день. Уже садясь с мамой в такси, он спросил удивленно:

- А ты с нами не едешь?

- Нет, я остаюсь здесь.

- Одна остаешься?

- Да, остаюсь одна.

- Но тебе же одной может быть скучно.

- Ну, ничего, - улыбаясь, говорю я ему, - немного поскучаю.

- Так давай я с тобой останусь! - радостно, как будто нашел самое правильное решение, сказал он, начиная выходить из машины. - Тебе же со мной будет веселее!

И я, которая только и ждала, чтобы остаться одной и вернуться к рукописи, смеюсь от души - с ним мне действительно «будет веселее»!...

Он уверен, что ему всегда и везде рады. Что он везде кстати. Что без него нигде не обойдутся. Он уверен в своей ценности для других.

Как появятся потом в ребенке боязнь показаться навязчивым, быть не к месту, быть лишним? Откуда в нем возьмутся неуверенность и низкая самооценка?

Ему разрешили разрисовать свое окно перед Новым годом, чтобы сделать комнату праздничной. И он вместо снежинок или снеговика - нарисовал, накалякал чего-то невообразимое - яркие сгустки всех цветов.

- Ну что это за каляки-маляки? - возмущенно спросила его мама.

- Это не каляки, - совершенно серьезно, даже обиженно ответил он. - Это - шедевры!

Он абсолютно уверен, что все, что он делает, он делает очень хорошо. Он высоко ценит себя и свои произведения. Он уверен в своей гениальности.

Как из детей с высокой самооценкой, уверенных в своей гениальности, - формируются закомплексованные, робкие, неуверенные в себе и своих способностях взрослые?

- Ты возьмешь с собой в лагерь свой барабан? Там будет школа барабанщиков, - спрашивает шестилетнего мальчика мама.

- Я буду всех учить играть на барабанах? - радуется ребенок, будучи абсолютно уверенным, что он умеет это делать настолько хорошо, что может учить других.

Он чувствует себя главным действующим лицом в центре любого события. Мир действительно существует для него и вертится вокруг него.

Как потом из таких эгоцентричных детей вырастают люди, чувствующие, что жизнь проходит мимо, что этот мир не для них, что они где-то на окраине жизни? Как из таких детей вырастают люди, только и говорящие: не могу, не умею, не знаю, я уже пробовал...

- Мама, позвони моей учительнице и скажи ей, что она не должна в школе работать, - говорит семилетний мальчик. - Учителя же должны детей любить, а она нас не любит. Она кричит на нас. Она злая. Ты ей скажи, мама, что ей не надо больше учительницей работать...

Он уверен в справедливости этого мира. Он уверен, что взрослые тоже живут по справедливости. Что плохой человек должен понять, что он плохой, и исправиться. Что достаточно что-то сказать - и все изменится. Он верит в перемены к лучшему.

Как потом из таких чистых и верящих детей вырастают люди, не верящие ни в справедливость, ни в перемены, ни в себя?

Он подходит и спрашивает с нетерпением:

- Ну, когда уже будет Новый год?

Под елкой лежат подарки от Деда Мороза, но взять их можно только тогда, когда наступит Новый год, он это знает. Поэтому уже не в первый раз он заходит на кухню, где взрослые заняты последними приготовлениями, с одним и тем же вопросом.

- Ну, когда уже будет Новый год?

Ему отвечают, показывая на часы:

- Еще полчаса. Вот когда эта большая стрелка дойдет до цифры «12» - будет Новый год.

Он приходит через несколько минут все с тем же вопросом:

- Ну, когда уже будет Новый год?

Ему опять показывают на часы, большая стрелка на которых сдвинулась всего на несколько минут, и говорят:

- Вот когда большая стрелка подойдет к цифре «12», тогда и будет Новый год. Вот тебе часы, смотри и жди, когда наступит Новый год!

Он уходит с часами.

Он возвращается буквально тут же. Возвращается радостный, с криком:

- Ура! Новый год! Уже Новый год!

Все взрослые с недоумением смотрят на часы, которые он им показывает.

Большая стрелка подошла к цифре «12». Подошла не сама. Он ее «подвел».

Он - преобразователь мира, активный и деятельный человек, который не привык ждать, который хочет сам создавать нужную ему ситуацию. Он смелый в своих действиях. Он не оглядывается по сторонам и не спрашивает: «Можно, я это сделаю?» Он управляет событиями сам, не ожидая, пока все само сложится.

Как потом из таких активных и смелых преобразователей формируются послушные, безынициативные, боящиеся ответственности люди?

Он увидел кошку, сидящую на тротуаре, и радостно сделал к ней несколько шагов, чтобы погладить ее.

- Не трогай ее, посмотри, какая она грязная, - сказала я. - Эту кошку нельзя трогать, на ней много микробов, она бегала по помойкам...

- Так давай ее помоем! - радостно говорит он. Говорит так легко, так естественно: действительно, если кошка такая грязная - надо просто ее помыть!

Он готов все изменить. Он ни в чем не видит сложностей и проблем. У него - все просто.

Как формируются потом люди, живущие в ограничениях и невозможностях, проблемах и сложностях?

- Это кто? - спросил он, увидев маленькую икону у меня на столе.

- Это - икона, изображение Бога.

Постоял, посмотрел.

- Ему нужно молиться? - спросил он.

- Да.

Постоял, глядя на Бога, потом молитвенно сложил ручки, закрыл глаза, помолчал. Потом - как ни в чем не бывало пошел играть.

С ним - все в порядке. Он - с Богом.

Как эти изначально чистые и верящие дети, соединенные с Богом, вибрирующие с Богом - становятся атеистичными, циничными, ни во что не верящими взрослыми людьми?

Возвращаясь из детского сада, уже подойдя к подъезду, мы с ним вспоминаем, что забыли санки в детском саду. Надо идти обратно, а так не хочется!

- А давай Бога попросим - пусть санки привезет! - говорит он мне. Говорит легко и убежденно, абсолютно веря, что все, что просят у Бога, Бог дает! Абсолютно веря, что все - возможно! И я думаю: так, наверное, чисто и свято Иисус верил, что может пройти по воде - и шел по ней!

Он верит. Он чист в своей вере во все хорошее, во все - возможное.

Как потом получают оторванные от Бога одинокие, неподдержанные люди?

Как? Как это происходит? Как происходит замена изначально детской уверенности взрослой неуверенностью? Активности - пассивностью и безынициативностью? Высокой самооценки - закомплексованностью? Веры - неверием?

Что мы делаем с ними, если они меняются, и часто, надо признать, не в лучшую сторону?

Как нам воспитывать их, как формировать их лучшими? Сильными и уверенными. Самостоятельными и ответственными. Такими, чтобы они могли выстоять в этой жизни. И не просто выстоять, выжить - а жить ярко, интересно, достойно.

Эта книга - возможность рассмотреть все закономерности и последствия нашего воздействия на детей.

Возможность получить ответ на глобально важный вопрос: как мы делаем наших детей такими, какими они становятся.

Как нам, родителям, помочь ребенку вырасти в лучшую, самую яркую, красивую, правильную версию самого себя. Чтобы он мог быть счастливым и успешным. Быть любящим и отдающим.

Чтобы мы в старости рядом с ними тоже чувствовали себя счастливыми.

Окруженными любовью и уважением.

Глава 1. Система убеждений - ребенок и родитель

Событие № 1

Несколько лет назад на вечере встречи выпускников школы, в которой я когда-то работала психологом, я обратила внимание на один факт. То в той, то в другой группе бывших учеников, встречавшихся после многолетней разлуки, я видела одну и ту же повторяющуюся сцену - кто-то доставал фотографии своих детей и с гордостью показывал бывшим одноклассникам. Потом кто-то другой показывал своего ребенка или детей. Так продолжалось в течение вечера - я постоянно видела этот обмен, показ, демонстрацию детей, родившихся за тот период, пока одноклассники не виделись.

Меня это заинтересовало: люди рассказывали друг другу об успехах, о делах, о переменах в жизни и обязательно в какой-то момент хвастались - много слова не подберу - наличием ребенка. Тем, какой у них ребенок или сколько у них детей. И я подумала: это действительно одно из их достижений за период, прошедший с момента окончания школы. Это одно из важных событий, наряду с окончанием вуза, открытием своего дела, покупкой квартиры или иными успехами. И судя по тому, как часто в течение вечера я наблюдала эту

ситуацию, одно из самых важных их достижений. Одно из самых важных событий, которое за этот период произошло в жизни. Может быть, самое важное событие. Событие номер один.

Я много раз потом возвращалась к этой мысли: что есть рождение ребенка в жизни любого человека? Что это за событие? Какова его важность? И каждый раз отвечала себе: это самое важное. Важнее - нет. Все остальные свершения и достижения - вторичны. Потому что выпустить в свет человека, дать жизнь другому существу - что может быть важнее? Открытие фирмы? Покупка машины? Ни одно из достижений, я уверена, не сравнится с этим, казалось бы, простым событием - я родил ребенка.

Это момент такого непостижимого творчества, это такое недоступное для понимания ума чудо - сотворение живого человека, выращивание его в себе (это может понять только женщина!), выпускание его в свет - и вот в твоих руках маленький, трогательно миниатюрный человечек и целая жизнь - жизнь, которую сотворил ты.

Это событие - рождение ребенка - необыкновенно важно еще и потому, что вызывает самые мощные перемены в жизни людей. Оно вызывает изменения в теле женщины, ее самочувствии, внешнем виде. Это действительно мощная перестройка, когда тело женщины становится сосудом для формирования и выращивания ребенка. Когда она уже больше не принадлежит себе полностью - и власть над ее телом переходит к этой новой жизни. Девять месяцев этой внутренней связи - служения будущему ребенку, позволения ребенку использовать твое тело, как инкубатор, как сосуд для роста, питания. Это не может не отразиться на психике женщины, в переживании удивительных ощущений - в тебе растет другое существо. Оно питается через тебя, оно из тебя берет все необходимое для строительства своего тела. И ты обнаруживаешь, что у тебя вдруг стали ломкими ногти или волосы стали сыпаться. Или резко, непреодолимо вдруг хочется арбуза, а на улице - декабрь... Выносить ребенка - уже испытание на прочность, на терпимость, на принятие. Только еще выносить... А растить?

Его появление - это испытание. Потому что все меняется с его появлением. Все - от привычек и пристрастий, от режима дня, питания, образа жизни - требует перемен. И так странно бывает осознавать, какие глобальные перемены в жизни вызывает такое крошечное, беспомощное, казалось бы, ничего еще не умеющее требовать существо.

Но все меняется. Меняется жизнь. Меняются отношения. И появление ребенка - один из самых серьезных кризисных периодов для семьи.

Этот период - вынашивание и появление ребенка - всегда описывается как важный период в жизни женщины. Но какой это важный, а иногда и страшный период для мужчины! От тебя ничего не зависит, и ты не в силах ей помочь - она в этом процессе физиологического вынашивания все равно остается наедине с ребенком. Тебе только остается быть рядом, терпеть меняющийся характер, капризы, смены настроения. Она начинает рожать, и опять - ты не в силах помочь, ты можешь только переживать и надеяться на лучшее. И после родов, когда, казалось бы, все самое напряженное и волнующее позади, появляется много неприятного. Женщина, для которой ты был самым любимым и единственным, теперь больше любит другого человека - ребенка. Ты становишься номером два. И как сложно пережить этот период, когда ей - не до тебя. Как сложно пережить перестройку ее характера, вкусов, режима дня.

И как сложно осознать, понять, принять это другое существо, которое девять месяцев существовало в виде какого-то бестелесного образа. Теперь у этого существа есть тело - маленькое, хрупкое. И какое это чудо, и как сложно осознать, что это - твоя плоть. Мужчине это гораздо сложнее понять, принять, чем женщине, которая девять месяцев была с ребенком одной плотью, уже была соединена с ним в одно целое. И как сложно мужчине *почувствовать* это существо - гораздо сложнее, чем женщине, которая чувствует его на уровне духовной и телесной связи.

Это действительно событие. Это - чудо. Рядом с тобой появляется маленький человек, который входит в твою жизнь и становится частью ее. Он живет рядом с тобой, ест, спит,

плачет, смеется. Он растет. Задает вопросы. Он играет и шалит. Он чего-то требует. Он - часть твоей жизни. Он уже вошел в нее.

Рождение ребенка - это действительно событие огромной важности. И это событие - не временное, не проходящее. Это событие на всю жизнь. Этот маленький человек, который будет расти и расти, - он будет рядом с тобой, в твоей жизни, в твоих мыслях и переживаниях всю жизнь.

Недавно дочь, влетевшая ко мне с каким-то вопросом во время моего важного телефонного разговора, сказала: «Ой, мам, извини, я тебе помешала?», - и увидя, как я просто махнула ей в ответ рукой: мол, чего уж там, в первый раз, что ли, - расхохоталась и сказала уже серьезно: «Слушай, и правда, я всю жизнь тебя отвлекаю, мешаю каким-то твоим делам. И мой ребенок - постоянно меня отвлекает, в чем-то мешает. И это - на всю жизнь, навсегда!»

Это - навсегда!

Это событие - навсегда!

Это - непрекращающееся общение. Непрекращающаяся связь. И непрекращающиеся дела.

«Чем я раньше занималась, что я раньше вообще делала, когда ее не было?» Я помню этот вопрос, который рождался во мне в первые месяцы жизни моей маленькой доченьки. Жизнь до нее казалась пустой и ненаполненной. Ну, ходила на лекции, ну, почитала дома книгу, посмотрела телевизор, ну, ходила в гости. И все. Все так спокойно и привычно. А тут - постоянные дела, непрекращающиеся дела и хлопоты. Покормить, перепеленать, постирать, погладить, обработать пуповину или присыпкой припудрить все нежные складочки на теле доченьки, покачать, подготовиться к купанию, искупать и опять - обработать, присыпать, запеленать, покормить, уложить, покачать... И постоянное беспокойство - почему она плачет? Почему плохо покушала? Когда она, наконец, заснет? Что эта за легкая сыпь на ручке - а может, она заболела? Почему она плохо набирает вес? Чем ее прикормить? Когда же среди всех этих хлопот я себя покормлю? И когда я уже выплусь?...

Это событие - рождение ребенка - и есть сама жизнь - во всей ее полноте дел, переживаний, эмоций. Во всей полноте счастья и огорчений, которые может дать нам только ребенок.

Наверное, только после рождения ребенка и начинается твоя настоящая полноценная жизнь.

Жизнь, приобретающая истинный смысл.

Жизнь, которая начинается заново.

Неизведанная новизна

Рождение ребенка - начало нового этапа жизни, отношений. Ново все - твои чувства, состояние тела после родов, твои обязанности.

Надо что-то с ним делать, но как? Сколько бы ты ни читал об этом, ни слышал чьи-то рассказы, ни смотрел кино, что и как делать с ребенком - это тот опыт, который каждый проходит впервые и в одиночку. Который ярко переживается каждым человеком на уровне эмоций, чувств. Разных эмоций и чувств.

Чувство беспомощности, когда он заходится от крика и ты ничем не можешь ему помочь, потому что просто не понимаешь, что с ним. Сомнения, страх - вдруг я не справлюсь?! Отчаяние и ощущение непоправимости: я его уже родила, и с этим уже ничего нельзя сделать! Восторг и умиление до слез, до мурашек на теле - от ладошки этой маленькой, трогательной у спящего малыша. Желание его придушить - когда он орет, не прекращая, вторые сутки...

Я помню себя молодой и очень испуганной, беспомощной мамой, когда только начала проходить этот опыт - быть мамой, отвечать за жизнь ребенка. Все было ново - и как его держать на руках, и как пеленать. И когда моя маленькая доченька плакала, я тоже иногда плакала вместе с ней от собственной беспомощности, просто не понимая, чем ей помочь. И пугалась сама себя - когда на смену такой огромной, щемящей, рвущей сердце любви к ней -

крохотной, уязвимой, моей маленькой дочурке - приходило чувство ненависти: когда она прекратит орать! Потому что сил больше не было это слышать и спать хотелось. Так мучительно хотелось спать!

Я помню, как впервые поймала себя на этом ужасном чувстве - что мне хочется что-то сделать с ребенком, чтобы он уже замолчал. Я так испугалась тогда этого чувства, что подумала - может, я ненормальная мать, нормальные матери должны любить любого ребенка, и орущего тоже. А я, уставшая от постоянного недосыпания, от непрекращающегося крика младенца, от собственной беспомощности, - не чувствовала к нему никакой любви. И я, испугавшись этой ненависти, вдруг прорвавшейся у меня к этой малютке, поделилась своими переживаниями со своей подругой - тоже мамой маленького ребенка. И она в ответ ободряюще сказала:

- Ты знаешь, мне самой его иногда хочется придушить!

Она сказала это как-то легко, не мучаясь осознанием, что ребенок вызывает в ней такие чувства, но меня это не успокоило, не ободрило. И я сказала:

- Может, мы с тобой две такие уродки, что не умеем всегда, постоянно любить детей?

Она ответила:

- Знаешь, я поделилась этим со своей мамой, а она сказала, что это нормально, что в детстве, когда я не спала ночами - к ней тоже иногда приходило такое желание - чтобы я уже заткнулась навсегда... А я тут сынишку успокаивала, укачивала на руках, а дело было летом, я - на девятом этаже, и у меня уже не было сил его больше качать. И я вдруг поняла, что я могу его вот так - раз, и в окно выбросить, потому что просто больше не могу... И я от окна отошла, потому что поняла, что испытываю такое страшное раздражение, что действительно уже за себя не отвечаю...

Я, потрясенная услышанным, успокоилась немного и подумала, что я - нормальная мать, что мне моего ребенка не хочется выкинуть из окна, а так - придушить немножко, чтобы он замолчал на время и дал мне поспать. И сама опять испугалась своим чувствам - ничего себе, нормальная мать...

И часто, гуляя с ребенком, встречаясь с такими же неопытными молодыми мамами, заводила с ними разговоры, чтобы понять - нормальная ли я мать. Правильно ли я чувствую? Правильно ли я делаю? Потому что ничего же сама не знала, как надо. Такое это новое было ощущение, роль, опыт - быть мамой.

Это такая новая роль. Это новые умения. Это новые качества, которые раньше не проявлялись так ярко. И в этом смысле рождение ребенка - это действительно событие, которое позволяет человеку реализовать себя, раскрыть себя, выпустить из себя какие-то качества, которые спали в нем и не проявлялись так ярко, как проявляются именно с рождением ребенка.

И в этой новизне, в этом потоке действий и эмоций начинает формироваться, складываться наше отношение к ребенку. Отношение не только реальное, практичное. Отношение на уровне каких-то наших выводов, убеждений, представлений: что такое ребенок, что такое родитель. Что я, как родитель, должен или не должен делать по отношению к ребенку.

Вся эта система убеждений, каждое из этих представлений и убеждений независимо от нашего желания начнет программировать нас на определенные поступки, на конкретное поведение по отношению к ребенку, выражаться в конкретном стиле отношений.

Каждое из них приведет, в свою очередь, к конкретным результатам, последствиям в воспитании детей. К воспитанию лидера или неудачника. Поддержки в жизни - или обузы и проблемы. Уверенной в себе, ценной и достойной личности - или маленького, слабенького, робкого и несамостоятельного человечка.

Давай спокойно и последовательно посмотрим, как формируются эти представления. В чем их смысл. Большинство родителей - я уверена в этом! - даже не осознают этих убеждений и представлений, просто претворяют их в жизнь своими поступками по отношению к детям и получают результат, который их же часто ставит в тупик - как у них

получился такой ребенок? Как он таким стал - ведь они не этого хотели для него!

Представления о ребенке

...Он живет в тебе - и ты чувствуешь его толчки. Он - часть тебя. Он - плоть твоя и кровь. Он - твой. Принадлежащий тебе. Он - твоя собственность.

Это особенно ярко чувствуют женщины, носящие ребенка в своем теле. Но даже когда ребенок покидает это тело и начинает жить отдельно - это ощущение не исчезает.

Он - часть тебя. Он - твой.

Это чувствуют и мужчины. Не сразу, постепенно, но приходит ощущение, что он - твоя плоть и кровь. Это - часть тебя. Это - принадлежащее тебе существо. Он - твой.

Это отношение к ребенку как собственности, как к принадлежащему тебе, твоему существу и формирует у родителей убеждения, которые потом отразятся на всем процессе воспитания ребенка. На выборах методов воспитания, на возможности (скорее - невозможности!) увидеть в ребенке отдельную личность.

Давай запомним эти убеждения:

Ребенок - мой. Это моя собственность. Это мне принадлежащее существо.

...Он рождается крохотный, такой уязвимый, такой незащищенный.

Он - маленькая живая кукла. Маленькие ладошки. Маленькие игрушечные ножки. Пальчики, как лепестки. Ноготочки, как пергамент. Одна только мысль состричь ему ноготочки пугает - даже маникюрные ножницы кажутся большими, и так страшно нечаянно причинить ему боль.

Маленькая, просто кукольная одежда, вызывает умиление. Он - маленький. Он такой маленький...

И это отношение к ребенку как к маленькому - тоже одно из убеждений родителей, которое потом долгие годы будет определять в воспитании все - и выбор методов, и постоянный контроль, и недоверие, и опеку, и желание его оградить, защитить, уберечь.

Давай запомним это убеждение:

Ребенок - маленький.

...Он лежит в кроватке маленький и совершенно беспомощный. Он ничего еще не может сделать сам. Он еще не сформировался окончательно. Он еще не развит. Он еще как полуфабрикат. Он еще «недоделан». Это пока какое-то неполноценное существо, которому еще расти и расти, формироваться, совершенствоваться.

И эти представления о ребенке как о чем-то несовершенном и недоделанном потом во взаимодействии с ребенком и определяют методы воспитания, стиль отношения к нему, непрекращающееся желание его доделать, переделать, исправить, улучшить.

Давай запомним это представление:

Ребенок - это что-то несовершенное, «недоделанное».

Эти три группы представлений о ребенке, часто до конца не осознаваемых родителями, являются теми базовыми представлениями, которые лежат вообще в основании нашего отношения к детям. Которые потом и определяют весь стиль наших отношений, все наши методы и приемы воздействия на детей.

И которые приведут нас к стольким родительским ошибкам...

Представления о родителе

Что такое быть родителем? Что включает в себя это понятие - родитель?

Только ли это человек, который родил, дал жизнь? Или это человек, обладающий какими-то качествами, умениями?

- Какими? - спрашиваю я родителей на тренинге и редко слышу какие-то вразумительные ответы. Потому что мы не задаем себе таких вопросов.

Осознание того, чем я должен овладеть, какие качества должен в себе открыть, если выбираю дать жизнь другому существу и быть для него родителем, большинству людей не присуще.

Мы редко осознанно вызываем и проявляем такие качества. Но из нас - неосознанно, но мощно вытаскиваются, появляются на свет другие. Они потом и будут руководить нами и

всем процессом нашего взаимодействия с ребенком.

...Он такой крохотный и такой беспомощный. Он пропадет без меня. Я отвечаю за него. Он абсолютно зависим от меня. Я отвечаю за всю его жизнь - за его питание, его сон, его здоровье, его внешний вид. Я отвечаю за все.

И это такое «клинящее» голову чувство ответственности. Ответственности за жизнь этого маленького беспомощного существа. Любой сквозняк может унести его жизнь. Любой микроб может вызвать болезнь. Одно неверное движение - и ты делаешь ему больно. Одна твоя ошибка может привести к печальным последствиям. Нигде, ни в какой сфере нет такой ответственности, такого риска, такой платы - как здоровье, жизнь ребенка.

И все взаимодействие с ребенком наполнено этой огромной ответственностью - где я отвечаю за его жизнь, здоровье, поведение, успехи. Я отвечаю за него. Ответственность за его жизнь - на мне.

Давай запомним эти убеждения.

Быть родителем - это взять на себя ответственность. Воспитывать ребенка - это отвечать за него.

Как много последствий вызовет это представление о родительской ответственности! Живя в этом убеждении, мы просто неспособны будем снять с себя бремя ответственности, неспособны будем передать ответственность детям, будем вынуждены постоянно быть рядом с ними и брать на себя решение всех проблем...

...Он - маленький и беспомощный. Он ничего еще не знает и ничего не понимает. Он ничего еще не умеет.

Каждый родитель, находясь рядом с таким вот «неполноценным» существом, невольно начинает осознавать свою великую ценность. Свою величину. Каждый, невольно, но приходит к ощущению себя большим, взрослым, умным, умелым.

Запомним это убеждение о родителе:

Родитель - это большой, взрослый, умный человек.

...На смену полной родительской неопытности - уже спустя несколько дней после рождения ребенка - приходит ощущение некоего знания и опыта.

Я знаю, как его приложить к груди.

Я знаю, как обработать его пуповину.

Я знаю, как его пеленать.

Спустя несколько месяцев после рождения ребенка есть уже более прочное ощущение, что ты знаешь, что ему нужно. Ты действительно уже много знаешь, что нужно малышу.

Я знаю, как его одевать, собираясь на улицу. Я знаю, чем его прикормить. Я знаю, когда его укладывать спать.

Знания накапливаются по чуть-чуть, но постепенно создается некое ощущение *полноценности* знаний.

Я знаю, чем ему заниматься. В какие игры играть. Какие книжки читать. Что рисовать.

И со временем мои знания становятся прочными. Становятся основательными, незыблемыми. И есть ощущение, что я знаю не только то, что сейчас надо ребенку, но что вообще ему надо в жизни. И есть ощущение правильности собственных знаний.

И это ощущение собственного знания становится глобальным. И ощущения собственного знания, мудрости захлестывают родителей. И неосознанно формируют представления:

Родитель всегда знает, что нужно его ребенку. Родитель - всегда прав.

И эти представления о родителе как о знающем, всегда правом тоже сыграют свою важную роль в воспитании детей, в нашем отношении к ним. Потому что разве вообще есть место детской самостоятельности и свободе рядом с такими вот знающими и всегда правыми родителями?

...Я решаю, как он будет одет. Я решаю, чем он будет накормлен. Я решаю, когда он ляжет спать. Я решаю, когда он пойдет гулять.

Я делаю за него все выборы, потому что он еще не может выбрать сам.

Я делаю за него все действия, потому что он еще не может действовать сам.

Я принимаю за него все решения - потому что он сам не может решить.

Я управляю всей его жизнью. День за днем. Месяц за месяцем.

И это постоянное руководство и управление жизнью ребенка и формируют мои убеждения о том, что такое быть родителем.

Родитель - это тот, кто все решает. Родитель - это тот, кто управляет и руководит жизнью ребенка.

Давай запомним и эти убеждения.

Все эти представления о родителе как о взрослом, умном, опытном и знающем человеке, который полностью отвечает за ребенка и управляет его жизнью, определяют потом все наши педагогические воздействия. И все наши бесчисленные ошибки.

Убеждения со стороны

Кроме тех убеждений и представлений о ребенке, о родителе, которые формируются в нашем собственном опыте общения с детьми, есть целая система убеждений и представлений, уже существующая в социуме. И которая неминуемо передается нам от социума.

Это убеждения и представления наших мам и бабушек, наших друзей, вообще людей, с которыми мы взаимодействуем в жизни. Они приходят к нам в виде советов, «добрых» пожеланий, напутствий. И мы, невольно, принимаем эти чужие убеждения за руководство к действию.

«Не приучай к рукам!» Такое наставление слышала, пожалуй, каждая мама. Любящие нас мамы или бабушки советовали нам это.

«Не подходи к нему, когда он плачет! Пусть поорет и поймет, что к нему никто не подойдет, а то будешь таскать его на руках постоянно!» Так мог звучать этот «добрый» совет.

Но что таится за этим «добрым» советом?

Не цени своего ребенка. Не обращай внимания на его чувства. Не обращай внимания на его настроение. Не обращай внимания на его состояние. (Ведь плач ребенка является в первые месяцы его жизни единственным языком, которым он привлекает внимание мамы по всем случаям дискомфорта - голоден ли, мокрый ли он, болит ли у него что-то, одиноко ли ему, нужна ли ему любовь!)

«Мало ли, что он хочет! Он должен спать по часам. Он должен есть то, что ты ему приготовишь. Он должен слушаться». Так тоже могут звучать «добрые» советы. И за ними опять скрытое представление: не цени желания и чувства ребенка. Ребенок - это что-то неценное. Ребенок - это что-то бесправное. Ребенок должен быть послушным. Он не имеет права сам решать. Все должно быть так, как захочешь ты, взрослый.

И в этом - слышатся все те же знакомые уже убеждения. Родитель - умный, знающий и руководящий. Ребенок - маленький, подчиняющийся, сам ничего не решающий.

И какие это опасные убеждения!

Зачем нам дети?

Именно этот вопрос я задаю родителям, когда начинаю вести тренинг для родителей. Я задаю простой, на первый взгляд, вопрос: «Если ты родил ребенка - то зачем ты это сделал?»

И никогда сразу не слышу вразумительный ответ. Потому что такие вопросы мы себе не задаем. Мы просто рождаем детей без *осознанной* цели, потом так же неосознанно что-то делаем с ними, потом - поражаемся результату...

Это удивительно, это поразительно, это каждый раз приводит меня в состояние искреннего изумления, но решение иметь ребенка часто принимается нами так неосознанно, так безответственно, так бездумно, как не принимается даже решение купить кофточку. А уж завести дома собаку...

И парадокс заключается в том, что те люди, которые не рискуют заводить собаку, потому что она принесет много хлопот, ее надо кормить, с ней надо гулять, - с легкостью и бездумностью заводят детей. Детей, которых не только надо кормить и с которыми надо

гулять, которые при этом еще и писают, и какают, и орут благим матом, и болеют, и пачкают одежду, и шумят, и требуют внимания, и капризничают, не хотят ложиться спать, и т. д., и т. п.

И на вопрос, зачем тебе все это надо, зачем ты завел себе ребенка - большинство людей потрясенно молчат. Потому что не знают. Не думали об этом.

И потом, посидев над этим вопросом, начинают отвечать.

- Ну, как же, ребенок - это же продолжение рода. Чтобы род не прерывался, чтобы фамилия продолжалась...

- Просто надо родить ребенка, потому что все должны рожать детей, раз Бог дал такую способность...

- Без ребенка семья неправильная, неполноценная. Чтобы семья была нормальной, нужны дети...

- Просто это надо пережить - такие эмоции, такое событие, как рождение ребенка...

- Ну, пришло время заводить детей. Вроде все уже есть, стабильность какая-то, быт. Ребенка только нет...

- Другие уже все родили, вроде тоже нужно...

- Чтобы семью скрепить, чтобы мужчину удержать...

- Мне кажется, пока я не родила, я еще не открыла себя полностью. Я должна пережить эту роль - роль матери. Реализовать себя как женщина...

- Хочется кого-то любить, с кем-то делиться тем, что знаешь...

- Хочется кому-то быть нужной и чтобы кто-то тебя любил...

- Чтобы в старости было кому стакан воды подать...

Ответов становится больше, но все они - про одно и то же. И смысл, скрытый в каждом ответе - один и тот же.

Мне нужен ребенок *для меня самого*.

Мне нужен ребенок для решения каких-то *моих* задач (или мужа удержать, или жизнь наполнить каким-то смыслом, или себя продолжить в этом ребенке, или другим показать, что ты тоже нормальный, такой как все - тоже ребенка родил...).

И ни в одном ответе не было - мне нужен ребенок *для него самого*. Чтобы дать ему жизнь. Чтобы в мире появился еще один, *отдельный, другой* человек. И я могу помочь *ему* стать сильным и уверенным.

Хотим мы того или нет, но это скрытое, не всегда осознаваемое нами желание иметь ребенка *для себя*, для своей жизни, а не *для него*, существует у большинства родителей. И именно это отношение к ребенку как к существу, с помощью которого ты будешь решать какие-то свои проблемы, реализовывать себя, и определяет потом все - и наши методы воспитания, и те ужасные для нас и для наших детей последствия, с которыми мы просто обречены столкнуться.

К сожалению, у большинства из нас присутствует это неосознанное желание иметь ребенка для себя. И это неосознаваемое нами убеждение:

Ребенок - это существо для меня. Он нужен мне для меня.

И это убеждение заставит нас выбирать определенные методы воспитания, которые помогут нам формировать удобного для нас ребенка. Которые дадут нам возможность использовать ребенка для себя и своей жизни.

И пусть нас не коробит это слово. Пока мы заводим детей для себя, мы все, в большинстве своем, используем их в своих целях. И нам важно понять - как и где мы это делаем, чтобы у каждого из нас была возможность задуматься и решить - хотим ли мы продолжать это делать.

Система убеждений

Постепенно из отдельных выводов о том, кто такой ребенок, какой он, что он должен или не должен делать, и кто такой родитель, какой он, что он должен или не должен делать, - и складывается целая система убеждений. Убеждений, представлений, которые и станут теми внутренними программами поведения родителей по отношению к своим детям,

воплотившим эти убеждения в жизнь. Которые приведут родителей к определенным педагогическим (а часто - совершенно непдагогическим!) действиям.

(Мы много и подробно говорим о том, как каждое убеждение и представление человека о нем самом, о других людях становится его неосознанной программой поведения, в книгах «Мысль творит реальность», «Воспитание по-новому».)

Давай рассмотрим, какие неосознанные программы запускает эта - общепринятая - система убеждений. Она, действительно, общепринятая: поколения родителей считали себя вершителями судьбы ребенка, считали ребенка своей собственностью, должной подчиниться воле и решениям родителей. Поколения родителей брали на себя всю ответственность за жизнь, поведение и поступки ребенка, не оставляя ему - бесправному, маленькому, несмышленому существу - пространства и места для самостоятельности.

Давай посмотрим, как работают эти программы. И к чему они приводят.

Глава 2. Руководство и контроль

Убеждения начинают работать

Уже в первый год жизни ребенка в нас формируются эти представления и убеждения.

И весь этот комплекс убеждений и представлений о ребенке, как о маленьком и слабом, беспомощном и несовершенном, и о родителе, как о большом и знающем, все решающем и за все отвечающем, - начинает реально работать в наших отношениях.

Наступает закономерный период руководства и контроля над ребенком. А как же иначе - если роли распределены именно так?

Ощущение себя знающим, мудрым, опытным родителем рядом с несмышленным, ничего в этой жизни не понимающим ребенком, дает такое ощущение власти и могущества, что просто невыносимо дать ребенку возможность самому решать, выбирать, строить свою жизнь, свои отношения.

Родитель, исходя из этих убеждений, должен им управлять. И руководить им. Думать за него. Родитель должен делать его таким, каким считает нужным.

Если родитель считает, что ребенок - его собственность, то можно не спрашивать у ребенка позволения на это. Можно не считаться с его мнением. Можно не спрашивать - чего он хочет? Это же мой ребенок. Мы же одно целое. Я сам решу, что ему надо. Я вообще перестаю думать о его желаниях, его настроении, его свободе.

Если ребенок нужен родителю для него, для его удобства - то его задача сделать ребенка таким, чтобы было удобно родителю.

И тогда родитель воспитывает ребенка послушным, который будет говорить нужные родителю слова, чувствовать нужные ему эмоции и выражать приятные ему чувства (как будто задача родителя - воспитать робота!).

И на долгие годы сохраняется этот стиль отношений между родителем и ребенком. Несмотря на то что ребенок растет и меняется и уже что-то может сам и знает сам, руководящее и управляющее, ответственное отношение к процессу воспитания остается для родителей неизменным.

Я обращаю твое внимание на то, что система убеждений и представлений о родителе, ребенке, о сути их взаимоотношений неизбежно приводит родителей к определенному отношению к ребенку, к определенному стилю отношений, который характеризуется несколькими неизменными составляющими.

1. Ребенка надо постоянно контролировать.
2. За ребенка надо принимать решения.
3. Его надо подчинить своей воле, добиваясь на разных стадиях его роста и развития выполнения нужных родителю действий, поступков, нужного поведения.
4. За ребенка надо отвечать - ограждая его самого от риска самостоятельных поступков

и действий.

5. Им надо управлять, вести по жизни, руководить всей его жизнью.

Это как бы внутренние, большей частью вообще не осознаваемые родителями задачи, которые они и решают на протяжении всего периода взаимодействий с ребенком. На протяжении многих лет.

Давай посмотрим, как проявляются эти задачи на разных возрастных этапах взросления ребенка, чтобы увидеть перекосы и недостатки этого стиля отношений, увидеть его последствия. Чтобы увидеть, как на каждом этапе роста и развития ребенка этот стиль ограничивает ребенка, его свободу выбора, свободу самостоятельности, свободу становления его личности.

Чтобы изменить потом всю систему наших убеждений и перестроить взаимоотношения с ребенком.

Ребенок начал самостоятельно передвигаться

Когда ребенок лежит в коляске или кроватке, я, родитель, контролирую его жизнь полностью. Я знаю, что с ним делать. Я знаю, когда его кормить. Когда его надо уложить спать. Когда с ним надо гулять.

Но вот ребенок подрос настолько, что научился сидеть. А потом начал ползать. И я вдруг обнаруживаю, что уже не контролирую его полностью. Потому что не успеешь оглянуться, а он уже не у тебя на виду, не у твоих ног ползает, а в соседней комнате. И я начинаю понимать, что его самостоятельные передвижения не очень хороши, они могут быть опасны для его жизни.

И из самых хороших побуждений (я же отвечаю за его жизнь!) я начинаю ограничивать его. Я говорю: «Не лазай! Не ползай! Туда нельзя! Сиди на месте!»

Я, как хороший и, главное, знающий родитель, просто не могу позволить ребенку смело и самостоятельно осваивать окружающее пространство. Я же лучше его знаю жизнь!

Я знаю свою квартиру. Я знаю, где таится опасность, где могут быть занозы или где он может споткнуться. Я знаю о вреде ползания по ковру. Я знаю, что пол холодный, и он может заболеть. (Заметим, и это притом что ребенок может выжить в самых плохих климатических условиях - такие в него вложены мощные силы для выживания!)

Но я, как родитель, знаю, что холод линолеума или паркета может быть губительным для моего ребенка. Я знаю про углы, о которые он может удариться. Я думаю, что мой ребенок (он что - слепой, глухой и тупой?) - обязательно напорется на эти углы! Я знаю о розетках, которые могут убить его током.

Я столько уже знаю про этот мир по сравнению с этим ничего не знающим ребенком, что отвергаю его первую попытку оторваться от меня даже на два метра! «Нормальный» родитель никогда не даст ребенку свободу перемещения и свободу выбора - куда ему ползти!

И я продолжаю говорить: «Ты куда? Туда нельзя. Там грязно! Там опасно! Там ток!» А иногда просто запугиваю его, говоря страшным голосом: «Там Баба Яга! Там Кощей!»

Когда ребенок начинает самостоятельно ходить, его возможности освоения мира еще расширяются, дистанция между ребенком и родителем увеличивается. А это еще страшнее, потому что мне еще труднее становится его контролировать. А я как хороший родитель знаю, что должен всегда держать ребенка под контролем, в поле моей видимости, потому что я за него отвечаю. Но когда ребенок начинает ходить, бегать - я могу не успеть что-то проконтролировать, не успеть подбежать, чтобы помешать ему взять какой-то предмет, совершить какое-то действие.

Мало того, в этом желании ребенка осваивать пространство, передвигаться по миру есть одно очень большое неудобство для меня. Я должен за ним ходить, держать его в постоянном поле внимания, а это же очень неудобно! Мне удобно, когда он лежит в кроватке или сидит в манеже. И не мешает мне заниматься моими делами. Не мешает моей жизни. (А поскольку ребенок - существо для меня, то он должен быть удобным для меня - то есть не мешать мне делать то, что я хочу, а не делать то, что он сам хочет!)

А поскольку я, родитель, руковожу им, то я и решаю, что ему место в манеже, а не в

свободном исследовании мира. И опять ограничиваю его движение рамками манежа. Мне так удобнее. Мне так спокойнее!

Но, к сожалению для многих родителей, ребенка невозможно надолго ограничить рамками манежа. Ребенок подрастает и уже сам может выбираться из манежа, чтобы осваивать окружающее пространство. И опять родителю надо усиливать контроль.

Мало того, ребенок, который подрастает и все больше и больше овладевает движениями, все больше и больше доставляет родителям и окружающим людям беспокойство. Потому что он бегаёт, топает, стучит, болтает ногами.

И я опять продолжаю ставить запреты: «Не бегай! Не прыгай! Не топай! Не стучи! Не болтай ногами! Да сядь ты на место! Да посиди хоть минуту спокойно! Куда пошел? Не ходи туда!» Я, образно говоря, завязываю ему ноги. Лишаю его свободы движений. Лишаю его естественного, свободного желания осваивать, узнавать этот мир.

На самом деле, с момента, как ребенок начинает передвигаться, он начинает брать на себя ответственность за исследование мира. И это очень важный момент в его жизни. Это первая попытка быть самостоятельным. Это его первая попытка выбора. Она будет им совершена не в два или в три года, когда он захочет выбрать рубашечку или не согласится надеть ботиночки, которые я ему дам. Первая попытка выбора - что делать, самому решать в каком направлении двигаться, что исследовать в этом мире - совершается с момента, когда он начинает самостоятельно передвигаться по миру.

Но разве может «нормальный», «знающий», ответственный родитель дать ребенку свободу выбора идти туда, где ему интересно! (Все «знающие» родители даже не понимают, что это первый опыт самостоятельности маленького человека, что маленькая личность начинает сама выбирать - куда пойти, что взять в руки, что исследовать!) Но как родитель может позволить ребенку жить исходя из его желаний?!

Ребенок хочет подойти к этому дереву, но это может быть опасно! С дерева может упасть ветка - я же знаю, что с дерева иногда падают ветки! А вдруг это дерево больно какой-нибудь болезнью? А вдруг об него кошка терлась, и у ребенка может быть лишай? А может, там собачка пописала? Я, как родитель, ни за что не дам ему туда пойти! И опять и опять ставлю запреты: «Туда не ходи! Стой спокойно! Сиди на месте!»

И мне, как родителю, так спокойнее: микробов ребенок не нахватается. Ветками глазки не выколет.

А какой же удобный растёт ребенок! Сказали ему сидеть - сидит. Сказали стоять - стоит. И соседи завидуют - какой хороший ребенок растёт! И в детском саду, а потом и в школе таких детей любят - ими так легко управлять!

И мне такой ребенок нравится больше. Он на виду, в том месте, которое я ему определил. Занимается тем, что я для него выбрал.

А я-то, как родитель, - лучше знаю, что нужно моему ребенку!

Ребенок начал исследовать мир

Подрастая, ребенок не только осваивает пространство этого мира. Он начинает исследовать этот мир. Взаимодействовать с предметами, вещами этого мира.

Пока ребенок был ограничен в передвижениях, я, родитель, определял, с какими предметами он может взаимодействовать. Я давал ему погремушку или колечко, которое он мог брать в рот, чтобы чесать десенки. Я выбирал эти предметы.

Но когда ребенок начинает самостоятельно передвигаться, возможности его взаимодействия с миром несравнимо увеличиваются. И начинается новый этап освоения мира - этап обширного, подробного узнавания предметов, знакомства с предметами, с миром. Ребенок начинает исследовать этот мир руками.

И он уже оперирует не только теми предметами, которые я, как родитель, одобряю. Он сам теперь может взять погремушку или расческу, чашку или книжку. Он теперь может дотянуться до стола или встать на табуретку и добраться до кухонной полки. А там вилки, и ножи, и стеклянная посуда, и бутылка с уксусом.

И я, как хороший и ответственный родитель, должен опять - контролировать ребенка,

следить за ребенком и ограничивать его действия.

И я начинаю говорить: «Не трогай! Не бери! Положи на место!» Я начинаю запрещать исследование мира, ограничиваю взаимодействие с миром.

Но ребенок, который в этот период весь направлен на узнавание, освоение мира, просто должен все потрогать, рассмотреть. Все предметы в этом мире надо исследовать на ощупь и все надо попробовать на вкус. Это нормальный - и обязательный! - процесс исследования мира.

Но как я, знающий родитель, могу позволить ему такое смелое и свободное исследование?

Я знаю о грязи и микробах, о царапинах и заражении крови, о стафилококке и стоматите, об инфекциях и болезнях. Поэтому в интересах безопасности ребенка я просто должен его ограничивать, говоря: «Не трогай, это грязь! Это бяка! Это кака! Не бери в рот! Убери руки изо рта! Не тащи эту гадость в рот! Да что это за ребенок!»

Но ребенок просто обязан продолжать исследование мира. Ему во время этого исследования обязательно нужно что-то разбить, разобрать на части, сломать, чтобы посмотреть, как это сделано. Нормальный ребенок должен научиться понимать, как устроен этот мир, из чего сделаны предметы в этом мире.

И начинается период наших родительских страданий, потому что эти неутомимые в исследовании детские руки тянутся к ценным для нас вещам, важным бумагам. Они пачкают одежду. Портят полировку или хорошие вещи, которые стоят денег. Сколько неудобств от этих любознательных детей!

И мы опять и опять продолжаем запрещать: «Это нельзя! И это нельзя! Не бери! Положи на место!»

Они борются, они не соглашаются. Они пытаются продолжить свое свободное исследование мира. Но мы-то знаем, как с детьми обращаться. И часто мы шлепаем их по рукам, чтобы отбить охоту свободно орудовать руками.

И отбиваем эту охоту.

И вот уже послушный ребенок сидит на месте, ручки на коленках сложил. И это уже почти идеальный ребенок, с которым можно все дела переделать, потому что он не требует внимания. Сказали ему сидеть - он и сидит, сложив ручки, ждет новых распоряжений.

- Бабушка мне рассказывала, что я была такой хорошей девочкой, что если мы с ней пойдем куда-нибудь по делам и она меня на лавочку посадит, то когда она придет через два часа, а я все на том же месте и сижу, ручки на коленках сложив! Какая хорошая девочка... - такие рассказы всегда вызывают в зале смех. Потому что большинство мам, находящихся на тренинге - были такими вот хорошими девочками. И сейчас - своих детей делают такими же хорошими, «идеальными», удобными детьми!

Ребенок начал говорить

Каждый родитель ждет того волшебного момента, когда ребенок заговорит. Это будет так интересно, так здорово - разговаривать с ребенком! Он будет задавать вопросы, а я буду отвечать!

И первые их слова нас умиляют, и мы записываем их смешные, нелепо звучащие слова, чтобы потом, когда ребенок вырастет, рассказать ему, как он смешно говорил!

Но потом его рот не закрывается. Он говорит и говорит, он спрашивает и спрашивает. Он не умолкает. И это - утомляет и раздражает. И мы начинаем ограничивать поток его красноречия, говоря: «Закрой рот! Не кричи! Не болтай! Не шуми! Когда же ты замолчишь? Заткнись!»

И это постоянное: «Мам, а мам...», их попытки сунуть нос во все наши взрослые разговоры: «А что сказали? А зачем?» Их бесконечные: «Почему? Почему? Почему?» Их опасные вопросы про секс, про ссоры с мужем доведут кого угодно. И мы опять начинаем ограничивать и запрещать: «Не твое дело! Не суй нос, куда тебя не просят! Тебя не спрашивают! Не говори глупостей! Прекрати молоть языком!»

А это громкое пение, которое мне мешает, когда я хочу покоя после работы. И есть

соседи, перед которыми неудобно: что скажут люди? Еще подумают обо мне, что я плохая мать! И я опять говорю: «Не болтай! Не кричи! Прекрати петь! Закрой рот!»

А он еще выражает свои эмоции! Он ноет, или скулит, или плачет. Или протестует, кричит, говорит мне какие-то обидные слова, обвиняет меня. И мне это совсем не нравится! Потому что я, как родитель, знаю, какие эмоции должен испытывать нормальный ребенок. Он должен улыбаться и говорить: «Да, мама! Конечно, папа!»

Поэтому я опять ограничиваю его, говоря: «Не ной! Не скули! Не плачь! Прекрати жаловаться! Закрой рот! Не канючь!»

Так постоянно, незаметно даже для самих себя мы ограничиваем свободу ребенка говорить, проявлять себя, свои чувства. Потому что нам удобно, когда он молчит! Хорошо-то как - тихо, спокойно! Мечта каждого родителя - ребенок, который спит зубами к стенке, как будто его и нет...

Но задумывается ли кто-нибудь, каково ребенку, - с его невыпущенной свободой слов, эмоций, чувств? С его нереализованным интересом к жизни, с вопросами об этом мире, предназначенном для познания, на которые он не получил ответ? С его одиночеством в этом мире, в котором он не может себя свободно проявлять. И в котором самые значимые для него люди, его родители, - его не понимают, не принимают и не помогают ему.

Ребенок начал самостоятельно думать

Он растет, и у него появляются свои мнения, свои взгляды, суждения, оценки. У него появляются свои вкусы, свои пристрастия, своя голова на плечах - и как это мне неудобно! Он начинает советовать мне, как жить. Он суется в наши отношения. И я начинаю говорить: «Мал ты еще рассуждать! Мал ты еще мне советовать! Вырастешь, тогда будешь говорить, а пока слушай, что старшие говорят!»

Он начинает рассуждать о жизни. Высказывать свое отношение к фактам и событиям. Но я-то, родитель, знаю, что это неправильные взгляды и суждения, неправильные позиции. Ну подумайте, что он, маленький и бестолковый, может знать! И я опять начинаю говорить: «Мало ли чего ты думаешь! Мало ли что ты считаешь! Подумаешь - он сказал!... Чего ты понимаешь?»

Но он, растущий, интересующийся миром, начинает осваивать информацию об этом мире - он что-то читает, что-то смотрит, что-то обсуждает с другими. И как часто - читает он не то, что я считаю правильным, смотрит не то, что нужно, говорит не с тем, с кем нужно. Я-то знаю, что нужно читать, что смотреть, с кем общаться! И я говорю ему: «Рано тебе еще это читать! Это не для твоих ушей! У него есть свое мнение! Фу ты ну ты!»

Но ребенок хочет делать свои выводы о жизни. Выносить свои оценки. Он пытается понять правила жизни, анализирует поведение людей, не принимает взрослой фальши.

Но что он, маленький и бестолковый, может знать о жизни, о деньгах или о людях! Он слишком мал, чтобы что-то знать, поэтому мы, родители, объясним ему - как надо думать, как надо к чему-либо относиться. Это мы, родители, знаем «правильные» правила!

У нас уже есть некая правда жизни, которую мы и навязываем нашим детям. И как нас бесит, что они не хотят принимать нашей правды, а хотят создать свою! (Это же ненормально, что они хотят жить по своей правде! Они же должны жить по нашей правде!)

Мы хотим, чтобы они думали, как мы. Чтобы они соглашались с нашими мнениями. С нашими решениями. Чтобы они хотели купить себе ту куртку или кроссовки, которые мы выберем (которые нам выгодно выбрать, потому что они практичнее и дешевле!). Мы хотим, чтобы они читали те книги, которые мы им дадим. И дружили с теми детьми, которых мы для них выберем.

Мы хотим решать, когда и что им нужно делать. Чем интересоваться. Что им уже можно, а что еще рано.

Так, планомерно, последовательно, мы лишаем ребенка права на свободу мнений, суждений, ограничиваем его естественные интересы, потребности, желания. Ограничиваем его свободу быть собой. Разрушаем его веру в себя как в личность.

Какая он личность, если его мнения и позиции никого не интересуют!

Ребенок пошел в мир

Ребенок подрастает, и наступает момент, когда он выходит в мир - идет в детский сад, потом в школу.

Этот момент выхода ребенка в социум, в общение с другими людьми, в социальные группы и структуры - важнейший момент в становлении его личности. Потому что это настоящий серьезный опыт его самостоятельной жизни. Проверка его умения самому устанавливать и прорабатывать отношения. Быть взрослым настолько, чтобы самостоятельно, без родителей жить какое-то время с другими людьми.

И какая это возможность действительно сделать ребенка самостоятельным, ответственным! То есть передать *ему* право выбора, передать *ему* ответственность. Это и делают грамотные, мудрые родители, которые хотят сформировать ребенка личностью - сильной, свободной, самостоятельной.

И это то, что не делает ни один «нормальный» родитель, который *лучше знает*, что нужно его ребенку. Который знает, что ребенок еще слишком мал, чтобы что-то знать и понимать. Поэтому эти периоды, важные в личностном росте ребенка, не становятся для него поворотными. Все продолжает идти по тем же правилам. Родитель продолжает за него все решать и выбирать.

Потому что родитель все так же знает - что ему нужно носить, что надевать в детский сад. (Действительно, что он может знать о погоде, о том, что и когда надо надевать?! Я, его родитель, лучше его знаю! И что мне у него спрашивать, зачем мне с ним советоваться, когда он так мал, что ничего еще не знает и не понимает?)

Родитель также решает, что ребенок должен есть. (Ну сами посудите - что ребенок может знать о еде, о режиме питания, о калориях и витаминах? Он слишком мал, чтобы что-то знать. Я, родитель, лучше его знаю, что ему нужно.)

И начинается в жизни ребенка период двойного контроля. В саду за него все решают воспитатели - и что есть, и когда спать, и во что играть, дома продолжают все решать родители. И где, когда он сможет сам уже что-то решать, что-то выбирать?

И когда ребенок идет в школу - контроль этот, руководство и опека родителей не только не уменьшается, но и увеличивается. Потому что - разве знает ребенок об ответственности, дисциплине, пользе домашних заданий? Разве может он обойтись без родителей?

Поэтому нормальные «знающие» родители не передают ответственность за учебу ребенку, а еще больше нагружают себя ответственностью. И вместе делают уроки, или стоят за спиной ребенка, пока он их делает, чтобы он всегда был под контролем. (И как он может при этом понять, что учеба - это его дело, нужное ему, за которое он сам отвечает?!)

И родители продолжают вмешиваться в его жизнь - контролируя его свободное время, его общение со сверстниками. И ребенок опять весь под контролем. В школе им управляют, руководят учителя. Дома все так же управляют, руководят, контролируют его жизнь родители. Но где же сам ребенок? Где его жизнь, его опыт самостоятельного изучения, освоения жизни?

Мало того, каждая сторона в этом контроле требует от ребенка только одного - послушания. Родители требуют, чтобы ребенок делал то, что они хотят, и не делал того, чего они не хотят. Учитель хочет от детей того же - именно послушания. Причем послушания беспрекословного. Так детьми легче управлять.

- А ваши дети сразу делают то, о чем вы им говорите? - спрашивает учительница у родителей первоклассников. И жалуется, что не все дети сразу, как только она дает какое-то задание, не в одно мгновение начинают это делать. А кто-то еще о чем-то думает, кто-то медленно открывает тетрадь. А надо, чтобы тут же исполняли команду! Какие неподготовленные дети! Какая недоработка родителей!

Вот ситуация, которую я недавно наблюдала в школе, где учится мой внук.

Группа мам стоит перед охранником, сидящим при входе в школу. Перед ним - поставленные недавно турникеты, через которые, используя специальные карточки, могут

пройти только учащиеся школы и учителя.

- Ну пожалуйста, ну можно мы пройдем, откройте нам, пожалуйста, турникет... - просят мамы.

И охранник, уже утомленный мамами, отвечает устало, раздраженно:

- Женщины, ну я же вам сказал - нельзя в школу заходить! Вы каждый день тут проситесь, и я каждый день говорю - нельзя в школу заходить! Это же делается для безопасности ваших детей. Вы что, не понимаете?!

Мама понимает. Но после короткого молчания раздается все то же:

- Но можно нам пройти?... Вот мы только вдвоем пройдем, чтобы детям помочь переодеться...

- Да мне все равно, кто будет проходить. Нельзя в школу заходить! Откуда я знаю, может быть, вы террористы! - возмущается охранник... - Я никого не пропущу! - строго говорит он.

И мамы затихают. На время.

- Но понимаете, - спустя мгновение тревожным хором говорят мамы, - у нас дети в первом классе...

- Ну и что? - спрашивает охранник.

- Но они только что пришли с балета... - умоляющими голосами говорят мамы.

- Ну и что? - опять непримиримо говорит охранник.

- Они же у нас в гимнастических купальниках... Они же их не снимут...

- Ну почему же не снимут? - возмущается охранник. - Что же они в них теперь на всю жизнь останутся?! - говорит он и негодуя качает головой.

- Ну, пожалуйста... - опять слышится разнотон голосов. - Ну можно нам пройти...

- Женщины, - устало и вместе с тем категорично говорит охранник, - идите к директору и пусть она вас всех пропускает. Вот даст она вам разрешение - я вас всех пропущу...

Женщины замолкают. Потом одна из них говорит:

- Ну да, пойдешь к вашему директору... Она скажет - надо учить их самостоятельности...

- И правильно скажет! - горячо говорит охранник. - Ну что же вы их так опекаете!

- Но вы поймите, - опять раздается хор тревожных голосов, - они же только первый месяц учатся, они же еще не научились сами снимать эти купальники...

- Да когда же они у вас научатся! - возмущенно кричит охранник. Потом, как бы устыдившись своего крика, говорит уже спокойнее: - Женщины, ну что же вы творите! Я вот тут сижу и вижу, как вы детей портите. Ведь вы до пятого класса их портфель носите и за руку их из школы выводите. Вот так и будете своим детям до десятого класса ширинки застегивать и носы вытирать!

Мама притихли. Потому что - правда же. Но вскоре раздалось сразу несколько голосов:

- Ну, можно мы только сегодня...

Как говорится - без комментариев...

Ребенок становится взрослым

В этом контроле, руководстве, опеке и протекает вся жизнь ребенка. Рядом с ним на протяжении всей его жизни находятся его *знающие* и все за него *решающие* родители. И у нормальных родителей, как говорится, все схвачено. Все сферы жизни ребенка.

Родители знают, с кем ему дружить. (Конечно же, с детьми из хороших семей!)

Родители знают, что ребенка нужно отдать в кружки и секции для общего развития. И водить его в музеи для эстетического воспитания. И отдать потом в музыкальную школу, в класс обучения игре на скрипке или на фортепиано - чтобы рос культурным человеком.

А потом обязательно отдать в вуз - как же без высшего образования?

А мальчика надо будет «откосить» от армии, если мы - нормальные и заботливые родители.

И потом женить или выдать замуж за хорошего человека. Разумеется, хорошего - в

представлении все тех же «знающих» родителей!

И на протяжении всей жизни ребенка могут меняться только способы управления ребенком, формы контроля над ним. Потому что родителям, может быть, уже мало просто смотреть за ребенком, как он гуляет во дворе. Надо знать - о чем он думает, с кем встречается, о чем говорит. Поэтому родители читают дневники своих детей. Прослушивают их телефонные разговоры. Проверяют карманы или сумки. Все должно быть под контролем!

Так мы и доводим их «под колпаком» нашего контроля и опеки до взрослой жизни. И дети наши так и не становятся взрослыми. И когда ими стать, если не было у детей никакой возможности жить в *собственной* ответственности, *собственных* выборах и решениях? (Сколько родителей за время моей практики обратились ко мне с жалобами на своих детей, стоящих на пороге взрослости: «Ничего ему не надо, ничем не интересуется, куда идти учиться дальше, не знает, думать ни о чем не хочет!»)

Поэтому родители сами выберут ребенку институт, профессию. (Мало ли, что он хочет и о чем мечтает? Это все глупости!) Пусть лучше будет последней скрипкой в оркестре, раз мама хотела, чтобы он играл на скрипке. Или будет врачом, который ненавидит своих пациентов, - раз уж у родителей была возможность устроить его в медицинститут!

Родители будут контролировать его отношения, за кем он ухаживает или кто за ней ухаживает? Из какой семьи? Сколько зарабатывает? Какие перспективы в жизни? (Я же лучше знаю, что нужно моему ребенку. Мало ли - что он хочет, и ждет какой-то любви? Я-то знаю, что любовь заканчивается, а кушать хочется всегда!)

Родители помогут ему в выборе спутника жизни. Родители организуют свадьбу - что они, молодые, понимают в организации свадеб?! Родители решат, где молодые будут жить, как вести хозяйство. Будут контролировать, моют ли они посуду, что едят, не собираются ли заводить ребенка, предохраняются ли.

Родители будут рядом, когда у них родится ребенок. Их ребенок. Но и наш тоже - он же наш внук! И опять - надо проконтролировать! - у них же нет никакого опыта! А мы-то знаем, как рожать и воспитывать детей! И надо помочь им, чтобы правильно пеленали, чтобы молодая мама вовремя сцеживалась, чтобы правильно начали подкармливать ребенка.

И так - круг за кругом, поколение за поколением - не дают детям проживать свои жизни.

Я лучше знаю, что нужно моему ребенку!

...Я смотрю на улицу с высоты третьего этажа и вижу соседа, гуляющего с маленькой собачкой. Я часто наблюдаю эту сцену.

Он носит ее на руках. Так он гуляет с собачкой. Чтобы она не испачкалась. Чтобы не съела чего не нужно. Чтобы не убежала.

Я смотрю на это и думаю, что ничего более противоестественного я не видела. Собачка - живая, озорная, пытается вырваться, старается вылезти из-под пальто, но ее держат крепко.

Она поскуливает, глядя по сторонам, на землю, на которой хочет очутиться, но ее держат на руках, заботливо прогуливая по двору. Ее выгуливают на руках, чтобы она дышала воздухом. Ее хозяин решил, что ей так надо гулять. Сидеть под пальто и дышать воздухом. Он ведь знает, что нужно его собачке...

Прогулка окончена. Хозяин уходит с чувством удовлетворения на лице. Он наверняка чувствует себя заботливым, хорошим, правильным хозяином. Что чувствует собачка, остается только догадываться...

Каждый раз, видя эти странные, противоестественные прогулки, я думаю о правильных, заботливых, «знающих» родителях и об их бесправных, уже почти неживых детях. О детях, у которых просто нет возможности свободно исследовать мир, получать опыт самостоятельности, опыт собственных выборов, опыт собственных ошибок, которые являются обязательной, непременной частью любого личностного роста. Нет опыта проживания собственной жизни.

Я думаю о том, что это отношение к ребенку, как к маленькому и бестолковому со стороны знающих, всегда правых родителей - не меняется годами.

Потому что не меняется сама система убеждений о детях и родителях. Эти крепко сидящие в нас убеждения и двигают всеми нашими поступками, решениями по поводу ребенка.

На каждом возрастном этапе мы как бы исходим из одной и той же логики - **ребенок, маленький и неопытный - ничего не знает, я, родитель, знаю, что ему надо. Ребенок - должен быть удобен мне, родителю, поэтому должен жить той жизнью, которую я для него определю.**

Но даже когда ребенок вырастает, начинает соображать, и понимать, и узнавать мир - мы все так же привычно продолжаем жить в этой логике.

Так, начиная с периода младенчества, руководство и контроль определяют стиль отношения к ребенку. И даже когда он уже перестает быть ребенком, становится взрослым человеком, отцом или матерью своих детей, он все равно остается собственностью своих родителей - моим сыном или моей дочерью, которым/ой я продолжаю управлять - а как же без меня?

Мы хорошие родители

Мы все очень хорошие родители.

Я говорю это сейчас каждому читающему эту книгу. Даже если ты, читая эту главу, уже увидел какие-то свои ошибки, перекосы в воспитании - ты очень, очень хороший родитель.

Если ты читаешь эту книгу, это означает, что тебе важны отношения с твоим ребенком, что у тебя есть потребность в чем-то разобраться, что-то понять, улучшить ваши отношения. Уже это говорит о том, что ты очень хороший родитель.

Мы все очень хорошие родители уже потому только, что мы родили своих детей.

Мы решили родить ребенка. И мы его родили. Мы взяли на себя ответственность пустить его в жизнь. Это действительно один из самых сильных поступков человека. Потому что если ты даже больше ничего особо значительного не создашь в этой жизни, но дашь жизнь другому существу на этой планете - твоя жизнь прошла не зря. Это высочайшая наша миссия - давать жизнь другим людям. Мы уже потому хорошие - что решились на рождение ребенка. Что выполнили нашу миссию.

Я знаю, как трудно иногда дается такое решение. Скольким приходится жертвовать, от чего отказываться, сколько препятствий стоит на этом пути. И на этом пути есть риск - и здоровья, и отношений в семье, и материальной стабильности, и карьеры. И мы все равно идем на это!

И мы до сих пор еще с ними, с нашими детьми. Мы не знаем статистики - сколько родителей отказываются от детей, не вынеся бремени ответственности. Сколько родителей, которых трудно даже назвать этим словом, оставляют детей в роддомах, подбрасывают другим людям. У каждого из нас в какой-то момент могло возникнуть (или возникало!) желание не только чтобы он уже прекратил плакать, а чтобы исчез из нашей жизни со всеми проблемами, связанными с ним, - кормлением и сцеживанием, бессонными ночами, болезнями, капризами, вредным характером и отвратительными поступками. Но в нас есть силы и ответственность быть с нашими детьми. Остаться приверженными детям.

При этом ты сейчас можешь понимать, что натворил кучу ошибок. Что сам стиль отношений с ребенком был неправильным, что подход к воспитанию был неправильным. Но ведь ты не виноват в этом. Ведь никого из нас не учили, как правильно относиться к ребенку, как правильно с ним взаимодействовать. На основании каких убеждений строить отношения с детьми.

Этому всему мы и учимся, читая книгу «Искусство быть родителем». Книгу, написанную по материалам многих и многих тренингов для родителей. На одном из таких тренингов участница сказала:

- Я испытываю сейчас такое уважение к самой себе и ко всем родителям, присутствующим на тренинге. Мы сами в большинстве - продукты такого вот контролирующего и опекающего воспитания. Конечно, наши родители не виноваты в этом:

они сами стали такими, воспитанные своими родителями. И мы должны сказать в первую очередь «спасибо» самим себе, что мы с таким воспитанием выстояли в этой жизни настолько, что смогли взять на себя ответственность - дать жизнь другому человеку. И спасибо нам, что мы растем, развиваемся как родители. Что мы учимся становиться все лучше и лучше. Мы учимся тому, как любить своего ребенка. Как его правильно любить...

Мы все - очень хорошие родители - повторю я еще раз. Потому что во всем, что мы делали и делаем по отношению к нашим детям, - есть любовь.

Просто любовь бывает разная.

Мы любили наших детей - именно так мы их любили - защищая и оберегая, руководя их поступками, ведя их по жизни за ручку, принимая за них решения. Мы не могли их любить по-другому - вся система убеждений, существующая в социуме, заставляет нас именно так любить детей.

Такая наша любовь - это тоже одно из наших родительских убеждений. Любить - значит быть рядом, защищать и оберегать, прятать от жизненных трудностей, советовать, вести по жизни. Мы именно так любили.

Я говорю это тебе, чтобы потом, когда ты увидишь последствия подобной любви, такого нашего руководящего отношения к детям - тебе легче было понять - как же можно такое с ребенком сделать!

Мы ведь просто так их любили. Так, в большинстве случаев, любили нас. И мы, уже взрослые люди, на себе почувствовавшие последствия такого опекающего, руководящего воспитания наших родителей, такой защищающей, иногда - просто душащей любви, как правило, были недовольны такой любовью и таким отношением к себе.

Можно долго говорить о том, правильно или неправильно такое отношение к детям. Правильна или неправильна такая любовь.

Но можно просто посмотреть на результат, чтобы понять - нужна ли нам такая любовь к нашим детям. Нужна ли нашим детям такая любовь.

И можно просто научиться любить своего ребенка такой любовью, которая даст ему силы жить, быть собой, быть сильным в этой жизни...

Глава 3. Мы получаем результат

Послушание

Именно это мы хотим получить как результат. Именно это мы говорим детям постоянно - слушайся маму, слушайся бабушку, слушайся воспитателя...

Это одна из главных - осознанных или неосознанных - задач, которую ставят перед собой родители. Именно об этом результате осознанно или неосознанно мечтают все родители. Послушный ребенок. Понимающий взрослых, которых он слушается. Удобный ребенок. Удобный для взрослых.

Но удобный ли для себя? Для своей сегодняшней и дальнейшей жизни?

Однажды ко мне пришла молодая женщина с жалобами на дочь.

- Спать ее сразу не уложишь - «Мамочка, я еще поиграю!» Есть она не хочет, когда я хочу ее накормить. Зубы почистить - это целое дело! Игрушки убирает после того, как я на нее рявкну! Она все время пытается делать так, как хочет, не слушая того, что я ей говорю!

- А как должно быть? - спросила я. - Как бы вы хотели?

- Чтобы слушалась! Если ей сказали: «Иди есть» - чтобы шла и ела. Вы поймите, - сказала мама, - ей шесть лет, и она меня уже не слушается! А что я буду с ней делать в тринадцать лет? В пятнадцать? Ребенок должен слушаться взрослых! - произнесла она категорично.

- Откуда вы это знаете? - задала я ей неожиданный для нее вопрос.

И она растерялась.

- Ну, знаю... Ну а как еще?

- Вы сами были послушной девочкой? - спросила я ее.

- Конечно! - горячо ответила она. - Мама была для меня авторитетом. Я всегда ее слушалась! Всегда. Потому что она была взрослым человеком, она лучше меня все знала. Да, я ее слушалась...

- Расскажите мне, как вы ее слушались? Вспомните какой-нибудь пример из своей детской жизни...

И женщина рассказала, как однажды они с мамой пошли в магазин покупать ей туфельки. Ей было лет пять, она помнила себя очень маленькой, видящей маму снизу, держащейся за мамину руку.

- Мне очень понравились красные туфельки с бантиками, - рассказывала женщина, - они были такие красивые! Но мама сказала, что надо брать синие туфельки с пуговичками. Мама же лучше знала, что мне нужно. И мы купили синие туфельки с пуговичками. Когда я их мерила, они немного жали в пальчиках. Но мама сказала, что это ничего, что они растянутся. И поскольку мама лучше меня знала, я не стала с ней спорить. И я пошла домой в новых синих туфельках. И пока я шла - мне было очень больно, потому что туфли мне жали и натирали пальцы, но я молчала - мама же сказала, что это ничего, что они растянутся...

Женщина замолчала, чувствовалось, что ей неприятно было вспоминать об этом.

- Чем закончилась эта история? - спросила я.

- Когда я пришла домой, - после паузы сказала женщина, - мои пальчики были стерты в кровь. Но мама сказала, это ничего, не страшно, это заживет...

- И вы хотите, - сказала я ей, - чтобы ваша девочка тоже была такой вот послушной и беспрекословно делала то, что сказала мама?

И она ответила мне быстро, горячо, искренно:

- Нет, так я не хочу! - и повторила: - Так не хочу! Пусть лучше спорит, пусть не соглашается, пусть делает по-своему, но только не так, как я! Я же потом полжизни из себя эту девочку, молчаливую и послушную, изживала. Сколько я боли получила оттого, что стоять за себя не могла... Нет! - И опять горячо сказала: - Только не так! Я не хочу, чтобы она стала такой, какой была я...

Но многие родители именно этого и хотят - послушных, молчаливых детей. Удобных для родителей. Но неудобных для своей жизни, в которой надо стоять *за себя*, иметь *свое* мнение, отстаивать *свои* убеждения, идти *своим* путем.

Но мы, родители, всеми способами стараемся делать ребенка послушным *другим*, подчиняющимся *другим*, удобным для *других*.

И они, послушные нам, потом проживают свои жизни для других, ради других, либо мучительно освобождаются от послушания, изгоняя из себя маленького раба, который в них живет.

Как ты думаешь - будут ли они нам за это благодарны?

Беспомощность

Его привела в купе вагона пожилая женщина.

- Освободите наше место, - строго сказала она мне, сидящей у окна, - ему надо сесть.

Я посмотрела на женщину. На него. И даже растерялась, так неожиданны были ее слова. И не сдвинулась с места. Посмотрела на женщину с удивлением - что она имела в виду?!

- Женщина, - сказала она мне еще строже, - освободите наше место! Эта нижняя полка - наша.

- Простите, а я где должна сидеть, по-вашему мнению, на своей верхней полке? - придя в себя, спросила я ее. Но она, не услышав в моих словах никакой иронии, все так же строго сказала:

- Освободите место! Пусть он сядет у окна!

«Он» - мужчина лет сорока, с небольшим чемоданчиком, - стоял молча, ожидая, пока

ему освободят место. Был он какой-то поникший, зажатый. Никакой - говорят о таких людях.

Я отодвинулась от окна, чтобы он сел.

- Так, вот тебе пятьдесят рублей на постель, - сказала женщина. - Вот пакет с едой. На станции не выходи, а то отстанешь от поезда. По вагону не ходи. Куртку сними...

- Да что уж вы с ним так, как с маленьким, - не выдержала старушка, сидящая у окна напротив, которая тоже с интересом наблюдала эту сцену.

Строгая пожилая женщина, не обратив никакого внимания на ее слова, продолжала:

- Я позвоню маме, что я тебя посадила. Приедешь домой, пусть мама позвонит мне, что ты доехал.

Мы со старушкой только переглянулись и глаза опустили, так нелепа была вся эта ситуация, когда взрослого уже мужчину приводит, как маленького, пожилая женщина, которой, наверное, делать больше нечего, как только ехать в переполненном метро на вокзал, чтобы проводить такого вот «мальчика».

«Больной, что ли?» - подумала я. Подумала, пожалуй, даже с надеждой и сама себе поразилась: ничего себе - надеюсь, что человек этот болен. Но так, по крайней мере, мне была бы понятна вся ситуация. Ведь если он здоров, то почему он такой беспомощный, что сам в вагон сесть не может, что его надо с рук на руки передавать.

Он не был больным. Обычный, ничем не примечательный, действительно - «никакой» мужчина так и сидел весь вечер у окна, выполняя инструкцию - по вагону не ходить. Сдержанно, неохотно, как-то очень уж смущаясь, отвечал на вопросы словоохотливой старушки. Так же робко, просто не умея, наверное, общаться, что-то отвечал соседу, пытавшемуся поговорить с ним о политике.

Я, сидя с ним рядом, просто наблюдала, слушала и - жалко мне его было. Таким робким, таким запуганным, что ли, он был.

- Вы мне скажите, когда вы захотите стелить постель, - сказала я ему, - и он даже как-то дернулся от моих слов, как будто в них была угроза. - Чтобы я вам не мешала, - мягко сказала я ему, - если вы захотите спать...

Он только головой кивнул.

А я подумала: он, конечно, не больной, он нормальный. Но он в то же время - ненормальный. Разве можно назвать нормальным мужчину лет сорока, боящегося мира, несамостоятельного, забитого какого-то?!

Я встречала в жизни таких людей и слышала на тренингах много историй о таких вот больших детях, которые выросли, но так и не стали взрослыми.

И поражала меня во всех этих случаях одинаковость их жизненных сценариев. Можно было только менять имена - события, факты были одни и те же.

Хороший, милый, но - незаметный, робкий человек. Прекрасный исполнитель, на котором все, что называется, «воду возят». Живет под контролем уже пожилых родителей: «Ты поел? Когда домой придешь? Почему задерживаешься?» Одиноким, так и не нашедшим себе партнера в силу своей робости. Или живущий в тисках такого же, как родители, авторитарного партнера, который так же контролирует каждый его шаг. А если вдруг родители или партнер, которые вели его по жизни, исчезнут - человек испытает беспомощность и непонимание: как жить дальше?

Дальше - депрессия, постоянная депрессия. Часто - алкоголизм как попытка спрятаться, уйти от этой страшной и непонятной жизни. Иногда - самоубийство, как основной возможный способ уйти из жизни.

Каждый раз слушая об очередном вот таком сценарии, я думала грустно: а ведь начинаются такие сценарии всегда с одного и того же: «Деточка, давай я тебе гольфики надену...», - а ребенку уже пять лет. «Деточка, давай я тебе косички заплету...», - а ребенку уже восемь лет. Или: «Слушайся маму. Делай, как говорит мама. Мама знает, что тебе надо!»

И, наблюдая это в жизни, я иногда хотела крикнуть: «Уберите руки от ребенка! Дайте ему жить! Дайте ему самому проживать его жизнь!»

- Меня некому устроить на работу, - сказал мне один сорокалетний мужчина, объясняя,

почему уже более года сидит без работы.

- Как это некому? А кто тебя должен устраивать? - с недоумением спросила я.

- Ну, кто-то должен... - отвечал он мне. - А у меня - ни связей, ни родственников...

- Устраивайся сам! - сказала я ему то, что сказал бы ему любой человек.

- Как же я сам устроюсь? - Он даже обиделся. - Как это я вот так приду с улицы - и устроюсь?

- Именно так. Как делает большинство людей. Приходят «с улицы» и устраивают себя сами.

- Ну, я так не могу. Меня на прежние работы устраивали...

Он так привык, что его «устраивали», что сейчас никак не может встроиться в эту жизнь... Его так долго водили за руку, что без чужой ведущей руки он уже не может обойтись.

- Ты мне дала несладкий чай, - сказала мне одна двенадцатилетняя девочка, оказавшаяся у меня в гостях. Девочку воспитывал папа - опекающий, контролирующий, просто живущий ее жизнью.

- Ну сама положи себе сахар, - сказала я ей.

И она ответила неожиданное:

- А я не знаю, сколько надо сахара класть.

- А как же ты пьешь чай? - удивилась я.

- А мне папа всегда его дает сладким. И я не знаю, сколько ложек надо положить...

Я даже не смогла сразу ответить ей, сколько ложек сахара ей надо положить в чашку, - так была поражена.

- Заплети мне косы, - попросила она утром.

И я, занятая делами, ответила:

- Мне сейчас некогда, заплети сама!

Ответ ее меня опять поразил:

- Я не умею заплетать косы. Мне папа всегда косы заплетает.

- Но, детка, - удивленно сказала я, - ты уже такая большая девочка, и ты не умеешь заплетать косы! Учись! Прямо сейчас бери и учись!

И видя ее растерянность, я сказала:

- Может быть, тебе стоит остричь волосы, тогда ты будешь просто их расчесывать?

- Нет, мой папа говорит, что у девочки должны быть длинные волосы, что это красиво, когда девочка ходит с косами...

Папа только почему-то не говорил девочке, что косы эти она должна заплетать сама, что он не всегда будет рядом с ней, чтобы заплетать ей косы. Хотя, думаю, именно на это и надеялся - всегда быть с ней рядом. Всегда быть ей нужным.

Чуть позже, придя к ним в гости, я увидела в ванной валяющиеся трусики со следами месячных. Девочка становилась взрослой.

- Ты чего свои трусики испачканные разбрасываешь? - спросила я ее.

- Я не разбрасываю, я положила, чтобы папа постирал, - ответила она мне.

И я в очередной раз просто не знала, что и сказать в ответ.

Я сказала потом все, что я думаю, самому папе. Но его позиция опекающего, контролирующего, «необходимого для дочери» отца, была непробиваемой: она еще маленькая и ему совсем не трудно о ней заботиться...

- Ты не заботишься о ней, ты лишаешь ее самостоятельности. Ты делаешь ее беспомощной в жизни, - говорила я ему.

Но он не хотел этого слышать.

Неопытность

Я мало была знакома с этой женщиной. Она сразу понравилась мне своим энтузиазмом, радостным настроением, легкостью. Только при более близком знакомстве с ней стало понятно, что все это было в ней как-то слишком по-детски наивным. Чувствовалось, что она совершенно не знает жизни, живет в каких-то розовых мечтах, строит свои замки на песке -

не видя, не зная реальности.

- А давай купим какой-нибудь дом и сделаем в нем центр личностного роста, - сказала она мне однажды, когда мы ехали по городу на машине.

- Давай, - смеясь, ответила я. - У тебя есть на это деньги?

- Ну, у меня нет, но мы можем занять...

- Ты понимаешь, о каких деньгах идет речь, когда хотят купить даже не квартиру, а дом для центра личностного роста?

- Ну, не знаю... Смотри, - сказала она мне, - вон на доме растяжка - «продается»...

Мы проезжали мимо двухэтажного особняка, в котором еще недавно был шикарный ресторан.

- Ой, смотри, всего триста тысяч, можно у пяти людей занять по шестьдесят тысяч и купить этот дом. Смотри, какое место хорошее, почти в центре, - уже воодушевленно щебетала она.

А я только головой покачала - дом этот стоил триста тысяч евро, и занимать нужно было бы у пяти человек по шестьдесят тысяч евро, но ее такие мелочи не волновали, она, как ребенок, на них просто внимания не обратила.

Такой она была - переполненной планами, проектами, идеями, светлыми, хорошими, но в большинстве своем - просто оторванными от реальной жизни, которой она не знала.

Спустя неделю, когда она была участницей моего тренинга, я узнала ее ближе. Маленькую девочку, наивную и неопытную, растерянную перед большой жизнью, которой она вроде бы и не жила. Хотя уже успела выйти замуж и развестись. И родить ребенка. Но все это было как будто бы и не с ней.

Рядом всегда была мама. Она все подсказывала. Она одобрила выбор мужа. Она же потом его и забракела. Она воспитывала маленькую внучку, пока женщина много работала, чтобы соответствовать тем высоким планкам, которые всегда ставила ей мама: она должна быть лучшей во всем - и в учебе, и в работе.

И когда я после тренинга писала ей пожелание, я написала невольно: «Я буду молиться за тебя!» Я написала эту фразу и задумалась - почему я это написала? И почему это я буду молиться за нее? Я вспоминаю в своих молитвах своих родителей, дочь, внука, вообще - всех людей, желая им света и любви. Но за нее-то «персонально» я почему буду молиться? Но фраза написалась у меня так естественно, что я не стала ничего менять, просто пожала плечами, удивляясь себе.

Еще через неделю она пришла ко мне на консультацию, чтобы поговорить об отношениях с мамой.

- Она - везде, - говорила она мне. - Я так больше просто не могу. Что бы я ни говорила, она влезает со своим советом, она всегда знает, как мне надо поступить. И я ее всегда слушалась. Она убедила меня, что мне надо развестись. Сейчас муж хочет вернуться, и я чувствую, я знаю, что хочу быть с ним, но она говорит - не нужен он нам...

Она рассказывала и рассказывала, как мама всегда была с ней рядом. Всегда оберегала от жизни. Всегда во всем помогала. Как они вместе с ней писали рефераты и читали книги. Вместе занимались рукоделием. Вместе ходили на дискотеку - одну ее мама просто не пускала. Мама приходила и стояла в сторонке, наблюдая, чтобы ее никто не обидел. Как мама выбирала ее подруг. Как мама испугалась, когда она однажды в море нахлебалась воды, - и после этого вообще к воде ее не подпускала. Она и плавать поэтому не научилась.

Эта молодая женщина утонула несколько дней спустя. Утонула, что называется, на наших глазах. Просто бегала по песчаной косе по колена в воде. Бегала, как бегают радостные щенки, которые резвятся на свободе. Мамы не было рядом, и никто не запретил ей войти в воду. Ей так хотелось купаться в этот жаркий день, но, поскольку воды она боялась и плавать не умела, - она и бегала, плескалась. Ей хватило нескольких шагов в сторону от мели, чтобы попасть в яму и уйти на дно. И сколько ни ныряли, чтобы спасти ее, ничего не получилось. Пришлось вызывать водолазов, которые приехали спустя несколько часов и долго искали ее. Нашли.

Ее тело водолазы положили на мели, под водой. Я стояла над ее телом, перекачиваемом волнами, так, что лицо постоянно оказывалось опущенным вниз, и зачем-то поворачивала ее, чтобы она смотрела вверх. И она смотрела вверх, и ее длинные волосы красиво шевелились в воде, играли с волнами. И так дика была эта картинка - еще недавно живая красивая молодая женщина лежала передо мной под водой. И так противоестественно это было, что человек лежит под водой. Но водолазы сказали - пусть лежит в воде, так она лучше сохранится.

И я от беспомощности, от ужаса всей этой ситуации стояла над ней, лежащей передо мной под водой, молитвенно сложив руки, и молилась: «Господи! Прими душу этой девочки!... Господи, прими душу этой девочки!...»

И подумала с ужасом, что вот, обещала, что буду молиться за нее - и молюсь!

Потом, пораженная этой смертью, я много думала о случившемся. О своей мистически предсказанной молитве. О том, что на самом деле ничего мистического не было в том, что я знала, что буду молиться за нее. Такой беспомощной, такой неопытной она была, какой-то отчаянно, по-детски наивной, неприспособленной, что где-то подсознательно я уже тогда понимала, что добром это не кончится.

Я много думала тогда об этой девочке, именно девочке, взрослой она так и не стала. Она осталась девочкой, чьей жизнью руководила мама. Мама строила ее жизнь. Мама создавала события ее жизни. Даже ее смерть, как бы безумно это ни звучало, - была подготовлена мамой.

Позже на тренинге одна мама рассказывала, как на ее глазах чуть не утонули два ее маленьких сына. Их, не умеющих плавать, стало уносить быстрое течение реки. Их начали затягивать водовороты. Они уже ушли под воду. Она пережила этот страшный момент осознания, что ее дети утонули. Но их спасли, откачали.

- Я тут же с детьми уехала домой, уехала с решением - никогда в жизни их больше не подпускать к воде. Приехала, рассказала обо всем мужу. И уже на другой день муж отвел их в бассейн - учиться плавать. Сейчас оба сына - мастера спорта по плаванию.

Мы, родители, готовим их к жизни. Даже когда мы не готовим их к жизни, закрывая от них собой всю жизнь, мы все равно программируем, создаем их будущую жизнь.

Мы сейчас готовим наших детей к жизни с авторитарными, подавляющими и руководящими ими партнерами. Потому что, когда ты водишь ребенка до двадцати лет за руку, ему просто придется потом искать, кто его дальше поведет за руку.

Мы сейчас программируем его возможную смерть, потому что не научили его обращаться со спичками или с ножницами, с газом или с электроприборами.

Вся неопытность, неприспособленность, беспомощность детей - результат нашего постоянного родительского контроля и опеки.

У ребенка нет возможности строить отношения ни с кем: ни со сверстниками - между ребенком и ими стою я и решаю, с кем, как, когда ему общаться. Ни с учителями - тут тоже я, которая сглаживает, договаривается, создает с учителем отношения, чтобы ее ребеночка не обижали. Ни с миром - между миром и ребенком тоже стою я, оберегая его от этого мира.

Много лет назад я подобрала на улице очаровательного сиамского котенка. И он вырос в прекрасного крупного кота. Он стал по-настоящему домашним котом. Весь его мир был заключен в рамках нашей квартиры. Он не был приучен сам добывать себе корм. Он не был приучен общаться с миром, который был за окнами нашей квартиры. Он был хорошим котом, который жил по правилам, которые мы ему установили. Вот тут была его тарелка. Тут - место, на котором он спал. Тут - его игрушки. Он был приучен к распорядку, с ним играли, им восхищались. Так было до того момента, когда он однажды просто вышел на улицу, проскользнув в дверь с уходящими гостями.

Гости ушли, я мыла посуду на кухне и услышала собачий лай. Собак было много, лай они устроили сильный.

Через несколько минут раздался звонок в дверь. Я открыла дверь. На руках моего соседа лежал окровавленный, просто растерзанный, порванный наш любимец кот.

Хватило несколько минут, чтобы его, не подготовленного к жизни, не знакомого с

миром, пор- вали собаки.

- Он даже не бежал от них, - сказал сосед. - Даже не сопротивлялся. Не успел сопротивляться... - добавил сосед горестно.

Я часто вспоминала этого несчастного кота, общаясь с людьми, которые в детстве были заключены в рамки послушания и жили в постоянном конт- роле и опеке родителей, не имея возможности получить собственный опыт.

Потому что судьбы этих людей иногда очень походили на судьбу моего любимого домашнего кота. Рано или поздно они встречались с реальностью, с самостоятельностью, с необходимостью брать на себя ответственность. А ни к чему к этому они не были приучены, и, выходя в жизнь беспомощными и неопытными, они разбивали лоб о первый же угол, их кусала первая же встреченная на их пути собака, девушек совращал и портил первый же встреченный в их жизни мужчина.

Не наученные самостоятельности, не чувствующие себя уверенными, сильными - в сложных жизненных ситуациях такие люди терялись, не могли за себя постоять. Они доверялись людям, которым не стоило доверяться, так сильна была в них программа - надо кого-то слушаться. Им самим так сложно было принимать решения, что они неминуемо создавали в своей жизни серьезные проблемы, беды, одиночество, несчастья.

Но разве мы хотим, чтобы такие жизни проживали наши дети?

Безответственность

Я слышу это постоянно - на тренингах, на консультациях, в транспорте. Эти обвинения слышатся отовсюду - столь массовый характер имеет наше руководство детьми и его последствия.

- Сам себе даже еду разогреть не хочет, вермишель одноразовую ест, ему, видите ли, лень даже в холодильник заглянуть и еду себе разогреть!

Но если ты приучила его к тому, что сама для него готовишь, сама разогреваешь, сама стол накрываешь, еще и кормишь из ложечки до десяти лет, - то когда же ему научиться это делать самому? И - зачем, когда есть ты? А если тебя рядом нет, то, действительно, проще всего одноразовую вермишель кипятком залить. Ко всему остальному он не приучен, и это кажется ему таким трудным!

- Если бы я не стояла над душой - он бы уже давно учебу бросил...

Но если ты постоянно отвечаешь за его учебу, за его собранный портфель, за сделанные уроки, то это и становится делом *твоей* жизни. Не его. Это *тебе* нужна его учеба, ему она не нужна. Он же за нее не отвечал - отвечала *ты* !

- Ему ничего не надо! Он ничего не хочет!

Но если ты все за него знаешь, если ты все за него решаешь, не спрашивая о его желаниях, то откуда вдруг возьмутся его желания, его интересы?

- Он не берет на себя никакой ответственности. Ни в чем!

А ты эту ответственность ему давал? С первых лет жизни - давал? Нет, не давал. А теперь, в его тринадцать или семнадцать лет - ждешь, что в нем она вдруг появится? Ответственность - умение отвечать за что-то - формируется с первых лет жизни ребенка, когда ему действительно *дают* возможность *самому* что-то решать, что-то делать и отвечать за результат.

- Живет ничем не озабоченный. Ничем не напрягается. Ничего его не волнует! А я за него постоянно напрягаюсь!...

Но если ты постоянно «за него»... Он при- вык, что *ты* все знаешь, что *ты* за все отвечаешь. *Ты* все решишь. *Ты* все устроишь. Чего ему-то - напрягаться!

Мы получаем то, что создали сами, как это ни печально.

Психологический инцест

Сначала мы воспитываем его беспомощным, неопытным. Потом, глядя на такого вот, неприспособленного к жизни, говорим себе и ему: «Ну куда тебе одному идти в жизнь! Оставайся с нами!»

И он остается. Потому что ему самому так проще. Так безопаснее.

И взрослые уже дети продолжают жить с родителями. Под руководством родителей. Родители заменяют им партнеров по браку, которых у них нет. Даже если такие, привыкшие к руководству и опеке над ними дети, и выходят в мир, пытаются построить свою семью, родители живут в их семье, живут их семьей, руководя и опекая теперь уже семью взрослых людей. Опекают, руководят, контролируют - так, как делали это с ребенком, когда он был маленьким. Без родителей не принимается ни одно решение. Без их одобрения не совершается ни одно дело. Это брак, в котором не два человека, а три, или четыре, или шесть.

Я услышала этот разговор на улице, просто обходя пару - маму с дочкой. Так похожи они были друг на друга, что можно было, не ошибаясь, сказать, что они - мама и дочь. Они были похожи уже знакомой мне не просто родственной похожестью, как похожи близкие по крови люди. Нет, была в них та «похожесть», которая свойственна людям, живущим вместе, когда они как-то незаметно начинают копировать движения, жесты, интонации, как бы потеряв свою индивидуальность, став одним усредненным целым.

- Давай мы скажем твоему мужу, - говорила мама своей взрослой дочери, - что мы эти деньги уже истратили...

- А если он спросит - на что?

- А мы ему скажем, - говорит женщина, - что то платье, что мы купили, стоит дороже...

И что всякие там женские твои штучки стоят дорого...

- А если он не поверит?...

- А мы ему скажем, что муж не должен лезть в женские покупки...

«Давай мы ему скажем!» - меня просто поразила эта фраза. И весь их разговор: «Мы скажем... Мы истратили... Мы купили...»

Сколько раз встречала я таких вот мам, живущих со своими детьми, сующих свой «все знающий» нос во все: и во сколько пришел домой муж, и что сказал, и сколько получил. Мама советует - куда им тратить деньги и где отдыхать. Мама обсуждает - как отметить день свадьбы и сама его организует, не оставляя молодой семье пространства для своих решений и поступков. Мама участвует в обсуждении - пора или не пора им заводить ребенка, как будто она будет его рожать! Как будто зять будет зачинать его вместе с ней! Мама же потом будет воспитывать внука - отодвинув и дочь и зятя, потому что она-то лучше знает, как надо воспитывать детей. И этот брак, в котором родители продолжают жить с детьми, так распространен!

Но - еще удобнее и безопаснее беспомощному, неопытному взрослому ребенку вообще никуда не уходить из родительской семьи. А жить как жили. И родители действительно заменят ребенку все - и семью, и жену или мужа. И начинается психологический инцест - брак между ребенком и родителями.

Я наблюдала жизнь одной такой «супружеской пары». Мама и дочь, живущие вместе. Маме было уже за шестьдесят, дочери - за сорок. И всегда я видела их вместе, ходящих под руку. Как раньше они вместе ходили в детский сад, потом в школу, так теперь они вместе ходили в магазин или в химчистку, в собес или в сберкассу.

Меня всегда поражал их размытый, какой-то стертый возраст. Они были так похожи - осанкой и прической, какой-то стариковской походкой, лицами безо всяких следов косметики. Одинаковая одежда - серые бесформенные плащи - немаркие, в которых не было никакой женственности и сексуальности, потому что маме сексуальность не нужна, как не нужны были и мужчины. Поэтому и дочери мужчины были не нужны, мама давно объяснила ей, что всем им надо только одно, что лучше и спокойнее жить одной, с мамой. Так никто ее не обманет и не предаст, не оставит с ребенком на руках. Вот женщина и жила с мамой - без мужчины и без ребенка, которого просто некому было ей дать.

Они, действительно, жили как супруги. Вместе завтракали и ужинали, вместе смотрели телевизор, вместе ездили на дачу, варили варенье, пили чай.

Дочь работала, занимая какую-то незначимую должность, но была на хорошем счету, как исполнительный и скромный работник. Она зарабатывала не много, но мама давно

объяснила ей, что деньги - это не главное, главное - брать на себя поменьше ответственности, а то не дай бог чего.

Так они и жили - неприметной, серой, как их плащи, жизнью и обе очень любили сериалы. Там, в сериалах, бурлила жизнь. Там была страсть, любовь, там были интриги и чувства, все то, чего не было в этом «супружестве». И каждый вечер они - две женщины какого-то усредненного возраста - надолго садились к телевизору, смотря сериалы.

Однажды случилось несчастье, и мама попала в больницу. Жизнь дочери сразу опустела. Она одна ходила в магазин и в аптеку. Она приходила домой с работы в пустую квартиру, ужинала в одиночестве. Одна сидела вечерами у телевизора. И конспектировала каждый сериал, чтобы можно было, придя в больницу, рассказать маме, что в них происходит, потому что мама должна же была знать, что в «Рабыне страсти» дон Хосе сказал донье Валенсии, что знает о ее тайне, а муж доньи Валенсии подслушал разговор... А в «Обреченных на любовь» Эммануэль похитил ребенка сеньора Вольдемара и обвинил его жену в том, что она изменила ему... А в «Клоне» - Жади ушла от мужа, а муж не отдает ей ребенка...

И заботливая дочь приносила маме в больницу подробный конспект пяти-шести сериалов.

Каждый раз, когда я встречала их, общалась с ними, я думала - эта девочка могла бы иметь свою семью, детей. Она могла бы любить, может быть - пережить несчастную, безответную любовь. Она могла бы страдать или наслаждаться жизнью, радоваться, быть счастливой, быть несчастной. Но живой. Она могла бы *жить*. А она сплелась воедино в каком-то паразитирующем симбиозе с мамой. И симбиоз этот - как что-то вялотекущее, серое, безжизненное.

И жаль мне было ее непрожитую собственную жизнь.

Мы прорастаем иногда в наших детей. Мы врастаем в них корнями. Но как только мы прорастаем, влипаем в ребенка, соединяясь с ним в одно целое, мы заполняем собой его жизнь. И уже нет ребенка с его уникальной жизнью, с его уникальным путем, сценарием своей жизни.

Есть маленькая наивная беспомощная мушка, укутанная моей паутинкой. Есть мой маленький ребеночек, завернутый, запеленутый моей любовью и заботой. И все его попытки вылезти из этих пеленок, из паутины заканчиваются плачевно. У него нет сил вырваться - он такой маленький, такой беспомощный. И я, заботливая мама, видя, какой он неприспособленный и беспомощный, говорю: «Оставайся с мамой... Тут такая мягкая паутинка, тут так привычно...»

Паучья любовь - так можно назвать нашу опекающую, разрушающую, лишаящую ребенка всех его жизненных соков любовь.

Если это вообще можно назвать любовью...

Усталость

Если вы хотите научить своих детей воровать, заставьте их подольше выпрашивать все, что вы им даете.

Генри Уиллер Шоу

Нас так много в жизни детей, так много нашего руководства и контроля, что они устают от нас. Они пытаются закрыться, отгородиться от нас. Создать свое пространство, свою жизнь.

- Моя пятилетняя дочь повесила на двери своей комнаты листок с надписью: «Прашу ни биспакоить», - говорила одна мама на тренинге.

- А у моей дочери висит карточка - на одной стороне написано: «Можно входить», на другой: «Нельзя входить», она меняет их в зависимости от желания или нежелания общаться.

- У моего сына-подростка, - говорит третья мама, - на двери нарисован череп с костями и надпись: «Не входить - убьет!»

Мы смеемся. Хотя чему тут смеяться? Наши дети устали от нас. От нашего постоянного всевидящего ока. От нашего любопытствующего носа. От наших ушей, которые

все слышат.

Они устали. И устают все больше и больше. И рано или поздно эта усталость начинает прорываться уже не только в наивном: «Прашу ни биспакоить».

- Раньше у меня был образцовый сын. Ел вилок и ножом, пользовался салфеткой, у нас всегда была красивая скатерть, сервировка. Сейчас ему пятнадцать лет, он ест одной вилок или руками. Кружку демонстративно берет не так, как все. Постель не убирает. Вещи разбрасывает. Просто - ужас!

- А чего ты хочешь, - говорит ей кто-то из участников тренинга. - Он был послушным пятнадцать лет. Он пятнадцать лет жил по твоим правилам. Сколько можно! Он хочет жить по своим правилам!...

Он хочет жить по своим правилам... Именно так рано или поздно и случается с детьми, до сих пор живущими по нашим правилам. Под нашим руководством, когда мы *знаем*, что нужно делать ребенку, как ему нужно жить.

Нам, взрослым, не нравится, что наши дети в какой-то момент устают от жизни по нашим правилам и начинают жить по *своим*. Нам эти правила не нравятся!

Ну а почему им должны были нравиться наши правила? И почему им должно нравиться жить по нашим правилам?

Они действительно устают от нашего постоянного контроля и опеки. От нашего постоянного «знания» за них.

- Я чувствую себя в прозрачной банке, - говорила мне семнадцатилетняя девочка. - Я как подопытный кролик, которого разглядывают. Я не могу остаться наедине с собой. Где бы я ни была, куда бы ни пошла - родители тут как тут: «Зачем ты туда идешь? Зачем тебе это надо?» Постоянные советы. Постоянные запреты. Я как птица в клетке. «Все это делается ради твоего счастья», - говорят мне родители. Но я - несчастлива! «Ты еще не знаешь жизни», - говорит мама. Но я хочу ее узнать, а мне не дают!...

Как бы мы ни контролировали ребенка, как бы ни следили за его жизнью, обязательно наступит момент, когда ребенок, уставший от опеки и контроля, попытается вырваться. Если он, конечно, не задавлен в первые годы жизни.

Мертвые, послушные чинные куклы, которыми делают некоторых детей - уже не пытаются вырваться. Просто живут, руководимые, водимые родителями. Живые, еще не задавленные родителями дети, пытаются вырваться. Пытаются сбросить оковы родительского контроля.

- Я водила своего сына в школу. Я водила его в музыкальную школу. Я до семнадцати лет ходила с ним в поликлинику, - говорила одна мама. - Я устроила его в институт. Теперь ему двадцать один год. Он ничего не хочет. Он связался с панками. Я боюсь, он станет алкоголиком или наркоманом...

- Меня так любили, так контролировали, что в какой-то момент я поняла, что не могу не только на одной улице - в одном городе жить с моей матерью, - говорила взрослая женщина. - Я уехала в другой город. Но и сейчас моя мать пытается контролировать мою жизнь телефонными звонками. «Почему так много тратите денег... Почему ремонт не делаете... Почему тебя дома не было, когда я звонила...» Я уехала в другой город, - потрясенно говорила эта женщина, - но меня и тут пытаются достать!

Взрыв

Видел ли ты когда-нибудь бешеных детей?

Я - часто.

Я видела их в школе на переменах, когда какие-то озверевшие толпы вываливались в школьный коридор и начинали носиться, как будто их годами держали на привязи.

Я видела их, когда ездила с ними на экскурсии, в походы - особенно, когда группа детей была большой, и учителя просто не в состоянии были контролировать каждого ребенка.

Они зверели. Они орали. Или кривлялись, или ржали, как умалишенные, или бегали, или дрались. Они делали то, что им запрещали в жизни. То, что нельзя было делать под

постоянным надзором родителей или учителей.

Они постоянно должны соответствовать требованиям, которые им предъявляли. Они вынуждены жить в несвободе. Как животные, которых вырвали из естественных для них условий и поместили в клетки, в зоопарк.

Они и живут в клетках - в рамках наших требований, долженствований, ожидания от них каких-то действий, поступков, достижения каких-то результатов, запланированных родителями. Они все время должны быть такими, какими нам нужно. Нам - все знающим и все решающим родителям. Как же можно не взорваться когда-нибудь, чтобы хоть на миг ощутить свободу быть собой и жить так, как хочешь!

Все мы рождаемся милыми, чистыми и непосредственными, поэтому мы должны быть воспитаны, прежде чем станем полноценными членами общества.

Джудит Мартин

Я была знакома с одной очень интеллигентной, очень приличной, правильной семьей. Папа, деловой и очень ответственный человек, нес на себе ответственность за содержание семьи. Мама - милая, очень порядочная женщина - была занята домашним хозяйством и воспитанием детей. Две девочки-погодки были хорошо воспитаны, вежливы, культурны.

Я помню, как впервые, находясь у них в гостях, испытала настоящие угрызения совести и чувство вины - я совсем не была такой хорошей мамой, как эта женщина.

Ее дети прекрасно вели себя за столом. Они сидели с хорошей осанкой, пользовались ножом и вилок, ели чинно, не разговаривали. Они питались диетической пищей, которую готовила мама, бульончиками и паровыми котлетками. Они пили какие-то гомеопатические таблеточки для улучшения пищеварения.

Я рядом с такой заботливой и занимающейся своими детьми мамой была просто чудовищем. У нас в доме и в помине не было никаких паровых котлеток или полезных таблеток. Моя дочь могла болтать или хохотать за столом и ножом она не пользовалась, потому что я ее к этому не приучила.

Я радовалась тогда, что моя дочь дружит с такими хорошими девочками. Они были развиты. Они посещали музыкальную школу и по несколько часов в день упражнялись в игре на фортепиано. В их комнате был идеальный порядок. Они казались мне просто идеальными детьми.

Но однажды все иллюзии по поводу этих девочек рухнули. Рухнули, что называется, в одну минуту. Дочь пришла от них потрясенная и - веселая.

- Мам, ты не представляешь, что я сегодня видела, - сказала она мне, смеясь. - Я видела, как сестры взбесились!

- Как это взбесились?

- По-настоящему, взбесились. Я, мама, даже испугалась сначала, думала, они точно взбесились...

И дочь, уже спокойнее, стала мне рассказывать.

Она была в гостях у этих правильных и воспитанных девочек, когда их мама ушла из квартиры, оставив их одних без присмотра.

- И как только дверь за ней захлопнулась и загудел лифт, то есть стало понятно, что она уехала, - они, как бешеные, стали бегать по коридору и орать. Они бегали и орали, они носились как бешеные, потом влетели на кухню, распахнули холодильник и стали есть, хватать все, что им не разрешали, пить прямо из банки майонез, заедать его маринованным огурцом. Они как с цепи сорвались! Потом они стали прыгать по мягкой мебели, потом - громыхать по клавишам пианино, потом поставили смотреть видеокассету, которую им не разрешали смотреть...

- Мам, ну они вообще... - потрясенно говорила дочь. - Я прям обалдела... Они как озверели...

Когда ребенка заставляют идти одним путем, другой путь кажется ему привлекательнее.

Неизвестный автор

Потом, работая в школе психологом, я сама часто наблюдала это бешенство, этот взрыв. Но однажды - наблюдала ситуацию такого жесткого взрыва, такого в настоящем смысле слова *бешенства* ребенка, которого больше никогда не видела.

Мне уже поздно вечером позвонил папа, который так заботился и опекал дочь, что она сама не могла себе косы заплести и не знала, сколько ложек сахара надо положить в чай. Он, действительно, просто жизни не давал ребенку - везде и всюду заменяя ее жизнь собой. Я много раз предупреждала его, что это кончится очень грустно для девочки и для него самого. Что рано или поздно дочь взорвется, и накопленная агрессия направится против него же - все решающего, запрещающего, контролирующего отца. Но он не хотел, не готов был услышать мои предупреждения.

- Пожалуйста, приезжай, - сказал он мне, - мне очень нужна твоя помощь. У меня с дочерью что-то случилось...

- Что случилось? - спросила я. - Почему такая срочность?

- Она, - замялся папа, как бы не решаясь что-то сказать. Потом отвлекся на что-то и я только слышала в телефонной трубке какую-то возню, приглушенные крики. - Она бьет меня! - сказал он уже с каким-то отчаянием в голосе.

И я даже не знала, что сказать - так неожиданны были его слова. Его, здорового крепкого мужика, бьет девочка-подросток!

Я приехала к нему спустя почти час. Она все еще была его.

И было страшно видеть, как маленькая, худенькая девочка бьет своего отца. Бьет с ненавистью. Бьет, находясь в состоянии невменяемости, просто - бешенства. Просто - тупо мычит и бьет!

И такая сила в ней открылась! И сколько же было накоплено в ней обид! Сколько было спрятано в ней - за ее послушанием и образом милой девочки, которая подчиняется папе, который всегда все про нее и за нее знает - негативных эмоций, несогласия, чтобы столько времени, с такой с ненавистью бить здорового мужчину!

Я долго сама была под впечатлением от увиденного. И часто рассказывала родителям об этом случае.

Не дай нам Бог довести до такого наших детей!

Не дай нам Бог!...

Уход из семьи

Они уходят от нас. Уходят, когда их терпению приходит конец. Когда уход является единственным способом освободиться от нас, от нашего назойливого участия или «педагогических» методов воспитания.

- Я ушла из дома в четырнадцать лет, когда уже не могла слышать: «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь это читать!» «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь так говорить!» «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь так учиться!» «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь дружить с такими детьми!» Я оставила их в этой интеллигентной семье, потому что просто задыхалась в ней. И решила, что сама буду жить так, как хочу, и ребенка своего буду воспитывать свободным, пусть сам выбирает, что ему читать и с кем дружить. И хоть мне было очень трудно в жизни и я много ошибок наделала и много боли испытала, пока училась жить, но я не жалею о том, что ушла. Иначе бы тоже была бы сейчас засушенной мумией и говорила бы своим детям: «У нас такая интеллигентная семья!»

Несколько раз побывав в таких семьях, где контроль, опека, руководство детьми доведено до крайности, где ребенок заключен в рамки жестких правил и долженствования, как заключенный в тюрьме, я поражаюсь тяжелой, гнетущей атмосфере таких семей. Из такой семьи даже мне, постороннему человеку, попавшему туда на час-другой, - хотелось вырваться. Вырваться на свободу, на свежий воздух. Так, наверное, заключенные мечтают выйти на свободу из тюрьмы!

Если семья становится тюрьмой для ребенка, он тоже мечтает уйти из нее.

- Я уехала из своей семьи в другой город. Чтобы даже название улиц не напоминало

мне о том, что я тут жила, - рассказывала на тренинге одна женщина. - И до сих пор общение с матерью для меня - просто геморрой, другим словом не скажешь. Даже сейчас она влезает во все, просто просачивается сквозь телефонную трубку с ее: «А он у тебя зарабатывает или на твоей шее сидит?» Или: «За дочерью лучше следи, а то не ровен час натворит чего-нибудь»... Она всегда лезла в мою жизнь. И всегда говорила - я твоя самая близкая подруга... Подруга! Я ее до сих пор - ненавижу!... - неожиданно, но так горячо сказала женщина.

И чуть позже, на том же тренинге, когда одна из таких опекающих мам рассказывала, как *они вместе* с дочерью делают творческую работу, которую *им* задали, что *они* ходят на танцы и *им* преподаватель сказал, что у *них* хорошо получается, женщина эта сказала:

- Смотри, как бы и твоя дочь не сбежала от тебя в другой город. От такой вот - лучшей подруги...

И она была права...

Чувство вины

Я очень хорошо помню это чувство - чувство вины. Много раз в детстве и юности я сама испытывала его, когда понимала, что не соответствую ожиданиям родителей.

И дело было не только в достижении или, скорее, в недостижении каких-то ими поставленных высоких планок. Я испытывала чувство вины за, казалось бы, такие незначительные поступки - полученные в школе четверки, а не пятерки. Потому что я должна была быть только отличницей. И я так мучилась чувством вины, что я - «не такая», неправильная, не такая, какой должна быть!

Я поступила после школы в МГУ - я просто не могла не поступить - как можно было так разочаровать родителей! Но на втором курсе вышла замуж и долгое время мучилась чувством вины - как разочаровала я родителей этим поступком! Ведь мне надо было сначала закончить МГУ, а потом уже думать о семье!

Я ушла в декретный отпуск по беременности с третьего курса - и опять терзалась чувством вины. Родители так гордились, что их дочь - студентка МГУ, а эта студентка неизвестно когда еще закончит университет!

Я развелась сразу после окончания университета - и опять чувствовала себя такой виноватой: как расстроились родители оттого, что моя жизнь не сложилась. И когда узнавала о ссорах родителей, о том, что отец опять запил, обвиняла в этом себя: я была их надеждой, их гордостью, и если у меня все не сложилось - как они страдают и переживают, как разочарованы в жизни!

Сейчас я понимаю, что у моих родителей были их собственные жизни, ими они и должны были заниматься. Их они и должны были проживать, совершая в них *свои* поступки, достигая *своих* свершений, а не жить гордостью за ребенка и нагружать ребенка чувством вины, что он не оправдал их ожиданий.

И сколько я за время работы психологом выслушала таких покаянных историй, полных чувства вины, от взрослых людей:

- Я не родила ребенка, а мои родители так хотят быть бабушкой и дедушкой. Меня мучает, что я лишая их такого счастья.

- А ты хочешь родить ребенка?

- Я еще не готова к этому. И думаю, нам с мужем не стоит его сейчас заводить. Может, вообще его не стоит заводить с этим человеком, у нас очень сложные отношения.

- Тогда отчего ты так переживаешь, если ты не хочешь сейчас рожать ребенка?

- Но родители-то хотят, чтобы я родила!

- Но жизнь-то у тебя своя! - говорила я. - В своей-то жизни ты сама должна решать, что тебе делать. Тем более, когда речь идет о таком важном событии, как рождение ребенка.

- Но попробуйте объяснить это моим родителям. Они заладили - рожай, мы из-за тебя переживаем. Мы из-за тебя живем без внуков...

Думаю, что-то похожее переживал каждый из нас - чувство вины, что ты что-то делаешь неправильно, не то, чего от тебя ждут. Что родители разочарованы в тебе или

обижены на тебя.

Но ты только вдумайся, что это такое - наше чувство вины? Нам стыдно, что мы поступаем так, как *мы сами* хотим, а не так, как ждут от нас родители. Нам стыдно, что мы хотим жить *своей* жизнью.

И мы живем под грузом этой вины. Иногда - всю жизнь.

- Я виновата в смерти своего отца, - сказала мне одна женщина. - Я убила своего отца.

И замолчала надолго. Чувствовалось, что чувство вины в ней так сильно, что даже говорить о нем она не может.

- Как ты это сделала? - спросила я.

- Я хотела вечером поехать к своей подруге, которая позвонила мне и попросила приехать. Ей было очень плохо, от нее ушел муж, она переживала сильную депрессию. Но папа не пускал меня, сказал, нечего на ночь глядя куда-то ездить. Я пыталась ему объяснить, что мне надо к ней поехать, но он и слышать ничего не хотел.

- Сколько тебе было тогда лет? - прервала я ее.

- Мне было двадцать восемь лет.

- И папа запрещал тебе делать то, что ты, взрослый человек, считала нужным делать?

- Ну, он за меня всегда переживал. И в тот раз запретил ехать. И сказал, что если я поеду, то я ему - не дочь!... Но я не могла не поехать. И я поехала. А у него потом случился инфаркт. И он умер. Я виновата в его смерти... - сказала она обреченно.

И как сложно мне было объяснить этой женщине, что в смерти отца виноват сам отец. Своей авторитарностью, своим непризнанием в ней, взрослой женщине, отдельной от него самостоятельной личности он создал ситуацию переживаний для себя, которая закончилась трагически.

- Мама говорила нам с братом: «Я жить начала в сорок лет, когда вы выросли. А до этого - вообще не жила», - рассказывала одна женщина. - И мы все время ощущали это чувство вины - она из-за нас не жила! Она сорок лет мучилась! Мы все время чувствовали себя обузой. Чувствовали себя виноватыми в ее непрожитой жизни. Как будто мы на самом деле виноваты были, что она нас родила и «не жила»! Сейчас я думаю - не дай бог так обвинять своих детей!...

Мы, будучи детьми, пережили всю тяжесть чувства вины.

Теперь наши дети растут с этим же чувством вины: тут они нам не нравятся, тут что-то не то сделали. Тут не дотянули до планки. Тут - разочаровали.

Нам не нравится, когда наши дети хотят жить *своей* жизнью и поступать так, как хотят поступать сами!

Последствия для нас

Душа болит...

Почему именно так я назвала этот раздел? Потому что, конечно же, у родителей, чьи дети были воспитаны в опеке и контроле, чьи дети получили такие вот естественные результаты этого стиля воспитания, всегда болит душа.

Душа болит от жалости к ребенку. Видя его неприспособленность, беспомощность перед жизнью - душа болит.

И как часто родители таких детей, иногда уже престарелые, жалостно рассказывают друг другу о несчастьях и бедах их уже взрослых детей. То на работе его сократили и он никак не может устроиться, то денег ему не доплачивают, а он такой робкий, за себя постоять не может, то жена ему досталась такая вредная, нервы ему мотает, а он, бедный, терпит, с его-то добрым характером...

И сами родители в большинстве своем не осознают, что таким ребенка они сделали сами. Они этого действительно не осознают, только душа болит все время - как он такой будет дальше жить?

Душа болит, потому что сами родители живут в постоянном беспокойстве. Та покойная, счастливая старость, о которой может мечтать любой родитель - не их удел. Их удел - постоянные переживания, тяжелые думы. И все еще непрекращающаяся

ответственность за своих детей.

Удивительно, но это очень распространенный факт: дети, которые уже должны были бы взять на себя ответственность за своих престарелых родителей, но не подготовленные родителями к такой ответственности - не берут ее на себя. И получается, что эти престарелые родители до сих пор все еще отвечают за своих детей.

Все еще со своей пенсии подкидывают этакому несчастному чаду деньги на сигареты, или на квартплату, или на подарок его же ребенку - ведь сам он, бедненький, заработать не может!

И ходят к такой матери-пенсионерке то дочь за подачкой, чтобы до получки дотянуть, то сын, у которого трудный период (который тянется иногда всю его жизнь!). Потом и внуки подтягиваются - стрельнуть у бабушки денег на мороженое, - на родителей-то им рассчитывать не приходится. И покоя нет бедной бабушке. Ей, которая должна бы уже жить счастливо и спокойно, поддерживаемая детьми и внуками на старости лет. Но она получает совсем другой результат. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь...

Душа болит и болит у большинства родителей, которые так заботились о своих детях, опекали их и служили им всей своей жизнью, от неблагодарности этих детей.

Именно на это - на их неблагодарность - чаще всего жалуются родители. Потому что действительно же обидно: я столько времени и сил ему отдавал, я жил для него, ради него - и не получаю теперь в ответ иногда - элементарного уважения.

Я говорила родителям, которые так сетуют на неблагодарность их детей:

- Представь себе, что ты нагрузила себя вязанкой дров и несешь их. А потом начинаешь злиться на эти дрова. Какие неблагодарные эти дрова, даже не благодарят меня за то, что я их несу, что я так стараюсь! Но это был твой собственный выбор - нагружать себя дровами или нет. Выбор, иметь ребенка или не иметь ребенка, - это твой собственный выбор. Наши дети в этом не виноваты. И это наш собственный выбор - до какой степени себя нагружать. Брать на себя все обязанности, связанные с воспитанием детей, - это тоже наш собственный выбор. Мы могли бы этого не делать, если бы ценили себя и заботились о том, чтобы привлечь к себе поддержку - мужа, родственников, друзей.

Но мы сами нагружали себя этими дровами, брали на себя огромное количество ответственности за наших детей, служили им, а теперь - ждем от них благодарности. Мы растворялись в ребенке, полностью забыв о себе, забросив свою жизнь, абсолютно перестав себя ценить. А потом мы удивляемся - почему они меня не ценят? А мы сами ценим себя?

Как всегда, мы получаем тот результат, который сами и создавали. И нам некого в этом винить!

Мало того, все наши методы воспитания, основанные на необходимости формировать удобного нам самим, послушного ребенка, вызывали протест и несогласие детей. Вызывали их негативные эмоции. Где уж там взяться благодарности?

В этом и заключается извечный - и неразрешимый - конфликт родителей и детей. Родители считают детей своей собственностью, а дети считают себя отдельными, свободными и независимыми. Родители стремятся подчинить детей своей власти, сделать их такими, какими они хотят их видеть. А дети стремятся отстоять свою свободу действовать, поступать, жить так, как они сами считают нужным.

И если побеждают родители - дети становятся несвободными и послушными, но - неблагодарными, потому что еще ни один раб не был благодарен тому, кто сделал его рабом.

А если дети побеждают и становятся независимыми от родителей - они все равно остаются неблагодарными, потому что - за что благодарить? За то, что тебя давили и с тобой всю жизнь воевали, не признавая твоего права быть собой?

Как рассказывала одна молодая женщина:

- «Я тебе всю жизнь отдала!» - говорит мне мать. «Я из-за тебя ночей не спала. Я ради тебя своей работой пожертвовала. А ты - неблагодарная! Ты - неблагодарная!...» А меня трясет от одного ее вида! От одного ее недовольного выражения лица. Она мне всю жизнь отдала! Она мне - дышать не давала! А теперь я ей что-то должна! Ненавижу!...

А я, слушая эту женщину, подумала, как чувствует сейчас себя эта несчастная мать (по-другому не скажешь!), которая ждет от дочери уважения и благодарности, но получает - ненависть! Как у нее душа болит!... Но как закономерна эта боль!

У многих родителей, воспитавших таких вот беспомощных, несамостоятельных детей, душа болит от разочарования.

«“Да неужели ты мой сын?” - говорю я иногда своему сыну, - сказала одна мама. - Ну что ты за размазня получился! Ни стержня в тебе нет, ни позиции! Только и ноешь - не могу, не знаю, не получится... Да мне прямо обидно, что у меня такой сын!...»

Но только вот как у такой авторитарной мамы получился такой сын - размазня? Кто его так размазывал, что он размазней получился? Кто ему стержень не сформировал?

И я понимаю, как разочарованы такие родители - сами властные, жесткие, «знающие», видя рядом с собой таких вот беспомощных размазней! Это так обидно! И душа болит...

Душа болит и от одиночества, которое иногда просто обрушивается на опекающих и контролирующих родителей, когда их дети вырастают и все же отрываются от них, уходят в мир. Исчезает то, ради чего ты жил. И если ты больше ничем не жил - исчезает сам смысл жизни.

Душа болит от равнодушия. Они, ушедшие в мир, вырвавшиеся из-под нашей опеки и контроля на свободу, - иногда надолго забывают о нас, упиваясь свободой жить своей жизнью.

Душа болит от непонимания. Теперь выросшие дети тоже все уже «знают» и понимают про жизнь. И с позиции этого своего «знания» они оценивают наши просьбы или желания, не учитывая, не ценя нас, как мы не учитывали и не ценили их в детстве. Теперь мы, как они в детстве, получаем такие же ответы: «Зачем тебе это надо?... Вечно ты что-нибудь придумаешь! Некогда мне, ладно, потом...» И это «потом» растягивается на месяцы. Или годы...

Мы получаем результат. Такой, какой создали сами...

Жизнь в постоянном чувстве долга

Наши представления о «маленькости», неумелости ребенка заставляли нас выбирать контролирующе-опекающий стиль воспитания. Эти представления становились причиной целого ряда наших родительских долгов. В большинстве своем - ложных. Но таких распространенных!

Мы должны быть рядом с ними - иначе они без нас пропадут! Начиная с первых дней жизни - мы должны быть рядом, чтобы успеть заметить малейшее недомогание ребенка, чтобы успеть подхватить, если он упадет, чтобы что-то показать, рассказать, чему-то научить. Они такие маленькие и трогательно беспомощные в начале, что все мы попадаем в ловушку этого долга - *быть рядом, быть вместе*.

Я помню себя такой тревожной мамой, которая представить себе не могла, как можно ребенка отдать даже на минуту в другие руки! Ведь его могут уронить, ему могут нечаянно сделать больно. А как отдать его в ясли? Как там ему будет без меня? Мне казалось, что мой ребенок без меня просто не сможет жить. Вернее - это я без него уже просто не могла жить!

Дети вырастают, но этот долг - быть рядом (на всякий случай, вдруг чего!) - остается.

И мы рядом, вместе - ходим в школу и из школы, хотя ребенок уже может ходить один. И мы рядом, вместе ходим выбирать ткань на платье, вместе его кроим и вместе шьем. Хотя - для этого есть подруги, но я как мама должна быть рядом, должна быть вместе с ребенком!

Видя их неопытность и беспомощность (которую мы сами сформировали!), мы должны все взять на себя. Это тоже наш родительский долг. За все отвечать.

Я делаю покупки, нужные ему для школы, я готовлю еду, я стираю и убираю, я разговариваю с учительницей, чтобы она помогла ребенку построить отношения со сверстниками. Все на мне. И я - везде! Без меня - ничто не обойдется. Я же все должна взять на себя!

- Нам задали творческую работу, - говорила одна мама. - Мы ее весь вечер делали.

- Кому задали творческую работу? - спросила я.

- Нам, - ответила мама. - Ну, дочери, - поправились она, увидев удивление на моем лице. Но как это, к сожалению, привычно для родителей: «Мы проснулись! Мы покушали... Мы погуляли...»

А потом будет: «Мы делали творческую работу...»

А потом будет: «Давай мы скажем мужу...»

Есть еще один очень распространенный родительский долг. Поскольку я управляю жизнью ребенка, я *должна быть всегда в курсе всего*, что с ним происходит. Я должна все знать: как он поговорил с другом, что сказала учительница, о чем он думал, чем занимался, куда ходил, что рисовал. И простое, необходимое внимание к ребенку, интерес к его жизни превращается в постоянное влезание в него, в его жизнь, в его мысли, в его чувства. Потому что я должна быть в курсе!

- Но как же я не должна быть в курсе всего, если ребенок - смысл моей жизни? - сказала одна мама на тренинге. И другая, которая была в детстве жертвой такой вот опекающей мамы, ответила ей резко:

- А у тебя что, своего смысла нет? Почему чужая жизнь стала смыслом твоей жизни?...

Я ехала однажды в поезде, когда моей соседке, женщине лет тридцати, постоянно звонил по телефону папа.

Сначала, чтобы узнать - села ли она?

Потом - поехал ли уже поезд?

Потом - взяла ли она постель?

Потом узнать - она уже отдыхает?

Потом - узнать, почему она ряженку не взяла?

Потом - поела ли?

И покоя не было ни ей, ни нам, ни ему самому. Он же должен всегда быть с ребенком, должен быть в курсе всей ее жизни!

Мы, взрослые люди, сейчас не очень-то любим, когда наши родители продолжают нас так опекать и так выполнять родительский долг - быть рядом, быть в курсе! Но сами только это и делаем!

Одна женщина рассказывала:

- Когда мама приходит ко мне в гости и говорит мне, взрослой женщине: «А чего это ты плитуса не протерла? А почему суп такой жидкий сварила? А почему дочери разрешаешь дома в хорошей кофте ходить?» - я просто зеленею от злости и раздражения. Сколько можно! Она - везде! А сейчас поняла: я сама - точно такая же со своими постоянными: «А почему ты эту юбку надела? А почему ты с Наташей не дружишь? А почему тебя пересадили за другую парту?» Я - везде! Это же какой-то кошмар!

Я помню, как развеселил меня мой пятилетний внук, когда однажды рано утром пришел ко мне в комнату, чтобы пообщаться. Я хотела спать, поэтому решила отправить его обратно, к маме.

- Пойди посмотри, - сказала я, - чем мама занимается.

Ребенок не тронулся с места.

- Пойди узнай, собирается ли она ехать в торговый центр, - сказала я ему.

Он молча сидел на моей кровати.

- Узнай, возьмет ли тебя мама с собой, - сказала я ему, зная, как он любит ездить с мамой в этот торговый центр.

Ребенок никак не отреагировал.

- Так пойди и спроси - возьмут ли тебя?

Он молчал.

- Спроси маму - купят ли тебе пиццу?

Ребенок молчал.

- Узнай, какую пиццу тебе купят?

Ребенок молчал.

- Пойди узнай, посадят ли тебя в тележку? - сказала я ему. И видя, что он никак не

реагирует на мои слова, добавила: - Чего ты сидишь? Пойди все это узнай - поедете ли вы, на чем вы поедете, покатают ли тебя на тележке, купят ли тебе пиццу, купят ли тебе сок... Сколько тебе всего интересного нужно узнать! - сказала я ему.

И он ответил мне:

- Маруся, все это тебя совершенно не должно волновать! - Помолчал и добавил: - Все это вообще - не твое дело!

И я - расхохоталась. И смеялась долго, просто не могла остановиться - так правильны были его слова. Все это - меня действительно не должно волновать, потому что это имеет значение, смысл только в его жизни.

И подумала, отсмеявшись: помнили бы родители, что многие вещи не имеют к ним никакого отношения! Они касаются жизни ребенка, его личного пространства, его свободы выбора, его чувств и мыслей. Его - отдельной от нас личности!

Но так сильны в нас эти мощные родительские долги, что мы уже не думаем - а так ли нам надо поступать. Мы «знаем», что именно так надо любить и воспитывать ребенка.

Только вот последствия наших «знаний» ты только что видел...

- Меня мама *душила* любовью, - говорила одна женщина на тренинге. - И сейчас душит. Мне уже тридцать семь лет, и она никак не может понять, что я выросла и хочу жить своей жизнью.

- Кому из вас хочется это про себя услышать: «Мама душит меня своей любовью»? - спрашиваю я родителей. И - никто не хочет, чтобы его ребенок так говорил. Как только увязать это с нашими долгами - быть всегда вместе, рядом, быть в курсе всего, все брать на себя?

Есть еще два родительских долга, как бы вытекающих из этих распространенных долгов.

Мы *должны отдать ребенку все время*. И мы *должны забыть о себе*. Потому что - где уж тут нам самим найдется место и время в этих постоянных - «быть рядом», «быть вместе»...

Мы должны поставить на себе крест - так звучит иногда для родителей этот долг. Потому что он действительно лишает тебя твоей собственной жизни.

Но только кто это все придумал? Кто придумал, что мы должны отказаться от своей жизни, принося ее в жертву ребенку? Все это - ложные долги. Они действительно ложные, но мы попадаем в их ловушку. Уже ничего кроме ребенка не видим, ничем не живем. И было ли кому от этого хорошо?!

Я наблюдала однажды как в парикмахерской женщина средних лет, сев в кресло, сказала парикмахеру как-то торжественно-обреченно:

- Стриги меня, Маша, покороче! А то скоро будет вообще не до этого!

И я, сидя в соседнем кресле, удивленно подумала: «Что такого должно случиться в жизни этой женщины, что ей будет даже не до стрижки? Что такое так отвлечет ее, что она не найдет часа, чтобы постричь волосы?!»

- Когда вы его ждете? - говорила ей Маша, остригая ее волосы действительно очень коротко.

- Через неделю должен появиться, - отвечала женщина. - Надеюсь, все в порядке будет, дочь в срок родит...

«Ее дочь должна родить ребенка, - потрясенно думала я, - и она уже готовится полностью жить жизнью дочери и этого ребенка (не ее, кстати, ребенка, ребенка дочери, которая сама должна проходить этот родительский опыт!). Причем собирается жить так, что времени на свою жизнь уже не останется! Вот это ответственная бабушка!» Но думала не с восхищением, а с горечью. Сколько ошибок уже запланировано ею в этом самоотверженном служении!

Вот так работают наши долги. Обременяя нас самих и не давая нашим детям проходить их собственный опыт жизни.

И кому нужны такие долги?!

Итог

Я вспомнила этот случай, внешне смешной, но такой серьезный, если увидеть в нем нас - родителей, которые знают, как надо заботиться о детях.

Однажды я присутствовала на пробном уроке, который проводила студентка педучилища. Был урок по природоведению, посвященный растениям, уходу за ними.

Молоденькая, очень ответственная студентка вела урок хорошо, очень доступным, простым языком говорила с детьми, была доброжелательна, внимательна к ним.

Минут за пятнадцать до окончания урока дети приступили к практической работе. Каждому ребенку будущая учительница поставила на парту горшок с комнатным растением.

- Давайте поухаживаем за ним, - сказала она детям. - Давайте внимательно осмотрим растение - нет ли у него сухих листочков, засохших веточек. Такие листочки и веточки надо удалить, освободить растение от них...

Дети с энтузиазмом начали удалять сухие веточки, листочки... Скоро все лишнее было удалено.

- А теперь давайте взрыхлим почву нашему растению, чтобы его корни могли свободно дышать...

И каждый ребенок специальной палочкой стал рыхлить, вскапывать землю в горшке.

- А теперь давайте польем наше растение, чтобы его корни, ствол, листики получили необходимую влагу.

И дети так же ответственно, с энтузиазмом полили свои растения.

Все было сделано. Но до конца урока оставалось еще почти десять минут! Неопытная студентка неправильно рассчитала время. Вся практическая работа заняла лишь несколько минут. Но урок-то надо было еще чем-то заполнить!

- Давайте, - бодрым голосом сказала будущая учительница, - еще раз осмотрим наше растение. Может быть, мы пропустили какие-то листики или веточки... Может быть, надо еще что-то оборвать...

Дети с сомнением посмотрели на горшки с растениями. Но поскольку была команда поискать что-то еще, что можно было оборвать, то они, послушные дети, оборвали еще то, что, на их взгляд, можно было оборвать.

Потом по просьбе учительницы они еще раз взрыхлили землю, и так уже взрыхленную, политую. Поэтому рыхление это было более глубоким - кто-то задел корни, кто-то вообще нечаянно вырвал из горшка все растение. Но надо же было еще позаботиться о растении! Потом они еще раз его полили.

Но до конца урока оставалось еще почти пять минут!

- Дети! - звенящим от волнения голосом, почти со слезами, сказала будущая учительница, - посмотрите, все ли мы сделали для наших растений? Может быть, можно еще о них позаботиться!

Ответственные дети стали критическим взглядом осматривать растения и отрывать ненужные, на их взгляд листья или ветки. Потом - еще рыхлить, еще поливать...

К моменту, когда, наконец, прозвенел звонок, на партах перед детьми стояли измученные, оборванные, хилые, едва держащиеся в горшках растения! Результат повышенной заботы! Стояли какие-то жалкие уродцы. Что называется, без слез не глянешь!

Каждый раз, вспоминая эту историю, я думаю о родителях. Об их неустанной любви и заботе. Об их контроле и опеке. О рыхлении, искоренении недостатков. Об их неудержимом поливе, в котором захлебывается иногда ребенок. Об их рамках, правилах, системе долженствования, которые обрывают всю естественность, всю живость ребенка. И получается потом такой вот результат - хилый, неприспособленный к жизни, иногда просто жалкий, беспомощный ребенок.

Все, что мы описали в предыдущей главе: наши представления о самих себе, как о важных, значимых, знающих вершителях судьбы ребенка, наши представления о ребенке - как о маленьком и беспомощном, и приводят к такому результату. К формированию маленьких, слабых, беспомощных людей. Приводят к печальным последствиям в жизни этих

людей.

Тогда - нужны ли нам такие представления? Правильны ли они?

И такие уж мы все знающие? Знаем ли мы вообще что-то или сидим в иллюзиях своей правоты и ложных знаний? И так ли малы, глупы и беспомощны наши дети, так ли они нуждаются в нашем постоянном руководстве, контроле и опеке?

Я бы очень хотела, чтобы мы, родители, стали немного сомневаться в своей «знающести». Чтобы мы перестали быть такими правильными и авторитарными. Только при этом условии, мы сможем пересмотреть наши представления и убеждения о самих себе и стиле нашего отношения к ребенку.

Давай сделаем ревизию и переоценку наших «знаний» и представлений.

Давай дадим себе возможность измениться к лучшему.

Глава 4. Знаешь ли ты...

Знаешь ли ты, что наши знания - это наш собственный опыт?

Много лет назад я попала на семинар по педагогике. И на вопрос, чего я хочу для своего ребенка, я выдала целую программу действий. Мой ребенок будет учиться танцам, он пойдет в музыкальную школу, он будет посещать все музеи и театры, он с раннего возраста пойдет на курсы иностранного языка, чтобы был всесторонне развитым.

- Это надо вашему ребенку? - спросил меня ведущий семинара.

- Конечно! - ответила я.

- Откуда вы это знаете? - спросил он меня.

И я одновременно и растерялась, и возмутилась. Я это просто знала! Знала и все. Как непреложную истину. Так должно быть! Именно это я и попыталась ему объяснить.

Но он повторил вопрос:

- Откуда вы знаете, что это надо вашему ребенку?

И я уже действительно возмутилась:

- Я это знаю и все. Я же лучше знаю, что ей надо!

- Но откуда вы это знаете? - спросил он, и я не нашлась, что ему ответить.

- Сколько лет вашей дочке? - спросил он.

- Три года, - ответила я.

- Это она вам в ее три года сказала, что хочет пойти на курсы английского языка и хочет посещать музеи?...

- Нет, - с раздражением сказала я, - она мне этого не сказала! Как она мне может это сказать!

- Тогда откуда вы это знаете?

«Ну и тупой же он!» - подумала тогда я. Хотя тупой, конечно, тогда была я сама.

Я, действительно, была типичной «знающей» мамой. Знающей «из себя», про себя, переносящей на ребенка свои знания и свои представления - что нужно ему. Это *мне* всегда хотелось заниматься танцами, ходить в музыкальную школу, которой не было там, где я жила. Это *мне* хотелось посещать музеи, театры - чего я была лишена, живя в рабочем поселке. И когда я изредка прикасалась к этой интересной жизни, я получала столько положительных эмоций. Это *мой* жизненный опыт, *мои* представления говорили мне - что это очень важно, нужно. Я была уверена, что это нужно моей дочери. И моя уверенность была основана только на моих собственных знаниях и представлениях.

Так происходит всегда. Все наши знания - это наш собственный опыт, предпочтения, которые мы пытаемся наложить на другого человека.

Мой ребенок должен хорошо выглядеть - знают родители. И стараются, чтобы ребенок хорошо выглядел. Опять же - исходя из собственных представлений, что такое хорошо выглядеть.

- Мое детство все прошло в бантах, в белых носочках... И когда все остальные дети играли во дворе, бегали по лужам, лазали по деревьям - я сидела на скамейке. Я до двенадцати лет сидела на скамейке, как красивая кукла. И до сих пор я говорю матери: «Мое детство было испорчено!... У меня не было детства!...» - с горечью говорила одна женщина.

Мне в моем детстве бабушка, которая большей частью воспитывала меня, пока родители работали, всегда говорила, когда я ела котлету или яичницу: «Припивай, припивай компотом...» Ее в детстве тоже так кормили и советовали «припивать» компотом. И она знала, что так правильно!

Сейчас, когда я об этом пишу, я, ведущая здоровый образ жизни и серьезно относящаяся к своему питанию, просто поражаюсь, как вредно было то, что она советовала мне делать. Как безграмотно это с позиции здорового питания! Но бабушка знала, что так правильно!

Однажды я услышала, как мой маленький внук истошно кричит. Его, завернутого в пеленки, укладывала спать моя свекровь. Я уже знала, действительно знала, что означает этот крик. Я узнала это от него самого - понаблюдав за ним, за его поведением, разными «способами» крика. Так он кричал, когда хотел, чтобы его оставили в покое. Чтобы его просто положили.

Я зашла в комнату и рассмеялась. Моя свекровь, которая *знала*, как укладывают детей спать, ритмично качала его. Качала на все лады, что вызывало еще большее его возмущение - хотел-то он не этого! Но она действительно знала, как знают поколения родителей, что если ребенок орет - его надо качать! А то, что его, может быть, надо уже не качать, этого они не знают!

- Он лежит, в потолок смотрит и о чем-то думает! - жаловалась мне одна бабушка на своего подростка-внука.

- А это что, ненормально - лежать, смотреть в потолок и думать? - удивилась я.

- Ну конечно! - уверенно ответила бабушка.

- А вы откуда это знаете? - спросила я, как когда-то меня спрашивали, откуда я знаю, что нужно моему ребенку.

И бабушка тоже не смогла сначала ответить. Но потом мы с ней выяснили, что это ненормально с ее позиции, с позиции бабушки, которой некогда лежать и смотреть в потолок, да еще и думать о чем-то!

- Он за компьютером часами сидит! - возмущенно говорила одна мама. - Лучше бы книжки читал!

- А почему лучше? - задала я простой вопрос. И она тоже не могла ответить. Только потом мы выяснили: сама она за компьютером никогда не сидела, нет у нее в жизни такого опыта. Поэтому и понять, чего хорошего в таком вот «сидении», она не может. Это представляется ей пустой тратой времени. Но вот книжки она в детстве читала, и ей взрослые всегда говорили, чтобы она читала книги, что читать книги - это очень правильно. Вот она и знает, что ее ребенку лучше!

Это такая простая истина: все наши знания - наш собственный опыт. Его мы и пытаемся перенести, навязать другому человеку.

Но, понимая эту простую истину, начинаешь задумываться: а правильно ли это вообще? Так ли хорош наш личный опыт, чтобы его переносить? И надо ли его переносить на другого, действительно совершенно *другого* человека?

Знаешь ли ты, что наши знания и опыт привязаны ко времени?

Вся наша система убеждений, знаний, верований, опыта приобретена из жизни в конкретном временном периоде, с его спецификой.

Поколения мам читали детям сказки о Ленине, искренне уверенные в правдивости этих сказок. Прошло время - и оказалось, что сказки были ложью. И личность самого вождя оказалась очень спорной. И то, что творилось по его указаниям и распоряжениям, иногда было чудовищно. Но родители *знали*, каким хорошим был дедушка Ленин.

Поколения родителей *знали*, каким надо вырастить ребенка - послушным, уважающим

старших. И до сих пор это поколение робких, послушных, уважающих кого угодно, только не себя, людей мучаются в реальной жизни, где робость и бездумное послушание - самые ненужные качества. Где нужна активность, уверенность, яркость.

«Не высовывайся», - говорили взрослые, знающие люди своим детям. Целое поколение людей выросло на этом совете. Совете, продиктованном самим временем. Тем, кто высовывался, крепко давали по башке!

Миллионы людей, принявшие этот совет, до сих пор остаются жертвами нашего времени. Потому что в настоящее время надо «высовываться», иначе - как тебя заметят? Надо иметь свою позицию, свои мечты, свои планы. Надо не бояться быть большим, иначе - как ты можешь много получить от жизни?

Но наши знающие родители говорили нам: «Мы - маленькие люди, от нас - ничего не зависит». И это представление, продиктованное тоже тем временем, когда все были мелкими пешками, исполнительно поднимающими руки при голосовании, - уже устарело. Оно уже вредно. Оно действительно вредит, мешает осознавать свою ценность и значимость, свои возможности - без чего просто невозможно достичь успеха в наше время.

Каждое время диктует свои представления. Свое отношение к чему-то. Даже - свои педагогические особенности.

Моего одноклассника Васю, который был левшой, родители просто привязывали к стулу. Привязывали его спину и левую руку, оставляя свободной только правую, чтобы ребенок начал писать нормально! Потому что то, что он пишет «не как все» с позиции этих знающих родителей и знающего учителя, который и посоветовал такой «педагогический» прием, было ненормально! В то время еще не пришли к пониманию нормальности самого факта леворукости. Таких детей старались переучить. И мучился бедный Вася в этой попытке несвободы быть собой, и корячился он писать правой рукой - и потом его постоянно ругала учительница, потому что писал он как курица лапой!

И я, уже будучи взрослой, встречала пару таких переученных бывших леворуких детей, которые, казалось, и левой рукой перестали нормально работать, и правой не научились. А если учесть, что леворукость или праворукость взаимосвязаны с работой правого или левого полушария мозга, то и на уровне мышления таких «переученных» людей было много путаницы. Одно полушарие затормозило какие-то процессы, другое - толком их на себя не взяло. И кому нужно такое переучивание! Но родители *знали*, что они делают правильно!

Я помню, как мы с дочерью, обратив внимание на то, что ее ребенок предпочитает брать предметы в левую руку, сначала пробовали перевести оперирование предметами на правую руку, просто подсовывали ему в правую руку карандаш, или ложку, или кубик. Но он, взяв предмет в правую руку, тут же перекладывал его в левую и продолжал рисовать, или есть, или складывать кубики. Природу, что называется, не обманешь.левой рукой ему было удобнее, легче оперировать предметами. И мы после нескольких таких мягких проб оставили его в покое. Только дочь с уважением сказала:

- Надо же, какой у меня нестандартный ребенок! Он ведь и мыслить должен не как все дети, у него же другое ведущее полушарие мозга. Интересно, каким он будет расти, как будет проявляться? Он же должен получиться творческой личностью!...

У нас и растет творческая личность.

Но когда личность эта пошла в школу, где обучение письму дается с позиции праворуких детей, начались сложности. Учитель, который действительно знает, как надо правильно писать - весь его опыт и педагогическое образование его этому научили, - неоднократно писал в тетради ребенка грозное слово: «Наклон!» Ну никак не вписывается наклон букв ребенка в общепринятый. Но он и не может вписаться! Просто невозможно писать буквы левой рукой, но «класть» их направо! Так просто не увидишь, что ты пишешь. У всех левшей другой наклон букв. Но учитель *знает*, что это неправильно. А ребенок, получая каждый раз тетрадь с этим грозным «Наклон!», чувствует себя не очень успешным. Так работают наши знания!

Мы знали кучу истин, которые на поверку оказываются ложными.

И есть настоящие истины, настолько, я бы сказала, «аксиомные», понятные, видимые - и именно эти истины почему-то чаще всего недоступны родителям. Именно очевидные вещи мы почему-то не видим, забываем о них.

Именно на эти истины и знания я и хочу обратить твое внимание.

Думаю, читая название очередного раздела этой главы, ты иногда будешь иронично улыбаться, даже удивишься - чего об этом писать, это же и так понятно!

Но - ты действительно это *знаешь*?...

Ты *пользуешься* этим знанием?...

Знаешь ли ты, что они - такие же люди, как и мы?

Однажды моя пятилетняя дочь пришла из детского сада и заявила:

- Мама, я выхожу замуж!

От неожиданности я чуть не рассмеялась, но сдержала смех и спросила вполне серьезно:

- Когда?

- Завтра. Завтра свадьба.

- И кто же твой будущий муж? - спросила я.

- Это Сережа, - неожиданно ласковым голосом сказала дочь, и интонация ее меня просто удивила. В ней было столько нежности! Я поняла, что даже имя это ей очень нравится.

- А Сережины родители знают, что вы завтра женитесь? - спросила я с улыбкой.

- А он им сегодня скажет. Мы договорились, что сегодня расскажем родителям.

Меня так поразило тогда это совсем взрослое - «мы договорились...».

С одной стороны, мне было очень смешно, что она в свои пять лет вполне серьезно ставит меня в известность о своем браке, с другой стороны, я видела, что для нее это вполне серьезно. И вид у нее был такой мечтательный, она где-то там витала... «Моя дочь влюбилась, - констатировала я, и подумала: - и смех и грех!»

- Ты его любишь? - спросила я.

- Да, - тихо ответил мой ребенок.

- А чем он тебе так понравился? - серьезно поинтересовалась я.

Мне действительно стало интересно, что за Сережа такой, который влюбил в себя мою дочь, и что в нем такого необыкновенного, что так поразило ее сердечко? По крайней мере в предыдущие дни она не говорила ни о любви, ни о свадьбе!

- Мама, он такой... Он такой хороший... - сбивчиво, торопясь, начала рассказывать дочь. - Он самый лучший. Он смелый. Когда мы играем в войну, он всегда командует... Он дерется... Он такой красивый...

Я поняла, что слов нет, есть одни чувства, и чувства эти громадны. «Вот это да, - поразила я, - у нее все по-настоящему, как у взрослой!»

- И еще, - вдруг добавила дочь, - мне кажется, что, когда он вырастет, у него, может быть, будут усы!...

Это был последний аргумент, и я поняла - спорить бесполезно, раз у него еще и усы могут вырасти! Брак просто неизбежен! Но я оставалась мамой, и мне важно было воспитывать мою дочь серьезной и вдумчивой, поэтому я осторожно сказала:

- Детка, а ты уверена, что хорошо его знаешь? Ведь брак - дело очень серьезное, надо очень хорошо знать человека, это ведь серьезные отношения на всю жизнь. Может быть, не надо торопиться со свадьбой, может, давай подождем, ты к нему присмотришься, узнаешь его получше, проверишь свои чувства...

- Да нет, мама, я все уже знаю... Мы уже все решили. Мы уже даже целовались. Знаешь, как он щекотно целуется!...

У меня не было больше слов. Я, правда, попыталась еще воздействовать на свою дочь, подключив к этому пришедшего с работы мужа. Мы с папой поговорили с ней о том, что ранние браки нежелательны и что брак - это очень важный поступок и к нему надо относиться очень ответственно. Но дочь была неумолима: «Я выхожу замуж!»

И я, видя ее решимость, начала вдруг понимать, что она действительно относится к этому очень серьезно. Она переживала и чувствовала это так, как влюбленная женщина. Она отстаивала свое право выйти замуж. Она не слышала никаких доводов. Она рассуждала, как взрослая, чувствовала, как взрослая, переживала все всерьез.

Но самое большое потрясение я испытала на другой день, когда, придя из детского сада, дочь бросилась ко мне в слезах и начала сбивчиво рассказывать, что он бросил ее, предал, она ошиблась в нем. И столько чувств было в ее рассказе, столько разочарования и боли!

- Он бросил меня, он предатель!... Он оставил меня фашистам, когда мы играли в войну, и они напали на нас. Я была медсестрой, они нас взяли в плен, а он убежал, он даже не дрался! Он предатель!... - и она горько заплакала...

Я была поражена силе ее чувств. Мне не хотелось улыбаться, представляя, как пятилетние «фашисты» берут в плен пятилетних солдат и медсестер, не это было важно. Важно было то, что разыгралась маленькая, но очень взрослая трагедия, когда один человек предает другого, когда один человек разочаровывается в другом, теряет иллюзии, видит горькую правду.

Она чувствовала это абсолютно так, как чувствовал бы на ее месте любой взрослый человек, брошенный и преданный. Она была взрослой в переживаниях. Мне даже стало стыдно, что я поначалу так поверхностно отнеслась к ее влюбленности.

Это был хороший урок для меня, молодой мамы, - видеть в ребенке вполне полноценного и настоящего человека, независимо от того, насколько наивно то, что происходит с ним внешне. Я поняла, что внутри переживания ребенка не уступают по силе переживаниям взрослых.

И потом, общаясь с детьми, я много раз наблюдала эту остроту переживаний, эти не детские, а абсолютно взрослые по силе чувства.

Я много общалась с взрослыми людьми и знаю, что для многих из них эти детские чувства и переживания остались до сих пор очень яркими и сильными. Они были настолько сильными в детстве, что во взрослом возрасте их не могут затмить более серьезные, казалось бы, события и переживания.

И часто слышала удивленные рассказы родителей: «Оказывается, мой ребенок - такой же человек, как я!» Как все люди. И смешно даже было, что такая очевидная истина - становится для родителей открытием!

- Я однажды увидела случайно, как мальчик смотрел на мою дочь, - рассказывала одна женщина. - Дочери было двенадцать лет, их класс ставил спектакль по истории. Постановка была про Древний Рим, поэтому дети были в тогах, сделанных из простыней. Они все стояли на перемене, ждали, чтобы войти в класс. И моя дочь, обмотанная простыней, стояла среди ребят. И там был мальчик, влюбленный в нее, над которым она посмеивалась, над чьей влюбленностью, казавшейся нам с мужем такой смешной, несерьезной, мы с мужем иронизировали, «подкалывая» дочь. Он смотрел на ее плечи. На ее голые плечи - девчоночьи, худенькие. Но - как он на них смотрел! В его взгляде было такое обожание, такое «впитывание» этих плеч! И я подумала: «Господи, если бы мой муж на мои плечи так смотрел!» И подумала, это действительно любовь. Даже не влюбленность - любовь. Только любящий мужчина может так смотреть на плечи женщины. А мы над ним смеялись! А мы, взрослые, думали: да что там дети, что они понимать-то могут! Что они могут чувствовать!

Да нам еще поучиться у них надо!...

Знаешь ли ты, что ребенок - это другой человек с другим мировосприятием?

Они - другие. Они - не мы. Это отдельные люди с собственным отношением к жизни. Со своими желаниями, мечтами, чувствами. С собственным отношением к фактам и событиям. С собственным видением ситуации.

Однажды дочь попросила своего пятилетнего сына, моего внука, сложить в стопку его детские книжки, снятые со старых стеллажей, лежавшие на полу в его комнате в ожидании нового шкафа. Книг было много, они, сложенные вначале ровными стопками, «поехали»,

образовав в углу комнаты бесформенную кучу.

- Разложи книги в стопочки - попросила ребенка мама.

Он начал складывать книги. Мы с дочерью пошли на кухню пить чай.

Спустя минуту ребенок пришел к нам с вопросом:

- А можно я сложу книги у стены?

- Можно! - хором ответили мы. - Иди, складывай!

Спустя какое-то время ребенок пришел с новым вопросом:

- А можно я сложу книги у окна?

- Конечно, можно! - с готовностью ответили мы, - иди, дорогой, складывай!

Мы пили чай, болтали, прерывал нас только ребенок, заходивший к нам с очередным вопросом, типа: «А можно я сложу книги у комода?», «А можно я сложу книги у стола?» или «А можно я сложу книги у кровати?»

- Можно! - отвечали мы, отправляя его в детскую.

Спустя какое-то время ребенок пришел и с гордостью заявил:

- Я все сложил!

Мы встали из-за стола, чтобы пойти посмотреть на его работу и похвалить.

И нашему взору предстало неожиданное. Настолько неожиданное, что мы стояли молча, оторопев от увиденного, потом дочь отчаянно закричала:

- Ты что наделал? Я же просила тебя сложить книги в стопочки!

- Я и сложил, - с недоумением ответил ребенок. - Я сложил - по всем сторонам!

Он действительно сложил их «по всем сторонам». Стопки из трех-четырёх книг лежали повсюду - у комода и у кровати, у стола и у окна, у двери и у стены, вообще - в центре комнаты. Вся комната была усеяна этими стопочками книг, все ее пространство было занято стопками книг.

Он сложил. Он действительно сложил, так, как хотел. О чем, между прочим, спрашивал у нас. Это было его собственное видение - как надо сложить книги. Его собственный порядок.

И этот его порядок на самом деле очень соответствовал ему, маленькому ребенку. Это для нас, взрослых, сложить книги - значило выложить их в две-три высокие стопки, соответственно нашей собственной величине.

Для него такие вот стопочки были отражением его масштаба. И поскольку их получалось много, надо же было найти для каждой место!

Они - другие! У них свой масштаб. Свои выводы. Свои чувства и отношения.

Однажды дочь, задержавшись на работе, опоздала за ребенком в детский сад.

- Ты представляешь мой ужас, - рассказывала она мне, - я понимаю, что опаздываю на час, когда воспитатель уж точно уйдет и ребенка оставят на попечение охранника детского сада, и я не могу дозвониться в сад и передать воспитателю, чтобы она объяснила сыну, что я уже еду и скоро приеду, чтобы он не думал, что я о нем забыла. И я всю дорогу нервничала, что мой ребенок сидит один в саду с охранником, и мне было стыдно, что я такая ужасная мать, что мой ребенок должен сидеть одинокий с каким-то дядькой в саду. И как он там себя чувствует - в пустом саду с чужим человеком? И ты представляешь, я примчалась в этот сад - открывает мне дверь охранник, а ребенок мой - довольный и счастливый, с неохотой встает с дивана, на котором он сидел и смотрел с охранником телевизор.

И выходя из сада, он прерывает мое сбивчивое: «Извини, дорогой, так получилось, что мне нужно было задержаться на работе, мне так неудобно...» - совершенно неожиданной фразой:

- Ты знаешь, мама, сегодня - самый счастливый день в моей жизни!

- Самый счастливый день? - переспрашиваю я, не понимая - в чем счастье-то?

- Я остался один в саду с охранником! - гордо говорит он. - Я вместе с охранником смотрел телевизор! - Так же гордо продолжает он.

И то, как он говорит слово «охранник», - сразу все объяснило. Охранник - это же самый важный человек в детском саду!

- Завтра мне будет завидовать весь детский сад! - заявил ребенок, и дочь после этих слов успокоилась. И, рассказывая мне об этом, поражено говорила:

- Я извелась, я вся в чувстве вины, что мой ребенок несчастен, а у него это - «самый счастливый день в его жизни»! До какой степени он другой человек. С другим представлением, с другим отношением!

Они - другие. Они - не мы. У них действительно свои отношения, свои чувства, свои ценности.

- Однажды в детстве подружка дала мне обрезки цветной фольги, - рассказывала одна женщина. - Это была настоящая ценность - маленькие пластинки разноцветной жесткой фольги, которую не купишь в магазине. Это было настоящее богатство! Я до сих пор помню замирание в сердце, когда я любовалась разноцветными кусочками, их бликами. Я уже представляла, как украшу звездочками из фольги платье любимой куклы, и она станет принцессой. Как сделаю своим куклам блестящие разноцветные короны, и они станут королевами. Я легла спать с этой мыслью. Но утром не обнаружила на столе своего богатства.

Моя бабушка все выбросила. Она увидела беспорядок на столе у ребенка и навела порядок. И бросила все ненужное - обрезки бумаги, кусочки фольги - в печь.

Я помню горе, которое пережила, узнав, что моего богатства больше нет. Для меня это было горе. Я пережила ощущение настоящей потери и непоправимости случившегося. Я до сих пор помню это чувство утраты и осознание невозможности этой утраты. Потому что уже ничего нельзя было сделать - фольги уже нет и взять ее негде.

Это было настоящее горе, и я плакала так, как плачут при настоящем горе. Я обиделась на бабушку. И долго не могла простить ей это «преступление».

Сейчас я понимаю - она была любящей бабушкой и любила меня так, как умела, - заботилась, кормила, наводила у меня на столе порядок. Это она и сделала - выбросив то, что было так дорого мне, но не представляло никакой ценности для нее. Она даже не подумала тогда спросить у меня, что мне тут нужно, что надо оставить. Ей в голову не пришло поинтересоваться, зачем нужны многочисленные обрезки. Ей в голову не приходило, что у меня могут быть *мои собственные* ценности.

Знаешь ли ты, что ребенок - это другое тело?

- Я постоянно воевала с ребенком, пытаюсь его накормить, - рассказывала одна мама. - Я знала, что детей надо кормить по часам, что им надо давать полноценное питание, которое включает весь необходимый рацион витаминов и микроэлементов. Я так и кормила - по часам, давая ему разнообразное питание. И он постоянно устраивал мне сцены: то он есть еще не хочет, то он этого не хочет, то того не хочет! Как кормежка, так сплошная нервотрепка! Столько сил мне надо было и терпения, чтобы объяснить ему, что надо есть творожок, или что суп в обед просто необходим, или надо есть тертое яблочко, потому что в нем много витаминов! Я кормила его иногда насильно, через крики и слезы - надо же было его накормить вовремя! И однажды, когда я кормила своего пятилетнего сына яичницей, и он опять отказался ее есть, канюча, что не хочет есть яичницу, терпение мое лопнуло, и я сказала ему: «Не съешь яичницу - я тебе ее сейчас на голову вывалю!» Я просто не знала, что делать с этим его нежеланием есть то, что я ему даю. И я вывалила ему эту яичницу на голову...

- Вы не представляете, - произнесла женщина после долгой паузы. - Я знала, что я абсолютно права - ребенок должен есть по часам и должен есть то, что дают ему родители, которые знают, что ему надо есть. Но когда эта яичница-глазунья стекала по его лицу и он начал плакать, кривя рот в какой-то унижительной гримасе, я отчетливо поняла, что я делаю что-то не так. Что так не должно быть. Потому что мое желание его правильно накормить разрушает в нем что-то более важное. И я не права в моем желании накормить его тогда, когда я считаю нужным, и тем, чем я хочу его накормить. Я впервые вдруг с удивлением подумала, что он - маленький живой человек и с ним так нельзя. Нельзя его насиловать, запихивая в рот еду, которую он не хочет есть, нельзя его так унижать. Мне стало

нестерпимо стыдно - он же человек, он же может не хотеть есть яичницу, - я тоже не всегда хочу есть яичницу! Он может хотеть чего-то другого. Он же другой!...

Они - другие. Они - не мы. Они - другие тела. С другими потребностями, вкусами, предпочтениями в еде. Их *другое* тело хочет чего-то другого, совсем не того, что ты считаешь нужным дать этому телу!

Я много раз слышала рассказы родителей о том, как их дети не соглашались, не хотят есть то, что им дают. Как борются родители за то, чтобы всунуть в ребенка колбасу или котлету, которую он не хочет. Как пытаются накормить его фруктами, в которых столько витаминов, а он их просто выплевывает.

Каждый раз, слушая эти рассказы, обсуждая эту тему на тренингах для родителей, мы все вместе поражались (так видно это было со стороны!) этой противоестественности происходящего. Ну, не хочет это есть ребенок - ну зачем ты его насилуешь?! Ну не съест он эту котлету или это яблоко - что произойдет с его жизнью? Но родители, знающие и умные родители, наполненные знаниями о болезнях, истощениях, авитаминозах, всегда оправдывали свое поведение: «Мало ли что он хочет! Что он знает-то? Что он понимает? Да его если не накормить - он вообще с голоду умрет!»

Но такие аргументы просто смешны. Потому что еще никто не видел умирающего от голода ребенка, которого родители освободили от своего навязчивого желания «грамотно» накормить. Любого ребенка, которого мы перестаем насиловать, рано или поздно прибегает, говорит: «Есть хочу!» и хватает ту же котлету или яблоко или что-то другое, нужное ему сейчас, нужное его - *другому* - телу, и уминает это с большим аппетитом!

Я тоже в свое время, будучи молодой мамой, прошла этот опыт строгого контроля за питанием ребенка, «грамотного» его кормления по часам и с «грамотным» рационом. И меня тоже очень часто раздражал ребенок, который не хотел есть то, что надо было есть.

Моего терпения хватило ненадолго. После одной такой очередной попытки накормить дочь, когда она вся извертелась и изнылась и сидела над тарелкой полчаса, ковыряя в ней ложкой, я сказала:

- Вставай из-за стола, иди гулять. Захочешь есть - придешь!

Больше я никогда не кормила ее по часам. Я знала: пройдет какое-то время, и она примчится, *готовая* есть. И всегда сама найдет, выберет - что нужно ей.

Дети действительно сами знают, что им нужно. Они знают, что нужно их организму. Именно потому они могут отдавать предпочтение каким-то блюдам и отказываться от других. И наши знания и представления о питании для них ничего не значат. Мы не можем знать за *другое* тело.

Я наблюдала однажды, как папа отрезал два куска молочной колбасы (почти две сардельки!) и сказал шестилетнему сыну: «Это надо съесть!» И ребенок сначала пытался уговорить папу, объясняя, что он не хочет колбасу. Но папа был неумолим - колбасу надо есть! И ребенок мученически, давясь, осилил один кусок. Но папа настаивал на том, чтобы он съел и второй, говоря: «Это твоя порция!» Но разве это была порция ребенка? Это была порция папы! Это были его масштабы, его размеры. И это папе нужна колбаса. Это папа без колбасы не может жить! А детское тело не испытывает никакой потребности в колбасе!

Вот так мы все и «знаем»! И мы впихиваем в них еду, как в гусей, кормим их по часам, как подопытных кроликов. А потом почему-то у ребенка в пять лет гастрит, в семь лет - колит! Но это закономерно, если его тело постоянно получает не свое, не необходимое именно для этого тела питание. И вынуждено переваривать ненужное, «впихнутое» в него родителями, которые «знают», что ему необходимо!

Несколько лет подряд я пыталась приучить маленькую дочь есть помидоры, которые сама очень любила и считала очень значимыми в рационе питания. Но она отказывалась их даже попробовать. И я читала ей чуть ли не целые лекции о пользе помидоров. Все было впустую. Но, к моему удивлению и раздражению, дочь постоянно ела капусту. Ела в любом виде. Как коза. И это, с моей материнской позиции, тоже было неправильно.

Только позже, когда я вообще изменила отношение к воспитанию ребенка, к самому

ребенку и увидела в ней отдельную, другую личность, имеющую право на собственный выбор, я перестала видеть в этом что-то неправильное. Неправильно - это есть помидоры, которое так нужны *моему* телу, но не нужны ее телу. И правильно для нее - есть капусту во всех видах, всеми способами приготовленную, которую требует ее организм. Которую она всю жизнь ела. И с удовольствием ест по сей день.

Однажды я прочла про интересный эксперимент, поставленный на маленьких детях.

В игровой комнате, где находились дети двух-трех лет, установили разнообразные кюветики с едой. Там были всевозможные каши, пюре, соки. Детям показали, как они могут ими пользоваться. И когда ребенок хотел, он подходил и ел. Он мог, пробуя то одну, то другую еду, выбрать то, что ему нравилось. Экспериментаторы вели наблюдения: как часто дети едят, что каждый ребенок выбирает для себя.

И экспериментаторы были поражены мудростью детей. У каждого ребенка оказался собственный ритм приема пищи. Один ребенок испытывал чувство голода через два часа, другой - через три, кто-то испытывал потребность в еде через четыре часа. (Каково этому ребенку было бы, если бы его «знающая» мама кормила его каждые два часа?!)

Но самое интересное, что каждый ребенок выбирал какие-то конкретные виды еды, каждый отдавал предпочтение каким-то своим блюдам. Он как бы создавал для себя свое меню. И это меню оказалось очень рациональным для ребенка. В нем было все необходимое, все необходимые микроэлементы, витамины. Каждый ребенок интуитивно выбирал то сочетание продуктов, которое давало именно его телу нужный ему по возрасту и весу набор жизненно важных веществ.

А мы все думаем, что они глупые и ничего-то не понимают.

Они, может, и не понимают головой, и еще многого не знают. Но они - интуитивны и мудры. Если бы только мы, взрослые, доверялись их мудрости и интуиции!

Много лет назад, когда моя дочь пошла в школу, я долгое время следила за ее осанкой, когда она садилась за стол, чтобы делать уроки. Я постоянно дергала ее - сиди ровно, не наклоняйся, не ложись на стол... Но она - постоянно и неумолимо делала одно и то же - все время искала возможность делать уроки, рисовать или читать лежа на полу или распластавшись на столе. Я воевала с ней несколько лет, будучи абсолютно уверенной, что такая поза ведет к искривлению позвоночника.

Моя война не приводила к «победе». Приходя с работы, я заставляла ее в совершенно невыносимых, с позиции правильной осанки, позах - она могла склониться над листом, сидя на коленках, могла улечься грудью на стол или просто - лежать на животе и читать книгу. И в какой-то момент я сказала ей:

- Это твоя спина. Это твой позвоночник. Ты сама за них отвечаешь. Сиди как хочешь, делай уроки как хочешь, но потом не жалуйся!...

Прошло несколько лет. Дочь перешла в десятый класс. В летний молодежный лагерь, в котором она отдыхала, а я работала психологом, приехал известный мануальный терапевт, чтобы проверить состояние позвоночника у всего персонала и у всех детей - более двухсот человек от шести до восемнадцати лет.

Во всем этом лагере нашлось два человека с абсолютно ровной спиной - один воспитатель и моя дочь. У всех остальных, которых, я уверена, «правильно» воспитывали родители (включая и меня!), - обнаружилось искривление позвоночника.

Я вначале была поражена этому, но потом, подумав, поняла - именно так и должно было быть. Те естественные позы, которые принимала дочь, когда читала или делала уроки, и давали телу возможность оставаться расслабленным, гармоничным. Когда оно уставало в одном положении, оно меняло положение. А насильственная осанка, когда ребенок должен сидеть ровно, не сгибаясь, неминуемо приводила к усталости, к желанию согнуть спину, к неправильному перераспределению нагрузки на позвоночник.

Я часто вспоминаю об этом случае, когда говорю родителям, что ребенок - существо очень мудрое и тонко чувствующее. Что нужно и можно доверять этой чистоте и внутренней мудрости ребенка, а не решать за него, что ему нужно и что для него правильно.

Знаешь ли ты, что каждый человек должен прожить *свою* жизнь?

- Я воспитывала детей одна, я всегда их контролировала, и они у меня были нормальными детьми! - сказала одна мама.

- А в чем была их нормальность? - поинтересовалась я.

- Ну, они слушались меня, подчинялись моим требованиям! - ответила мама. - А теперь они перестали меня слушаться и стали жить так, как сами хотят...

- И это - ненормально? - уточнила я. - Если человек начинает жить так, как хочет сам, не слушая других, - это ненормально?

- Ну, - растерянно ответила мама, - рано им еще жить так, как сами хотят...

- А сколько им лет?

- Одной восемнадцать, другой - шестнадцать...

- А когда же придет для них пора жить так, как они сами хотят? - с любопытством спросила я.

- Ну, попозже... Пусть сначала выучатся, на ноги встанут... Пусть сначала замуж выйдут...

- То есть рядом с мужем или уже с ребенком они смогут начать жить, как сами хотят...

- Ну, не знаю, - растерянно ответила мама. - Ну что же им, сейчас, что ли, разрешить - жить, как они сами хотят?!

Для многих родителей этот вопрос - один из самых трудных.

Когда разрешить ребенку жить, как он сам хочет?

Вообще - надо ли разрешать ребенку жить, как он сам хочет?

Как будто бы они не понимают (а они зачастую действительно не понимают!) что ребенок должен, обязан проживать свою собственную жизнь! Потому что это - другой, отдельный от тебя человек. И ему нужно проходить *свой* опыт жизни.

Я на примере своей жизни знаю, как родители советуют - иногда настаивают, - с кем ребенок должен дружить. Они-то знают, мол, какие друзья нужны ребенку! Они только почему-то не знают, не понимают, что каждый *уникальный* человек должен пройти *свой*, уникальный именно для него опыт общения с другими людьми. Каждому человеку нужны *его* партнеры - для прохождения *своих*, именно *ему* необходимых уроков.

Я всегда наблюдаю удивление взрослых людей, которые на тренинге «Мужчина и Женщина» обнаруживают вдруг кучу закономерностей, скрытых и неосознанных, в выборе своих партнеров по жизни. Они изумляются, видя свои сценарии, свои повторы в выборе определенных людей, которые привлекали их, согласно их неосознанному запросу.

И эти взрослые, которые и себя-то не понимают, - считают, что понимают, «знают», какой опыт и какие друзья нужны их детям!

То, что ребенка влечет к определенным людям, детям, должно вызывать интерес родителей. Должно наводить на размышления: что он там находит, чего ему недостает дома, что он там получает? Но никак не должно вызывать запрет!

В моем детстве родители подталкивали меня к дружбе с двумя хорошими девочками. А меня влекла третья - совсем «нехорошая» с позиции моих родителей.

Те две девочки были правильными, чинными, как куклы. Как и я сама - послушная и воспитанная девочка. А третья была живая, озорная, громкая. И как влекла она меня - меня, у которой уже и в помине не было этой живости и громкости. Не помешай мне дружить с ней - я бы тоже набралась у нее того, чего мне так не хватало, - смелости, уверенности.

Но разве хоть один «знающий» родитель захочет, чтобы его ребенок этого набрался?! Ему же удобно, когда ребенок спокойный и послушный!

Вот мы и дружили, и ходили три рохли - три хорошие девочки в одинаковых наглаженных форменных платьицах. Как говорится, без слез не вспомнишь!

И я сама, уже будучи мамой, отследила однажды, как подталкиваю дочь к дружбе с примерными, воспитанными девочками из хорошей семьи. (Помните, теми, которые однажды просто взбесились, когда мама оставила их одних без своего постоянного контроля!) Я ведь тоже уже *знала* - какие друзья нужны моей дочери!

Только постепенно, становясь мудрее как личность и как мама, я начала позволять ребенку самому выбирать себе друзей, понимая, что ее потребности в росте, в опыте требуют именно таких людей рядом с собой. Важно только - помочь ей и мне самой осознать, что же так привлекает ее в этих людях, так, чтобы можно было компенсировать это в наших отношениях.

Я тоже как мама долгое время находилась в иллюзиях мощного знания, что ребенка надо оберегать от жизненного опыта, следить, чтобы как можно дольше ребенок не столкнулся с чем-то негативным. А для этого - контролировать его постоянно.

Мои иллюзии исчезли в один миг.

Однажды, когда я как психолог школы вместе с детьми, среди которых находилась и моя дочь, была в загородном лагере, произошел один случай.

Дочери было четырнадцать лет, она была уже сформировавшейся девушкой, за которой ухаживали мальчики. Один из таких ее поклонников приводил меня просто в родительский ужас.

Это был выпускник, взрослый парень (уже одно это должно не понравиться маме четырнадцатилетней дочери!). Но он еще был на нехорошем счету в школе. С позиции *знающих* учителей, это был неправильный мальчик: всегда свободный, уверенный, спорил с учителями, поэтому плохо окончил школу. И работал (о, ужас!) в казино - крупье! И чему хорошему может научить девочку этот молодой мужчина!

Моя дочь ему очень нравилась, меня это серьезно беспокоило. И я держала ситуацию под контролем, поскольку дочь была на виду в школе, и я «знала» - чем она живет после школы.

И вот сюда, в загородный лагерь, в лес, в удаленное от цивилизации место, вдруг приезжает этот парень. Приезжает, как приезжали туда многие выпускники школы, которые любили и сам лагерь, и все мероприятия, которые в нем проходили.

Увидев его днем у здания столовой, я похолодела, решив, что моей дочери грозит опасность. Приехал этот взрослый ловелас - ну как тут, в этих условиях можно проконтролировать ребенка? Я не могла следить за дочерью постоянно, потому что работала в этом лагере, и у меня была куча обязанностей. Да и жила она в другом корпусе. Ну не следить же мне за ней весь день и не сторожить ее всю ночь!

Но я была хорошей мамой, я разыскала дочь, вытаскала ее с каких-то занятий и подробно проинструктировала: никуда с этим парнем не ходить, кроме как по освещенным аллеям этого лагеря. В лес не удаляться. К реке не ходить. Вообще наедине не оставаться. Потому что он взрослый, опасный и до добра не доведет!

День прошел спокойно. Дочь то тут, то там мелькала с ребятами, чем-то увлеченная. Осталось только ночь пережить, думала я, зная, что утром этот парень уедет в Москву.

После отбоя мы с другими учителями прошли по корпусам, удостоверившись, что все дети на местах. Я зашла в палату своей дочери в последнюю очередь. Она готовилась ко сну. Я пожелала ей спокойной ночи и ушла к себе в корпус. За моей спиной дежурный учитель закрыл корпус на ключ. Все было в порядке. Все было под контролем.

Утром я встретила свою дочь за завтраком в столовой.

- Как спала? - поинтересовалась я.

- Ой, мама, ты знаешь, я почти не спала! - начала тараторить она. - Ты знаешь, пришел Сергей, стал звать меня гулять. А корпус-то закрыт - выйти-то я не могу, - говорила дочь, уплетая кашу, а я потрясенно ее слушала. - Ну, пришлось мне вылезти в окно...

- Ты вылезла в окно? - переспросила я.

- Ну да! - кивнула дочь головой. - Корпус-то был закрыт!

- Но зачем же ты вылезла в окно? - возмущенно сказала я.

- Так я тебе и говорю, - как глуховатой и непонимающей ответила дочь, - что корпус-то был закрыт, а я-то хотела пойти погулять, ну мне и пришлось вылезти в окно...

Дальше я, потрясенная, только слушала ее.

Как они пошли гулять, как сначала они дошли по аллее до столовой, но потом он

сказал, что тут гулять неинтересно, и они пошли в лес и дошли до реки...

- До реки... - только и промямлила я.

Река была очень далеко. Туда точно уж не попадал никакой свет, и там уж точно не было никаких тропинок и дорожек, по которым я разрешила гулять...

А она все рассказывала, как они сидели на лавочке и как он пытался ее поцеловать, а она не далась, а потом им надоело там гулять и они пошли к нему в комнату (!)...

Тут, она, наверное, что-то такое увидела на моем лице, что успокаивающе сказала, что там был еще его друг (думаю, мое лицо не изменилось в лучшую сторону!), и там была еще одна девочка, а потом они играли в карты, а потом они легли спать...

- Зачем ты у него в комнате легла спать! - только и смогла произнести я.

- Ну так корпус же закрыт! - с досадой на мое непонимание сказала дочь, и я замолчала, слушая только, как неудобно им четверым было спать поперек одной кровати. И поэтому толком никто не спал, поэтому она сейчас пойдет спать...

У меня не было слов. Никаких!

У меня не было даже возмущения.

Не было обиды на бестолковость моего ребенка.

Я поняла в ту минуту простую истину: если ребенку надо получить свой опыт - он его получит, как бы ты его ни прятал, ни контролировал. Потому что ему - *надо* получить свой опыт!

И это - на долгие годы успокоило меня как мать. И какие бы поступки ни совершал мой ребенок, я всегда понимала - ребенку нужен именно этот опыт, чтобы что-то понять в жизни, чтобы сформировать какое-то представление о людях или возможностях.

Это желание пройти свой опыт - естественно и закономерно. Важно только - быть рядом с ребенком в этом его опыте. Быть рядом, чтобы помочь осознать его, пройти без особых болей и потерь.

Важно довериться ему в прохождении своего опыта, а не решать постоянно за него, лишая возможности прожить свою собственную жизнь.

- Я хочу, чтобы мой ребенок вырос звездой, я все для этого сделаю! - говорила мне одна мама.

- А твой ребенок хочет быть звездой? - спросила я ее.

Она удивилась моему вопросу.

- Как он может хотеть или не хотеть? Кто его спрашивает?

Ну, конечно же, мама лучше «знала», что нужно ее ребенку.

А я подумала о людях, которых знала в своей жизни, которых тоже родители готовили в звезды. Актер, который так и не стал звездой, потому что просто не мог ею быть. Он так любил природу, животных, мог бы, если бы ему позволили, стать собой - ветеринаром, или лесником, или экологом. Но с детства мама таскала его (другого слова я не подберу!) по театральным кружкам, внушая ему, что он будет звездой.

- Она у меня не состоялась, - грустно сказала как-то одна мама о своей дочери.

- Почему не состоялась? - удивилась я.

Я знала, что девушка уехала в другой город, где самостоятельно нашла работу, снимала квартиру, обеспечивала себя.

- Она не состоялась так, как я хотела! - сокрушенно сказала мама.

И опять - мы-то лучше знаем, *как должны* состояться наши дети!

- Вы меня воспитали интеллигентным мужчиной, а я хочу быть настоящим мужчиной - сказал один уже выросший сын своей матери. И пошел работать на кафедру патологоанатомии. Мама ночами плакала, оттого, что ее сын так «состоялся». Но он стал настоящим мужчиной, как хотел сам.

- Ты меня в детстве на балетные танцы водила и растила пай-мальчиком, - укорил одну маму ее взрослый сын, - а меня теперь бьют по роже, а я ответить не могу!...

Не дай нам Бог услышать такие упреки!

Знаешь ли ты о предопределенности формирования ребенка?

С того момента, когда яйцеклетка и сперматозоид соединились вместе и начался процесс деления клеток, запускаются механизмы формирования и развития зародыша. Эти механизмы уже запрограммированы, заложены в этих изначальных клетках. И невозможно понять, как в этих двух клетках, дающих жизнь ребенку, содержится вся информация о будущем ребенке, его строении, его теле, функционировании его мозга, всех его органов. Представить себе масштабы заложенности, предопределенности формирования ребенка нашему уму невозможно.

Каждая клетка, образующаяся в этом процессе деления, *знает*, кем она будет.

Вот из этой группы клеток, которых сначала всего-то несколько, сформируется желудок и весь кишечный тракт.

А из этих клеточек сформируется сердечно-сосудистая система.

Из этих - мозг - потрясающее сооружение, масштабы сложности и слаженной работы которого невозможно осознать.

Из этой группы клеточек сформируется позвоночник и нервная система.

Хочешь ты этого или нет, это произойдет.

Я обращаю твое внимание именно на *заданность, предопределенность* этих процессов развития, которые неподвластны ни нашему уму, ни нашему желанию или нежеланию.

Это Божественный, космический процесс, запрограммированный, заложенный. И этот процесс поражает своей отлаженностью, заданностью.

У пятидневного (тридцатипятидневного!) зародыша, имеющего всего несколько миллиметров в длину, уже сформировано тело.

У семинедельного (сорокадевятидневного!) уже есть сердце, кровеносная система. Уже есть папиллярные узоры на пальчиках! Уже есть ноготочки. И уже заложены молочные и коренные зубы!

У трехсантиметрового зародыша уже заложены его будущие яйцеклетки, из которых когда-то появятся его собственные детки!

Зародыш - это уже готовый ребенок, который будет набирать вес, увеличиваться в размерах и совершенствовать свои органы. В котором будут формироваться все необходимые для его жизнедеятельности структуры, после чего он сможет появиться на свет.

Программы развития ребенка также «вложены» в самом ребенке. И они просто в свое время начинают реализовываться.

Хочешь ты этого или не хочешь, но его тело в пять-шесть месяцев сядет, потому что какие-то механизмы заставят его мышцы работать.

Хочешь ты этого или нет, но к году ребенок встанет, к этому моменту его позвоночник, опорно-двигательный аппарат будет готов к походке. И от тебя это не зависит, если только ты не будешь мешать ему, удерживая его в лежачем положении, не выпуская его из кровати.

Но допусти такую мысль, что на уровне души в ребенка уже вложены некие способности, некие ресурсы, некие программы развития его психики, его личностного роста.

Заложенный темперамент, строение его нервной системы, ее подвижности, гибкости, силы, устойчивости, - заранее запрограммируют ребенка на определенные реакции, специфичные именно для него.

Потребности его психики, потребности его личностного роста так же проявятся в каких-то скрытых программах поведения, которые неминуемы, не зависят от твоего желания.

Как в полгода он сядет, как будто бы «пружинка» в нем сработает, как в год он пойдет, так в три года он начнет играть в сюжетно-ролевые игры, чтобы овладеть теми личностными ролями, которые нужны ему в жизни.

В двенадцать или тринадцать его повлечет к зеркалу, чтобы увидеть - красивый ли он, такой ли, как другие. Проснувшийся в нем интерес к своей внешности, желание быть принятым сверстниками - потребует от него такого поведения.

В пятнадцать его повлечет в отношения, его повлечет в близость. Проснувшееся в нем

осознание себя мужчиной или женщиной, проснувшийся интерес к другому полу потребует сексуального опыта. И - как бы ты ни берег, ни старался все контролировать, тебе это не удастся. Нельзя пойти против природы. Нельзя остановить рост или прекратить движение, если этот интерес проснулся. Ты уже не можешь остановить естественные процессы.

То есть на психическом, психологическом уровне в ребенка тоже «вложены» предопределенные задачи. Это внутренняя потребность в росте, в свободе, самостоятельности, прохождении собственного опыта. Это внутренняя задача ребенка - вырасти и оторваться от родителя, стать самостоятельной личностью.

И, как правило, эта внутренняя задача, вложенная в ребенка Творцом - стать сильным и самостоятельным, и родительская задача - всегда быть рядом и опекать, оберегать, все за него решить, противоречат друг другу. И задача «быть послушным» совсем не входит в программу роста, развития, приобретения все большей свободы ребенка. Поэтому независимо от твоего желания ребенок должен пройти определенные этапы своего становления, запрограммированные свыше.

Вопрос только в том, когда он их пройдет - в нужное, отведенное Творцом время или в старости? Но он должен их пройти. Он должен научиться стоять за себя, строить отношения или говорить «нет». Он должен пережить любовь и боль, разочарование и веру в себя.

Он должен прожить свою жизнь, запланированную ему Творцом.

Не мешай Божественному замыслу!

Знаешь ли ты, что ребенок - совершенное и мудрое сознание?

Они появляются для жизни на этой планете - подготовленные, выносливые.

В них заложены колоссальные силы для выживания. Они могут родиться в снегу или в воде, в жаркой пустыне или холодных скалах. Они готовы к любым условиям. Они созданы, чтобы выжить. Чтобы жить.

Но мы, взрослые, тревожны и нервозны. Мы знаем все о микробах, опасностях, заражениях, болезнях. И с первых дней их жизни, создавая им стерильные условия, разрушаем их защитные силы, ослабляем их иммунитет. Ему не с чем бороться.

Они, маленькие люди, созданы по образу и подобию Божьему. Они совершенны. В них уже заложены все необходимые ресурсы и качества. Они - как маленькое идеальное семечко, которое, прорастая - откроет всю свою красоту и цветение.

Четырехлетняя девочка ждала, пока братика привезут из роддома.

- Когда привезете, оставьте меня с ним на минуточку, - попросила она папу.

- Зачем тебе это? - удивился папа.

- Ну, мне надо, оставьте меня с ним!

Папа, забирая жену из роддома, рассказал ей, что дочь хочет остаться наедине с новорожденным братом. Родители решили оставить их наедине, но понаблюдать, что будет происходить: вдруг, ребенок, ревнуя, что-то сделает не то...

Девочка, оставшись с новорожденным братиком наедине, наклонилась к нему и спросила:

- Расскажи мне, как там у Отца Небесного, а то я тут уже все забывать стала...

Они - чистые души, еще приближенные к Богу, а потому - честные, открытые, тонко чувствующие, что и где они делают неправильно.

- Я не успел с Мишей поговорить о чувствах, - говорит четырехлетний ребенок, придя домой из сада.

- О каких чувствах?

- Ну, о чувствах, мама.

- О твоих чувствах или его? - уточняет мама.

- Он на меня обиделся, и я не успел с ним поговорить о чувствах. О его чувствах. И о моих чувствах.

Он знает, что если поссорился, надо поговорить о чувствах, а не замолкать, обиженно надувшись, и ждать, «пока он первый подойдет». Так делают только взрослые.

- Мама, меня совесть мучает, я обидел Васю... - говорит пятилетний ребенок.

- Ну, попроси завтра у Васи прощения, - советует мама.

- Ах, нет, мама, я его сильно обидел. Прощение тут не поможет.

- Что же ты такого сделал?

- Я над ним смеялся! Над ним мальчишки смеялись, и я тоже стал смеяться! Это так нехорошо...

Мы, взрослые, считаем, что если мы не объясним ребенку, что он что-то сделал неправильно, сам он этого никогда не поймет! А в нем эта чистота понимания и чувствования заложена свыше.

Они многого еще не знают и не понимают. Но они - *чувствующие и живые*. И в области чувств они дадут фору любому взрослому, так они чисто и тонко чувствуют.

Мы часто теряем их расположение, они перестают нам доверять, потому что чувствуют нашу ложь и неискренность, нашу отстраненность и равнодушие, которые мы прячем за деловитым озабоченным видом и «заботливыми» вопросами: «Как дела в школе?» или «Ты поел?» Их нельзя обмануть. Они все понимают.

Они тонко чувствуют несправедливость, неправду, неправильность там, где мы этого уже не чувствуем.

Однажды, когда я вернулась домой, дочь, смеясь, встретила меня словами:

- Ты знаешь, что сегодня натворил Никита!

- Молчи, мама, молчи, не рассказывай Марусе! - закричал внук.

- Да ладно, чего там, - сказала дочь с улыбкой и начала говорить, что он сегодня, как маленький...

- Не рассказывай Марусе, не рассказывай! - опять закричал ребенок.

Но дочь продолжила рассказ, в котором точно уж не было ничего «криминального», обычная детская шалость.

Только вот ребенок так не думал.

- Эх, мама, мама, - сказал он ей, когда она закончила рассказ, - родного сына предала! - И ушел из комнаты.

И мы, пораженные, только посмотрели ему вслед. И испытали неловкость.

Он, маленький, почувствовал неэтичность, неправильность ситуации обсуждения другого человека, пересказа какого-то не лучшего его поступка.

Они все чувствуют. И закрываются, когда понимают, что их предают или обманывают, что с ними не искренни.

Они часто не принимают наших партнеров по браку - новых пап или мам, потому что тонко чувствуют их истинное отношение. Как бы ни играл новый папа роль заботливого отца, ребенок чувствует изнанку. Как бы ни старалась новая мама быть хорошей, он чувствует, что она остается чужой. И как искренне и открыто они доверяют людям, которым они по-настоящему интересны!

Они вообще тонко чувствуют отношение к ним других людей. Это маленькие, но мудрые психологи.

Однажды, когда мы ехали в машине, четырехлетний внук пел песни, которые на ходу и сочинял. Что видел, о том он и пел. Он пел о проезжающих машинах, и о людях, которые шли по тротуару. Потом - запел:

- Моя мама - солнышко. Мой папа - облако.

И замолчал.

Я, находившаяся в машине, ждала продолжения: сейчас он споет обо мне. Но он молчал.

- А я? - не выдержала и спросила я его. - А обо мне ты почему не поешь?

- А ты, - сказал он, - стекло!

- Я - стекло? - с недоумением переспросила я. - Почему - стекло?

- Потому! - ответил ребенок и замолчал.

Я тоже замолчала озадаченная. Ничего себе сравнение! И я посмотрела на себя со стороны, его глазами. Посмотрела на то, как мы с ним общаемся в последнее время. Был

период, когда я стала очень деловой, озадаченной. И то отношение к ребенку, которое было полностью основано на любви, принятии, когда я была с ним очень любящей, мягкой, исчезло. Я стала строгой, говорила с ребенком менторским голосом, как на радио, поэтому и была для него уже стеклом (хорошо, не стеной!). Еще никто не почувствовал, что я остекленела. А он почувствовал!

Они свободны от стереотипов и правил. Они - думающие и задающие вопросы, которые нас, взрослых, правильных и рамочных, ставят в тупик.

- А почему дома надо надевать старье? - сказала мне как-то десятилетняя дочь. - Почему я должна в школу красивой ходить, а дома надевать старый халат или платье? Почему для дома и так сойдет? Почему дома можно ходить в чем попало? Что я, дома не живу? Почему дом не такое же место, где надо быть красивой?

Я была поражена тем, что она сказала. Ну, действительно же: мы так стараемся хорошо выглядеть на людях, хорошо одеваемся - для других. А для себя - разве не важно хорошо выглядеть? Для себя не нужно быть красивой? Она, девочка, дала мне настоящий урок достоинства, урок женственности - мне, взрослой женщине!

- А зачем занимать деньги, чтоб принять гостей, они что, есть приходят? - Когда мой ребенок однажды мне это заявил, я даже ответить сразу ничего не могла. Но потом почувствовала, что меня эта фраза чем-то задела. Действительно, мы очень скромно тогда жили, было время, когда денег постоянно не хватало, но отмечая многочисленные праздники, принимая друзей или родственников, я изо всех сил старалась блеснуть, накрыть хороший стол. И слова ребенка вдруг ясно мне показали, как все это было неправильно! Я занимала деньги, я выдумывала, как бы минимальными средствами создать потрясающий стол, а зачем? Действительно, зачем? Разве мои друзья или родственники стали бы меня меньше любить, если бы я не подала на стол разнообразные закуски, а обошлась несколькими салатами или бутербродами? Действительно, разве они приходили ко мне есть? Они приходили общаться, делиться новостями, веселиться.

Я была очень благодарна ребенку - она учила меня быть естественной, не пускать пыль в глаза, не тратить силы на ненужное.

Одна мама рассказывала:

«Я сказала как-то своей дочери-подростку, которая хотела выбросить колготки со спущенной петлей, что их не надо выбрасывать, что их еще можно носить под джинсы, брюки, под юбку с сапогами.

- Я же такие колготки ношу, - говорила я ей. - Под брюками же не видно, что колготки рваные...

- Мам, ну ты-то ведь знаешь, что колготки рваные, как же ты можешь их носить! - возмущенно сказала мне дочь. - Как же ты себя чувствовать будешь - какой женщиной?! - сказала она, и я просто оторопела! Действительно, какой женщиной можно себя чувствовать, когда ходишь в драных колготках и знаешь об этом! И меня просто поразила очевидность такой истины, которую я уже не замечала!»

А вот рассказ другой женщины:

«- Мам, почему ты одна? - спросила меня однажды дочь, и я не знала, что и ответить.

Я несколько лет после развода с ее отцом жила, не вступая ни в какие отношения с мужчинами. Меня воспитывала бабушка, которая вложила в мою голову много ограничений, правил по поводу того, как должна вести себя порядочная женщина. И несмотря на то, что у меня была огромная потребность в любви, в сексе, - я ничего себе не позволяла, мои „моральные нормы“ были так строги, что я даже думать не могла, что могу себе что-то позволить. Потому что это можно „только в браке, только с мужем“...

- Мам, но почему у тебя нет мужчины? - продолжала спрашивать дочь.

- Потому что я никого не люблю, - ответила я.

И она как-то по-детски открыто спросила:

- Но почему у тебя нет просто мужчины?

Я даже опешила от ее вопроса. Потом начала что-то мямлить о недостойности

поверхностных отношений... Что это неприлично, что так нельзя...

Но она со своим детским любопытством продолжала меня расспрашивать:

- Ну а если, например, ты пошла в гости, и там познакомилась с женщиной, и вы друг другу понравились, и вас повлекло друг к другу, и вы хотите быть вместе сегодня, что в этом плохого? Ты одинока, он одинок, почему вы не можете провести этот вечер в любви? Это же честно, это же чисто. Почему нельзя? Ты же не делаешь ничего плохого, ты же не за деньги встречаешься!

„Хорошенькая речь для тринадцатилетней девочки“, - подумала я. Но сама всерьез задумалась: действительно, почему?

Почему я выбираю быть одной, почему не позволяю себе быть с женщиной в любовных отношениях, почему я лишая себя радости сексуальной близости, предпочитая холодную постель? Я не нашла аргументов.

И буквально через несколько дней я в метро познакомилась с женщиной. Все произошло, как говорила дочь: мы познакомились, и нас повлекло друг к другу. И сначала во мне поднялись все бабушкины страхи и ограничения (это неприлично - знакомиться в метро, такое знакомство до добра не доведет, тебе надо его сначала хорошенько узнать... Как будто если я узнаю, что он не любит Цветаеву, а любит Евтушенко, что-то изменится в получении наслаждения от секса!) Но детская уверенность и чистота моей дочери победили. „Я хочу этого, это чисто и это имеет право быть!“ - сказала я себе.

Я позволила себе просто любить и дарить любовь женщине. Я провела с ним прекрасную ночь. Это действительно было восхитительно. Это был праздник. Я поняла, что нельзя лишать себя такой радости. Я получила урок, как я себя ограничиваю, не позволяю любви и радости входить в мою жизнь. После этой встречи я совершенно серьезно поняла, что хочу любить, быть любимой, что я готова строить отношения с женщиной. Что я буду его искать. Что я его обязательно найду. И я была очень благодарна моей девочке, которая разбудила во мне желание любить. Которая дала мне прекрасный урок доверия себе, своей внутренней чистоте. Мой ребенок, умница, по-детски почувствовала, что это хорошо - позволить себе любить. А я, взрослая, думала, что это плохо, неприлично...»

А вот рассказ еще одной участницы тренинга:

«Было очень тяжелое время, началась перестройка, моей зарплаты хватало ровно на неделю, потом надо было занимать деньги, непонятным образом экономить. Потом отдавать долги... Знакомый молодой человек предложил мне торговать на рынке в палатке. И у меня сначала было ощущение ужаса: как это можно - торговать на рынке? Как я могу так опуститься, я - с высшим образованием, с моим уровнем развития? А что подумают знакомые, друзья или соседи, если увидят меня торгующей на рынке! Я решила отказаться от этого предложения, хотя оно, конечно же, давало гарантии заработка, чего у меня не было на работе с моей мизерной, да еще нерегулярно выплачиваемой зарплатой!

Но когда я рассказала об этом предложении дочери, она удивленно спросила:

- А почему ты хочешь отказаться? Что плохого в этой работе?

- Ну, ты можешь себе представить *меня* на рынке?!

- Могу, - спокойно ответила дочь. - А почему нет? Ты же не спекулируешь, не воруеть, ты же работаешь продавцом, это же нормальная работа!

И я вдруг поняла, что полна амбиций, что именно мои амбиции, моя гордыня не дают мне принять это предложение. Я-де такая гордая, такая необыкновенная - как это я могу до рынка опуститься! А опускаться до этой мизерной зарплаты я могу? А сидеть без денег, отказывая себе и ребенку во всем, я могу? И я решила тогда, что буду деньги зарабатывать и уважать себя за это, а не со своими амбициями и гордостью сидеть без денег.

Я начала получать деньги, хорошие деньги. И как только я начала их получать, я по-другому начала ценить себя. Я приняла решение уйти с работы, потому что поняла, что стою большего. И начала искать достойную работу по специальности.

И все это благодаря моей девочке. Это она помогла принять решение, иначе я, возможно, так и оставалась бы на том месте с низкой оплатой, с неуважением к себе и

приближающейся нищетой...»

Дети - мудрые и чистые. Свободные и поддерживающие. Дети - учителя. Но разве мы хотим учиться? Мы хотим учить. Мы хотим учить, поучать, командовать и руководить этими несмышленишками, якобы глупыми, слабыми, неопытными и бессильными без нашего управления существами.

- Ах, Маруся, ну почему мама управляет моей жизнью? - спросил меня семилетний внук и добавил возмущенно: - Это же моя жизнь, а она ею управляет и командует!

- И чем же она управляет и командует? - поинтересовалась я.

- Она за меня решает, когда мне спать, - сокрушенно ответил ребенок, - когда мне уроки делать, когда мультики смотреть... - И добавил опять возмущенно: - Ведь это же несправедливо! Ну почему родители детьми управляют, а не дети родителями?!

И я подумала: если бы дети управляли взрослыми, насколько чище были бы отношения, сколько ненужной шелухи, стереотипов и условностей, придуманных взрослыми, ушло бы из жизни...

Потому что взрослые всегда все знают. Врачи вроде бы всегда знают, как надо лечить больных. (Почему только больным далеко не всегда становится лучше?) Учителя знают, как воспитывать детей. (Откуда только берутся неуспевающие, трудные дети?) Родители знают, какими должны быть их дети. (Почему же появляется столько вредных, ленивых, безответственных детей?)

Одни только дети ничего не знают, и абсолютно счастливы, и свободны быть собой и жить своей жизнью.

- Да, какие они умные, эти дети, о которых ты рассказываешь, Маруся! - сказала мне одна мама на тренинге. И многие родители в ответ на ее слова в знак согласия закивали.

И я рассмеялась:

- А ваши что - глупее? Ваши не такие мудрые, и чистые, и знающие истину?

И видя, как родители замаялись, как бы сомневаясь в моих словах, я сказала:

- А вы с ними советуетесь, чтобы увидеть их мудрость? Вы их о чем-то спрашиваете? Вы их слушаете?

- Я спрашиваю, - после паузы ответила одна мама. - Спрашиваю, сколько ложек сахара ей положить. Она просит две... - Мама помолчала и добавила: - Но я все равно кладу три...

Знаешь ли ты, что мы - несовершеннолетние?

Мы сами являемся результатами, «плодами» воспитания своих «знающих» родителей. Любящих родителей, я в этом уверена. Но также любящих через призму контроля и опеки, рамок, требований, собственных знаний и представлений, какими мы должны были или не должны были быть.

Мы - уже результат. В большинстве своем - с осознанием собственного несовершенства, о котором нам рассказали наши родители, все с тем же чувством вины, послушанием, иногда - беспомощностью.

Мы, взрослые, такие, какие мы есть, уже лишены естественного природного совершенства, свойственного ребенку. И мы уже приняли, узнали столько социальных рамок, правил, ограничений, что потеряли свою природную смелость, свободу, уверенность, доверие жизни.

Мы, если так можно сказать, более грязные, чем наши чистые дети.

Когда я слышу от родителей аргумент: «Я старше, я опытнее, поэтому он должен мне подчиняться!» - я никогда с ним не соглашаюсь.

В чем мы опытнее? В том, что мы дольше живем в состоянии несовершенства? Это и есть весь наш опыт.

Моему ребенку семь лет - и он еще живет в состоянии совершенства. А мне тридцать семь, и большую половину этих лет я живу в состоянии несовершенства. И он должен мне подчиняться, потому что я что-то «лучше знаю»?

Взрослая, заматанная, истеричная, разуверившаяся в жизни женщина и ребенок - чистый, добрый, принимающий. Кто из них мудрее?

Взрослый неудачник, не умеющий строить свою жизнь, отношения с людьми, достичь успеха, - или ребенок, открытый миру и общению. Кто мудрее?

Дети свободны - это главное качество, которого у нас, взрослых, нет.

Они свободны в проявлениях, в действиях, в желаниях.

А мы, существующие в рамках и социальных нормах, чему мы можем их научить? Сидеть и не болтать ногами, не сорить, не трогать руками грязные предметы? Мы можем только ставить рамки, ограничивать детей и перекладывать на них собственные страхи. Потому что сами стали такими правильными!

Подобным образом я подумала однажды о самой себе, когда привела шестилетнего внука в поликлинику и стояла у двери кабинета в ожидании, когда подойдет наша очередь. Я стояла, потому что все места были заняты. Потом, когда освободилось место, я села. И это было все, что я делала в ожидании. Стояла. Сидела. Думала о чем-то. Наблюдала за ребенком. А он все это время жил!

Он все, что мог попробовать, попробовал. Он нашел себе «домик» под пеленальным столом и много раз входил и выходил оттуда. Он попробовал, как открываются и закрываются складные стулья. Он поиграл игрушками всех детей, а они, в свою очередь, поиграли его машинкой. Он успел создать небольшой отряд таких же живых детей, которые стали играть в какую-то ролевую игру, но эта попытка была быстро пресечена правильными родителями, которые хотели, чтобы их дети тоже просто сидели. Он поиграл на моем телефоне во все игры, в которые можно поиграть, потом пообсуждал с пришедшим мальчиком-сверстником, кто в какие компьютерные игры играл, кто какие уровни прошел. Потом порисовал в моем блокноте. Потом с интересом пообщался с мамой крохотной девочки-младенца - рассказывая ей, что он тоже, когда родился, был такой маленький, и мама ему рассказывала, что он весь укладывался на ее руку до локтя.

Он постоянно был занят каким-то действием. Он - проживал каждую минуту своей жизни активно, с интересом. А я сидела или стояла. И иногда подзывала его к себе, потому что наша очередь уже подходила и скоро нам нужно было входить в кабинет. Но ребенок, подойдя ко мне - просто маялся от бессмысленного стояния, поэтому спустя минуту уже опять что-то с кем-то обсуждал, или рассматривал, или сидел в своем «домике». Он хотел жить. И он - жил. И я подумала с завистью - здорово быть таким живым!

Спустя месяц после поликлиники я опять пришла к этому выводу - какие мы, взрослые, неживые и правильные и какие живые наши дети!

Я ехала на поезде с юга, и в вагоне было много родителей с маленькими детьми, возвращавшимися с отдыха. На одной большой станции, где все пассажиры выходили, чтобы погулять по платформе, я заметила, как четырех-пятилетний ребенок, спустившись с папой по ступенькам вагона и оказавшись на платформе, с интересом потрогал толстый черный шланг, находившийся на торце соседнего вагона, рядом со ступеньками. Он потрогал его действительно с интересом, потом с таким же любопытством потрогал ржавые ступеньки соседнего вагона, выходящие из нерабочего тамбура. И папа, заметив это, резко одернул его. Взял за руку, отвел в сторону, не давая ребенку, как он сказал, «пачкать руки».

Но вот еще один ребенок спустился на платформу. И, к моему удивлению, сделал то же самое. Сначала с интересом потрогал, погладил черный толстый шланг. Потом потрогал ржавую ступеньку. И тоже, «одернутый» родителями, стал около них по стойке «смирно».

Потом спустился еще один ребенок, и, к моему полному изумлению, сделал то же самое - потрогал с интересом толстый шланг и погладил ручками ржавую ступеньку. Спустя мгновение он тоже правильно стоял со своими чинными родителями.

Я была заинтригована - почему все эти дети делают одно и то же?! Потом, просто посмотрев на ситуацию с позиции детей, я все поняла.

Ни шланг, ни ступеньки не попадали на уровень глаз взрослых - высоких и уже не любопытных. Но именно на уровне глаз маленьких детей и оказывался этот удивительный большой толстый черный шланг. Ну как можно было его не потрогать - какой он на ощупь? И тут же рядом со шлангом на глаза попадались такие удивительные ржавые ступеньки. Ну

как можно было не попробовать - пачкаются они или нет? Это же так интересно! Это так интересно ребенку. И как это все уже неинтересно взрослому!

И, глядя на этих пап и мам, стоящих на платформе с маленькими детьми, которых они держали за руки, чтобы те не трогали всякую гадость, я подумала: какие живые дети - и какие мертвые рядом с ними родители! Мертвые и знающие. И убивающие весь интерес к жизни. Делают детей такими же правильными, чинными и мертвыми. (А потом удивляющиеся - почему ребенку ничего не интересно, почему он не хочет учиться, узнавать новое!)

Мы так все знаем! Но только - знаем ли мы?

Мы советуем нашим детям, как жить, с кем жить, какие отношения строить, тогда как сами мы, проживая свои жизни впервые, только и делаем, что ошибаемся.

Мы вмешиваемся в личную жизнь наших взрослых детей, советуем, как воспитывать детей или относиться к мужу или жене, тогда как сами не можем построить нормальные отношения со своим мужем или женой, не можем установить близких отношений со своими детьми.

Мы сами так многого не понимаем, не умеем - но считаем возможным учить наших детей!

Мы сами - далеко не ангелы, - хотим воспитать хорошего, чистого ребенка.

Мы, взрослые, с нашими «умными» головами очень сложно относимся к мелочам. Мы, сложные проблемные люди, придаем значение тому, на что не стоит обращать внимание.

Сколько детей получают критику, наказание, трепку родителей за пустяшные поступки. Не потому, что поступок стоил того, а потому, что маме или папе надо было сорвать на ребенке свои эмоции или показать свои «знания».

Ребенок всего-навсего сломал игрушку, но я, начитавшись умной литературы о детях, уже вижу в этом начало его разрушительных сценариев или проявление его кармы.

Ребенок что-то уронил или испачкал - и я вижу в этом его неуклюжесть или мстительный характер. Так и хочется иногда сказать родителям: «Да будьте же вы проще!»

Но мы уже не можем относиться к жизни легко, просто, весело - мы серьезны и важны.

Мы, взрослые, считая себя великими педагогами, выглядим иногда в нашей гордыне просто глупо.

Я слышала однажды, как воспитатели ругали ребенка, который не спал во время тихого часа.

- Нет, ты скажи, - требовательно допрашивала ребенка воспитательница, - ты почему не спал?!

Глупее вопроса невозможно было придумать. Если бы он хотел спать и мог заснуть - он бы просто спал во время тихого часа. Но он не хотел спать и не мог заснуть - под контролем двух воспитателей, которые требовали от него, чтобы он засыпал, у него это никак не получалось. (А попробуй представь, как ты лежишь в постели, на тебя смотрят два человека и говорят тебе: «Спи сейчас же!» Получилось бы у тебя заснуть? А потом бы они тебя еще и допрашивали: «Ты почему не спал? Ну-ка, объясни, почему не спал?!» Смог бы ты им что-нибудь объяснить?!)

- Ты можешь играть нормально? - говорит мама ребенку, стоящему по колено в озере, «ловящему рыбу» с веткой в руке и прыгающему по воде, в мокрых трусиках и мокрой майке.

А он в его три года знает, что такое «нормально» играть?

- Ты понимаешь, что тебе теперь надеть нечего, у тебя все мокрое? Ты думаешь своей головой? - продолжает ругать его мама.

Но как он может это понимать или вообще об этом думать?

- Ты почему в воде стоишь? Иди лучше стирать со мной, - говорит мама недовольным голосом. И, видя, как ребенок отрицательно качает головой, добавляет: - Тебе что, не все равно - в тазу тоже вода?

А он «рыбу ловил», и ему точно не все равно, где вода - в тазу или в озере...

В сентябре, в Крыму, лежа под ярким солнцем на достаточно холодном ветру рядом с морем, в котором никто не купался (вода была холодной), я услышала пронзительный плач ребенка.

- Не надо! Не надо! - пронзительно кричал он и ревел во все горло.

Я подняла голову и увидела, как мальчика лет шести, стоящего на берегу, дедушка поливает из бутылки водой.

- Не надо! - отчаянно кричал ребенок, скукожившись от холодной воды, обдуваемый холодным ветром.

Дедушка, не обращая внимания на вопли ребенка, продолжал его обливать. От отчаянного крика у мальчика из носа начала идти кровь. Он пытался вытереть ее, пачкая руки в крови, продолжая кричать. Дедушка, заметив наконец, что ребенок изорался до крови из носа, сказал раздраженно:

- Ну что ты так орешь! - прекратил свои «закаливающие» процедуры и потащил за собой со словами: - Иди, засранец!

- Ты не прав! - отчаянно кричал ребенок. - Ты не прав, дедушка!

Он кричал, продолжая размазывать по лицу кровь. Это было просто душераздирающее зрелище!

- Я прав! - твердым голосом ответил дедушка. - А ты - просто трус! - сказал он презрительно.

И мне, наблюдавшей эту сцену со стороны, с трудом удалось убрать негативные чувства к этому «воспитателю». Я понимала: этот человек в гордыне своей сам не ведает, что творит.

И увидела вдалеке женщину с ребенком примерно того же возраста, которые бегали по краю волн, пытаясь «поймать» волну, наступить на нее. Такая у них была игра. А потом они начали брызгаться водой. А потом мама вошла в воду и окунулась в нее, крича: «Как здорово!» И ребенок тоже вошел в воду и под мамино: «Давай, смелее! Знаешь, как здорово!» - окунулся в холодную воду. Он завизжал - и от восторга и от холода - и еще пару раз окунулся и выбежал на берег. И я подумала: «Ну ведь можно же с детьми по-человечески обращаться! Можно же получить от них все, что хочешь. Нужно только быть мудрым». Но как сложно «важному», «все знающему» родителю быть мудрым! И как просто - быть правым! Только правота эта - всегда за счет ребенка...

Мы думаем, что мы очень умные. Мы считаем себя педагогами. Учителями. Как смешно и бессмысленно иногда наше учительство. Мы делаем что-то по отношению к ребенку, даже не понимая, что мы на самом деле делаем. И ждем при этом результата. И если ожидаемого результата нет - обвиняем в этом ребенка.

Сколько раз я это слышала от родителей: «Я уже над ним стою... Я с него глаз не спускаю... Он у меня, что называется, из-под палки уроки делает...»

Но какой смысл в таких вот «педагогических» воздействиях? И какой от них толк?

Представь себе, что ты, взрослый человек, начинаешь, например, какое-то новое дело, новый проект. И твой начальник стоит над тобой и контролирует каждый твой шаг, да не просто контролирует, а с контекстом: «Ну-ка я посмотрю, как ты, бестолочь, это сделаешь!» Что происходит с тобой в этом случае, да и с каждым нормальным человеком (я подчеркиваю - с *нормальным*, каковым и является ребенок!)

Сначала ты теряешься, начинаешь нервничать, чувствовать себя неуютно, боишься что-то сделать неправильно.

Ты напрягаешься от одного сверлящего взгляда, даже от вздоха за твоей спиной, от раздраженной интонации. Даже от того, что твой начальник молча к тебе подходит, чтобы тебя, нерадивого и бестолкового, проконтролировать. (А если то, что ты делаешь, у тебя действительно не получается, и ты не знаешь - как это сделать?)

Ты начинаешь «тормозить». В голове - пусто, ничего не получается, ты ошибаешься и слышишь очередной недовольный вздох, подтверждающий, что ты - бестолочь. Или тебе прямо говорят с интонацией, в которой и усталость и презрение: «Ну что ты делаешь!»

Смотри, что ты делаешь!...»

Ты пытаешься исправить ошибку, нервничаешь, испытываешь раздражение (страх, ненависть, обиду, одиночество...) к тому, кто стоит за твоей спиной и делает тебя таким тупым, бестолковым, плохим.

И, затем, как следствие, ты всеми силами пытаешься избежать такого дела, отказаться от него - не прийти на работу, заболеть, перевестись к другому начальнику (даже этого наши дети не могут сделать, они могут только прогулять уроки, чтобы избежать унижения на уроке и порки дома - до тех пор пока об их прогулах не станет известно!).

А наблюдающий за тобой «взрослый» считает, что делает правильно, когда стоит у тебя «над головой»!

И как часто мы, сами несовершеннолетние, считаем свои действия правильными!

Мы, несовершеннолетние, привыкли находить в себе и других недостатки, начинаем «совершенствовать» ребенка, сообщая ему о его недостатках. Мы объясняем ему, что тут он нехорош, а тут он безответственный. В наших умных, «знающих» мозгах содержится огромное количество таких слов-паразитов, которыми мы пользуемся, общаясь с ребенком.

- Ты ленивый, - говорю я ребенку. Но почему он ленивый? Потому что в комнате не убирает. Но то, что он не убирает в комнате, говорит о его незаинтересованности в этом или о его нежелании выполнять мои требования (а за этим всегда стоят какие-то сложности в наших отношениях!). Это не имеет никакого отношения к лени. Но я, называя его лентяем, лодырем или бездельником, на самом деле делаю его таким.

- Ты такой вредный, - говорю я ребенку. Но почему он вредный? Потому что не чистит зубы по утрам. Но то, что он не хочет чистить по утрам зубы, меньше всего говорит о его вредности. Возможно, он не мотивирован правильно, возможно, в этом протест против моих методов обращения с ним.

- Ты такой эгоист, - говорю я ребенку. Но что я понимаю под этим словом? Его желание делать так, как хочет *он*, и нежелание делать так, как хочу *я* ?

Мы маркируем детей, навешиваем на них какие-то ярлыки, своими «умными» и «знающими» головами переводим их в категории неблагополучных, несовершеннолетних. Тогда как на самом деле - они благополучны и совершенны.

Мы из совершенства делаем несовершенство. И это называется - воспитанием.

Знаешь ли ты, что большинство наших знаний - иллюзорны?

Мы, в большинстве своем, считаем, что знаем о наших детях все. Но это «все», как правило, внешние, видимые проявления, поступки ребенка. И это одна из самых распространенных родительских иллюзий, с которой я столкнулась в работе школьного психолога, - судить о ребенке только по его поведению.

Общаясь с детьми, я сама поражалась - как иллюзорно то, что показывает их поведение. Столько за их видимым благополучием скрывалось страхов, неуверенности, комплексов.

И когда я встречалась с родителями и рассказывала им об их детях, я всегда получала реакцию неприятия и неверия. Так сильны были их иллюзии по поводу ребенка.

Я говорила родителям, например, что ребенок-первоклассник переживает кризис, связанный с положением в классе, с ситуацией оценки его успехов учителем и родителями.

- Да вы что? Какой кризис! - восклицали родители. - Нормальный ребенок, и все с ним нормально!

И приходилось лишать родителей этой иллюзии их якобы «знания», основанного на том, как ребенок внешне проявляется. И это было непросто.

Сложнее дело обстояло с родителями учеников старших классов, потому что в этом возрасте кризисы - уже другого порядка и протекают они иногда серьезнее.

Ко мне, например, однажды пришла девочка-старшеклассница и сказала:

- Я беременна. Я не знаю, что мне делать...

Девочка на третьем месяце беременности, ее мучает токсикоз. Она просто страдает оттого, что этот ребенок - нежеланный, появившийся от глупой связи с мальчиком. Она боится, до ужаса боится мамы, которая, как она говорит, «просто убьет» ее. Мама, которая

находится в полной иллюзии того, что с девочкой все нормально. В иллюзии, основанной на том, что девочка вовремя уходит в школу и приходит из школы, делает уроки и помогает по дому. Все как всегда. Все нормально!

Это еще одно из наших иллюзорных знаний - представление, что если ребенка загружать делами и занятиями, то можно уберечь его от дурных дел или наклонностей.

- Чтобы глупостями не занимался... - говорят родители, отдавая детей в секции, кружки, на курсы. Как будто это уберезет их от жизни, от прохождения необходимого опыта!

И ходили дети-старшеклассники на курсы или кружки. По крайней мере, видимость создавали. А сами вместо курсов - к мальчику или к девочке. О чем я, как человек, которому дети в школе доверяли, узнавала. Или умудрялись заняться сексом в то время, когда они должны быть в школе. Ведь достаточно прогулять один урок, чтобы заняться сексом, от которого родители их уберезают как от огня. И удобно это на самом деле: пока родители на работе, спокойные тем, что дети в школе, дети в свободной квартире любовью занимаются! Скольких иллюзий когда-нибудь должны лишиться эти родители!

Я помню, как сама однажды развеселилась и удивилась посещению моего кабинета психолога группы ребят-старшеклассников. Они, четверо здоровенных парней, зашли в мой кабинет и сказали:

- Можно мы закроем дверь на ключ?

- Закрывайте, - удивленно сказала я, понимая, что они хотят поговорить о чем-то очень тайном и важном.

И после короткой смущенной паузы, один из них, кто был посмелее, сказал:

- Мы хотим узнать: как понять, что девочка кончила?

И я сначала просто дара речи лишилась от такого вопроса.

- Вы хотите узнать, как это должно выглядеть? - уточнила я. - Как это происходит?

- Ну да, а то непонятно, - заговорили уже вразной манере ребята, - кончила она или нет? А если ее спрашиваешь, она сама не знает. Вот мы решили узнать - есть ли какие-то показатели, что она кончила...

- Может, - сказала я мягко, - вам нужно поговорить об этом с вашими папами? Они опытные мужчины и могут вам что-то объяснить, посоветовать...

Они не дали мне договорить - смехом и ухмылками, качанием голов они сразу отменили мое предложение.

У пап-то, наверное, еще были иллюзии, что дети их вообще этим не занимаются и даже не интересуются. Они, наверное, думали: их взрослые сыновья с девочками все еще играют в песочнице...

И пришлось мне, подбирая слова, объяснять, что происходит между мужчиной и женщиной и как проявляется при этом женский оргазм.

Есть еще одно иллюзорное наше знание. Наше знание о пользе и важности знаний!

Мы знаем, что должны дать ребенку знания, должны дать образование. Должны заниматься его развитием. Многие родители именно в этом - в образовании ребенка и видят свою основную цель.

И мы таскаем их по кружкам, отдаем в спецшколы, где они получают необыкновенные знания... И развиваем их ум, развиваем всеми способами - и головоломки с ними решаем, и книжки читаем, и энциклопедии им покупаем...

Но сколько несчастных - умных и знающих! - людей прошло через мои тренинги, консультации! Их научили в детстве играть на пианино (которые до сих пор стоят и пылятся), но забыли рассказать что-то важное и значимое, без чего человек не может быть счастливым. Их научили определять - Моне это или Ренуар, но не научили ценить себя, стоять за себя, принимать себя такими, какие они есть, привлекать к себе партнеров, зарабатывать деньги.

И получается, что все-то они *знают*, а вот счастья у них нет. Потому что чтобы быть счастливым, нужно не только *знать*, а *быть* - сильным, уверенным, осознающим себя, свое

место в жизни. Нужно уметь идти к *своим*, именно к своим целям, а для этого (опять!) надо *быть* уверенным, активным, сильным.

Я много раз сталкивалась с этим противоречием. С этой иллюзией важности знаний. Сталкивалась в разных ситуациях.

Когда-то меня, студентку-первокурсницу, пытались изнасиловать студенты-старшекурсники. Студенты МГУ, мальчики из хороших семей. Эрудированные, знающие, развитые, которые весь вечер демонстрировали эту свою эрудицию, дискутировали о Кафке и Ремарке, обсуждали вопросы экономики, красиво говорили о поэзии. А потом - цинично и бездушно поспорив между собой - девочка я или женщина, решили проверить это на практике.

Они были бездушными уродами. Знающими, развитыми, интеллектуальными, но уродами!

Совсем недавно наблюдала я начальную степень такого вот будущего бездушия у детсадовского ребенка, которого родители, как говорится, уж не знают куда отдать, в какой еще кружок или секцию сунуть! Все-то он посещает, всего его развивают. Но это был самый противный, жестокий, отвратительный ребенок из виденных мной в последнее время! (Да простит меня Бог за такие оценки, но этот ребенок уже так проявлялся!) И кому нужны знания, если они не трогают душу и не дают ребенку навыки общения? Не дают ребенку личностные качества, необходимые для достойной жизни?

Я вспомнила недавно о своей однокурснице, с которой познакомилась еще во время экзаменов при поступлении в МГУ. Я не знала и сотой, наверное, даже тысячной доли того, что знала она. Спецшкола, спецкурсы, курсы иностранного языка, толстые тома книг, прочитанные ею к вступительным экзаменам. И все пять лет отличная учеба в МГУ. Красный диплом.

Через пять лет я случайно встретила ее в театре.

- Я работаю психологом на автобазе, - смущенно ответила она на мой вопрос, чем она занимается.

- Кем? - переспросила я, хотя что тут спрашивать, мы обе окончили факультет психологии МГУ - кем она еще могла работать, как не психологом?

- И что ты там, на автобазе, делаешь? - не могла не спросить я.

- Ну, - мотнула она головой и передернула плечами, и что-то в этом жесте ответило мне - она и сама не знает, что она там, на автобазе, делает.

- Да ничего, нормальная работа, - продолжила она после паузы, как бы понимая, что надо еще что-то сказать. - Ну, контингент, конечно - водители, диспетчера...

И надо было столько знать, чтобы согласиться потом на такую работу?

Но я уверена, ее родители так старались, чтобы дочь получила как можно больше знаний и как можно лучше училась. Родители же всегда знают, что должны делать их дети.

Мы знаем, что наши дети должны делать. Мы знаем, что наши дети не должны делать. Мы всегда знаем, что они делают неправильно. И это тоже иллюзия.

Мы знаем, например, что ненормально, когда ребенок много времени проводит за компьютером и портит глаза. Поэтому надо «спасти» его и отдать в музыкальную школу или на курсы английского. Правда, посещение этих занятий будет просто насилием над его личностью, но разве это важно! Мы ведь спасаем глаза ребенка, а что делаем с его душой, с его личностью?

Как в анекдоте.

Мама приводит к врачу ребенка, который увлечен компьютером, и просит того отучить его от компьютера.

- Будем лечить! - бодро говорит врач.

- Чем? - спрашивает мама.

- Как чем? - удивленно говорит врач. - Пивом, девочками, сигаретами...

- Я бы рада была, чтобы он хоть чем-то занимался, - говорила мне на консультации одна мама. - А то походил на шахматы - бросил. Спортом занялся - бросил. Марки начал

собирать - бросил.

- Но он у вас только и делает, что чем-то занимается, - сказала я ей.

- Да, но это как-то ненормально! Он ничем не занимается постоянно. Он все пробует и бросает!

- А как надо? - спросила я. - Как нормально - чтобы на всю жизнь?

- Нет, ну хотя бы, чтобы он что-то уже выбрал... - растерянно сказала мама. - Ну, вот я занималась музыкой. Я восемь лет ходила в музыкальную школу.

- Вы сами выбрали музыку? - спросила я. - Вот так и сказали - я хочу играть на пианино!

- Да нет, меня родители туда отдали, и я восемь лет оттарабанила на этом пианино.

- И сейчас играете? - поинтересовалась я.

- Да нет, - усмехнулась мама. - Мы его продали, все равно на нем никто не играл. Сын не захотел заниматься. Уперся - не буду играть!

- Значит, ваш сын, который не занимается тем, чем не хочет заниматься, и занимается тем, что ему интересно, - ненормальный ребенок? А вы, которая, говоря вашими же словами, «оттарабанили» восемь лет на ненужном вам пианино, - нормальная?

Точно так же, как мы знаем, чего не должны делать наши дети, мы знаем, что нам делать с нашими детьми. Мы только забываем, что видим лишь часть картинки. Что наши знания всегда малы. Лучик нашего сознания выхватывает только один какой-то пласт жизни. Но сама жизнь - тотальна. И наши знания всегда относительны.

Знающая мама, чтобы уберечь сына от дедовщины или службы в горячих точках, дав взятку, устроила его в элитное подразделение, рядом с их городом, так, что можно было даже посещать его, как в пионерлагере. Она была уверена, что именно так должна поступить нормальная мать - оградить ребенка от возможной беды.

Именно там, в этом элитном подразделении, где собрались такие вот сынки, его и подсадили на наркотики. И вернулся он уже зависимым. И потом - началась долгая череда бед и страданий - его болезни, ломки, пропажа денег, продажа наркотиков. Тюрьма за распространение наркотиков.

А мама думала, что делала лучше для сына.

Я слышала несколько похожих историй. Когда знающие родители, чтобы уберечь ребенка от беды - прячут его от армии. Только вот один умер от угарного дыма, заснув пьяный с сигаретой в постели, пока родители были на даче. Другого зарезали в драке. Третий спасенный родителями попал под электричку. Этого - точно не случилось бы с ним в армии.

Что мы можем знать про жизнь и судьбу другого человека - кроме неких общепринятых установок, говорящих «надо от армии отмазать», «надо в институт устроить». Но эти общепринятые установки - какое они отношение имеют к твоему конкретному, уникальному ребенку с его единственной уникальной жизнью?

Но мы знаем, что хорошо для наших детей. Что нужно нашим детям.

Мы так много знаем!

Но - знаем ли мы, что мы делаем на самом деле, руководствуясь нашими «знаниями»?

Знаешь ли ты, что дети - наши отражения?

Ребенок в нашем взаимодействии с ним ориентирован не на то, что мы ему говорим, а на то, что мы делаем, как мы себя ведем. С нас они делают слепки. И видя иногда, какой получается ужасный слепок, мы говорим: в этом обществе виновато, виновата школа, учителя. Но основные-то скульпторы мы. Мы - образцы для подражания.

Они смотрят на нас, как в зеркало, и стараются повторить то, что они видят.

Они делают то же, что делаем мы. И как часто нам это не нравится!

Мама, которая едет с ребенком лет четырех в троллейбусе, говорит ему, стоящему у окна:

- Иди ко мне, садись!

- Не хочу! - отвечает ребенок, увлеченно рассматривающий улицу, проезжающие машины.

- Иди, придурок! - говорит она и дергает его за руку.

- Ты сама дура! - говорит ребенок.

И маму это обращение к ней просто взбесило. Ведь стыдно же, что ребенок тебя душой на весь троллейбус называет! (А его на весь троллейбус придурком называть не стыдно?!)

- Иди, а то убью сейчас! - говорит она ему с ненавистью, и он в ответ - с такой же ненавистью на нее смотрит. Действительно, просто отражает маме ее же саму!

Она же, разозленная, пытается подтащить его к себе, жестко схватив за руку. И он кусает ее руку, просто зубами впивается в ее руку.

И ей так неудобно перед людьми, что он с ней так обращается! А как она с ним обращается - ей удобно? А ему удобно, когда с ним так обращаются? И что он такого делает? Он просто повторяет ее обращение и ее же действия!

- Господи! Какие мы все хорошие родители, - сказала одна участница тренинга, - потому что мы так не делаем. Мы же не дошли до того, чтобы орать «убью» и чтобы наши дети кусались! Да мы просто гении воспитания...

И все после ее слов засмеялись. Грустно как-то засмеялись. *Так* мы не делаем. Мы делаем по-другому. Мы показываем им что-то другое. Другие образцы для подражания и отзеркаливания.

Я обещаю ребенку сводить его в зоопарк, или пойти погулять, или слепить снежную бабу. А потом не выполняю обещания. Говорю: «Ну, потом сходим, завтра». А он, пообещав мне убрать в комнате и сходить в магазин, говорит: «Я уберу в комнате потом, завтра». Или: «Я схожу в магазин потом, завтра». Он же увидел образец, как можно не выполнять обещанное!

Если бы мы только сами видели, какие мы образцы! Но мы видим только плохое в детях, не понимая, что видим свое зеркальное отражение!

- Ну почему ты такая эгоистка! - говорит мама дочери. - Думаешь только о себе. Не видишь, мама устала, целый день работала - дай посидеть спокойно, отойди...

Мама называет дочь эгоисткой, потому что дочь думает о себе. А о ком мама думает в этой ситуации - о дочери? Нет, мама думает тоже только о себе, о том, чего хочет она. Тогда кто сейчас эгоист?

Мы называем их упрямыми. Но кто образец для них? Если ты упрямо требуешь, а он упрямо не делает? Может, это сначала ты упрямый? Может, это тебе сначала гибкости не хватает? Иначе зачем тупо продолжать в той же манере делать то, что не приносит нужного результата?

- Меня поражает, как мой сын ко всему поверхностно относится, - говорила мне одна мама. - Ему заниматься надо, ему надо думать о будущем, а он лежит, часами в потолок смотрит и пальцами по обоям водит...

Но, может, это ты поверхностно к нему относишься? То, что он смотрит в потолок, пальцем по обоям водит, - это ты видишь, а то, почему он в таком состоянии, что творится у него в душе, в глубине, - этого ты не видишь. Тогда кто поверхностно относится?

Так дети возвращают нам полученное от нас.

Дети зеркалят нам нас самих. Это такое простое знание. Но - руководствуемся ли мы им? Являемся ли для наших детей лучшими образцами для подражания? Осознаем ли, что то, как мы проявляемся по отношению к ним, - обязательно вернется к нам?

Если бы мы осознавали это полностью, то мы понимали бы, что *уже сейчас* нам надо быть по отношению к нашим детям очень любящими, внимательными, заботливыми - чтобы в старости получить то отношение заботы и внимания, которого ждут все родители от своих выросших детей.

Мы бы понимали, что если мы хотим, чтобы дети были опорой в нашей старости, нам надо сейчас быть им опорой. Потому что мы только тогда имеем право ждать заботы и поддержки, когда сами их отдавали. Но если мы их действительно отдавали, то нам и требовать не придется, нам просто вернут с радостью то, что мы когда-то отдали.

Если мы хотим, чтобы ребенок любил нас, мы должны любить его.

Если мы хотим, чтобы он принимал наши желания и потребности и захотел их удовлетворять, надо сейчас принимать его желания и потребности и удовлетворять их.

Если мы хотим, чтобы он принимал нас такими, какие мы есть, с нашими «бзиками», или болезнями, или особенностями характера, нужно сейчас принимать его таким, какой он есть, со всеми его особенностями.

После того, как я встретила в дверях магазина эту удивительную пару, о которой писала в начале книги - маму и сына, приведшего ее в магазин купить заколки, - я шла домой и думала: какая старость ожидает меня? Какой будет моя дочь со мной? Отведет ли она меня в магазин покупать мне дорогую заколку на мои реденькие седые волосы, если я попрошу ее об этом? Или отмахнется? Или пообещает и не выполнит, сославшись на занятость, на отсутствие времени или денег. Или скажет: «Ну, мать, ты вообще одурела! Куда тебе на твои три волосины заколку, да еще за триста рублей?!»

Я шла и перебирала разные варианты сценариев того, как это вообще может быть. Потом, улыбнувшись себе, сказала:

- Можно не думать о том, как это будет. Это будет именно так, как я заслужила. Жизнь все покажет, она проявит истинное положение вещей. У меня еще будет возможность на себе проверить отношение ко мне моего ребенка в моей старости. И будет возможность понять, что действительно я в нее вкладывала, какие отношения я с ней создавала. Жизнь все покажет...

Жизнь все покажет...

Знаешь ли ты возрастные особенности ребенка?

Я говорила однажды с неопытным молодым папой, который наказывал своего трехлетнего сына, ставя его в угол.

- Зачем вы это делаете? - спросила я.

- Чтобы он понял, - ответил папа.

- Что понял?

- Что он - плохой!

- Но зачем же вам надо, чтобы чистый и хороший ребенок узнал, что он плохой?

- Чтобы осознал... - сказал папа. - Чтобы исправился...

Этот папа с чистой совестью слушает ор ребенка и считает, что тот должен что-то осознать. В три года! Что может осознать ребенок в три года?! Он может сейчас только *чувствовать* ужас оттого, что его отвергли. Одиночество, жуткое одиночество, оттого, что ему сейчас плохо и никто не идет ему на помощь. Оттого, что мама или бабушка слышат его крик и не приходят, чтобы его утешить. Он сейчас только *чувствует*. Он чувствует себя брошенным, одиноким, отвергнутым. Он чувствует себя несчастным. Но пока он переживает эти чувства - нет логики, невозможно осмысление.

- Как реагирует ваш ребенок на то, что вы ставите его в угол? - спросила я.

- Стоит, кричит, зовет к себе маму или бабушку - кто есть в доме. Устраивает душераздирающий ор.

- И что мама или бабушка? Идут на его зов?

- Может, они бы и пошли, - сказал мужчина сурово, - но я не разрешаю. - Пусть поорет и осознает свое поведение!...

- И долго он орет? - спрашиваю я.

- Долго, он у нас с характером. Орет на все лады - и с завыванием, и с захлебыванием. Моя теща иногда жалуется, что у нее у самой сердце болеть начинает, когда он так ее зовет... Но потом он все же замолкает.

- И вы его выпускаете?

- Нет, я его еще выдерживаю. Чтобы постоял, подумал...

Подумал... Да ребенок просто истощает свои силы на такую бурную реакцию и замолкает. И отвлекается. Так устроен трехлетний ребенок. Он стоит в углу и рассматривает издали какую-нибудь игрушку, или водит пальчиками по обоям, повторяя контур изображенных на них машинок. Он меньше всего «думает».

Представим ситуацию: мать говорит трехлетней дочери: «Пристрочи оборку к платью!» Отец говорит пятилетнему сыну: «Возьми дрель и повесь зеркало!» Но это же невозможно, скажешь ты. Дети в этом возрасте просто не могут еще такое сделать! От них нельзя этого требовать!

Но именно это мы и делаем.

- Сохраняй порядок в своей комнате! - говорим мы трехлетнему ребенку.

Но какой порядок может быть в представлении трехлетнего ребенка, основная деятельность которого - игра с предметами? Как можно сохранить порядок в свободе игры?

- Не прыгай! - требую я от пятилетнего ребенка. Но как может не прыгать ребенок пяти лет, когда он так выражает себя и свое мироощущение.

- Не шуми! - требую я, а он играет в войну, и в этой игре просто необходимо изображать разрывы снарядов и стрельбу. Иначе - это не игра!

- Не отвлекайся! - требую я от ребенка. Притом, что в его возрасте он может только несколько минут удерживать внимание на какой-то деятельности.

- Не испачкайся на улице! - требую я. Но туда, на улицу, дети для того и идут, чтобы все исследовать, все потрогать. Лужи такие черные, и земля так хорошо мнется руками! Любой нормальный ребенок просто должен испачкаться!

Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает.

Ян Коменский

Как говорила на тренинге одна очень воспитанная, чистоплотная мама:

- Хочется уже когда-нибудь одеть его чистенько, и чтобы сидел так до вечера...

- А ты его сразу одевай в ночную рубашку, чтобы до вечера сидел, и чтобы переодевать не надо, - иронично подсказал кто-то из родителей. И все засмеялись. Хотя в реальной жизни тоже об этом мечтали: чтобы с ребенком не было никаких хлопот! Но только тогда - какой же это ребенок?!

Мы должны помнить, что наши дети - это существа, чья основная цель сейчас - это исследование мира, узнавание этого мира. Поэтому они должны получать свои уроки, набирать свой опыт, проходить определенные этапы развития. И нам, родителям, надо знать эти этапы, особенности его возраста. Именно *нормальные* особенности возраста.

Как часто я на практике сталкивалась с родителями, считавшими ненормальным, неправильным в ребенке то, что на самом деле было его возрастной нормой.

- Что-то делает и говорит, говорит... Рисует и говорит, кубики складывает и говорит... Это нормально? - спрашивала мама, говоря о двухлетнем ребенке. Мама просто не знала, что все нормальные дети в этом возрасте проговаривают вслух то, что делают. Что гораздо позже эта внешняя речь перейдет во внутреннюю, когда ребенок будет все делать молча, разговаривая при этом «внутри себя».

- То одну роль играет, то другую, разными голосами разговаривает. За маму, за дочку, за продавца, - тревожно жалуется мама. А ребенку четыре года, и он в этом возрасте просто должен играть в ролевые игры. Именно так он овладевает правилами и ролями этого мира.

- Вредный, противный, как будто его подменили! Это не хочет, тут упрямится, все старается сам, никого не слушает!...

А у ребенка «трехлетний кризис» - обычное, нормальное явление, когда он просто должен так себя вести. Именно в этом возрасте он впервые осознает себя личностью. И действительно начинает сам хотеть - делать выбор, совершать поступки, стоять на своем. Но как редко родители позволяют ему это! И тогда этот период становится действительно кризисным и для ребенка, и для родителя. Маленькая личность пытается всем доказать, что она - личность. Родители же со всем присущим им пылом стараются задавить эту личность, не видя в ребенке личность, видя только - его «вредное» поведение!

- Никакого желания учиться! - говорит мама шестилетнего мальчика. А у него этого желания и в помине быть не должно. Его ведущая деятельность в этом возрасте - игровая. Нормальный ребенок и должен играть, не желая учиться. Только в первом классе школы

происходит перестройка и на смену ведущей игровой деятельности приходит учебная.

- Не слушается, капризничает, настроение какое-то плаксивое, чуть что - слезы, обиды! Не хочет сам садиться за уроки, отлынивает, отказывается идти в школу, - жалуется мама первоклассника.

А у него «семилетний» кризис. Потому что, став школьником, он переживает переворот всей своей жизни. Меняется все: группа детей, с которой он общался, появляются новые взрослые люди - учителя. Появляются новые правила, появляется оценка его - как личности, оценка его результатов. Перестройка всей его жизни проходит иногда очень болезненно. И если родители знают об этом кризисном периоде, они понимают, что такое поведение ребенка нормально. Оно говорит о том, что ребенок переживает сложный период. О том, что ему сейчас очень нужна поддержка. И помогают ему пережить этот период, поддерживая в нем уверенность в его способностях, в том, что он обязательно подружится с новыми ребятами.

- Вертится перед зеркалом часами, все себя рассматривает, начала краситься, с подружками разговоры про одни тряпки - ворчит папа, жалуясь на свою дочь-подростка.

- Часами сидит за компьютером, ничем не интересуется. Может только часами по телефону со своими друзьями трепаться, или по улицам шляться... И одеваться стал как чучело - штаны какие-то немыслимые потребовал купить, рубашку носит навыпуск, как его друзья носят. Сам на себя стал не похож, - жалуется мама на сына-подростка.

А у их детей - нормальный «подростковый кризис». Период, когда они сравнивают себя со сверстниками, стараются быть похожими друг на друга, вообще - начинают сильно заботиться о своей внешности. Период, когда их ведущей деятельностью становится общение со сверстниками. Когда целью их поведения и поступков становится самоутверждение, принятие сверстниками. Это сложный период, когда их трясет от резкой смены настроений. Когда с утра жизнь кажется прекрасной, а уже через час и ты сам, и твоя жизнь кажутся ужасными. Это период, когда происходит гормональный взрыв, дисбаланс всего организма, непропорциональный рост, и отсюда - недовольство собой, своей внешностью или проявлениями, потеря каких-то ориентиров, перестройка отношений со сверстниками. Это такой сложный период, что ребенка действительно трясет от его ощущений, от его же поведения, поступков.

Трясет от него и родителей. Но если бы только понимали они всю нормальность такой тряски и хотели помочь ребенку спокойнее пережить этот период, они бы не отвергали его, такого, не критиковали на каждом шагу, не старались «задавить», а поддерживали в нем уверенность в его нормальности, красоте, его способностях и возможностях строить отношения, любить, быть принятым другими.

Но родители так часто не понимают этого, не смотрят вглубь! Они видят внешнее плохое поведение ребенка, его грубость. И требуют от ребенка прекратить такое поведение. Как будто это требование поможет ребенку. Поможет в чем? Прекратить быть подростком? Прекратить гормональные изменения?

Мы, будучи подростками, тоже переживали такой кризисный период. И когда я на тренинге прошу родителей вспомнить этот период - он вспоминается большинством родителей как очень сложный. Период, когда ты сам не понимал ни себя, ни свое поведение. И взрослые тебя не понимали и были тобой недовольны. И ты был так одинок во время этого взросления, познания, осознания себя. А тебе так была нужна поддержка!

Но что еще всегда удивляет родителей - так это то, что их собственный период такого вот «вредного», как его называют родители, неуступчивого, иногда жесткого поведения - прошел. И они уже давно стали «нормальными» людьми. Но когда их дети переживают этот период - им, родителям, кажется, что он никогда не кончится, что их дети так и останутся такими вот неуживчивыми, непонимающими, противными. Что это - чуть ли не диагноз!

Мы опять забываем о преходящести всего. О том, что все меняется. На смену одному возрастному периоду приходит другой. Один кризис сменяется другим кризисом. Одна ступенька роста, пройденная ребенком, поднимает ребенка на другую ступеньку роста.

Промахи свойственные возрасту, с возрастом и проходят.

Публий Сир

Каждый возрастной период ребенка надо рассматривать действительно как *временный* возрастной период, который пройдет, и на смену ему придет следующий временный возрастной период. Если бы мы помнили об этой простой вещи, насколько спокойнее мы относились бы к поступкам и проявлениям наших детей, не видя в этом ничего криминального или патологичного! Как могли бы детям помочь в осознании, что с ними все в порядке, просто у них сейчас такой период и он обязательно сменится другим, более хорошим и спокойным.

Я подумала об этом недавно, когда отдыхая за городом, живя в чистом и красивом месте, увидела однажды, как на поляну пришли такие вот «оторванные», развязные, «другие» молодые люди. И вели себя они эпатажно, громко ругались матом, как бы стараясь всех задеть, довести своим поведением. И я, спокойно наблюдавшая это их цинично-демонстративное поведение, услышала, как один из взрослых людей, солидный, правильный мужчина, негодовал, возмущался.

- Нет, ну какие они уроды! Вся молодежь сейчас - такие вот уроды! - говорил он, яростно убежденный в своей правоте.

А я вспомнила одного папу, такого вот правильного, категоричного, и «доведенного» поведением своей дочери-подростка. И ранее рассказанную им историю из своей юности. Тогда они с такими же друзьями-подростками уезжали за город, чтобы освободиться от родительского надзора, и там напивались пивом, и все их развлечения и обсуждения потом заключались в том, кто сколько выпил, кто сколько «выблевал», кто где «поссал»... И помню изумление самого папы - он и забыл, что сам когда-то был таким же вот подростком с безобразным поведением.

- Вы думаете, у нее это тоже пройдет? - спросил он меня, осознав, что сам-то был не лучше и, однако же, стал «нормальным». И я просто не удержалась, расхохоталась.

- Нет, это только у вас прошло! У других подростков это на всю жизнь! - Потом, уже серьезно сказала: - Это от вас зависит - пройдет это у нее, как временный нормальный период, или вы сделаете из нее уродку с ненормальным поведением, и она это будет знать про себя. И действительно - останется такой...

Знаешь ли ты, что мы используем детей?

Мы действительно используем своих детей для себя, своих целей. Конечно, никто из нас так не называет то, что происходит в наших отношениях, но от того, называем ли мы это использованием или по-другому - смысл наших отношений не меняется.

Мы вообще об этом не думаем, но уже само наше пребывание рядом с ребенком позволяет нам получать чувство душевного покоя, гармонии, внутренней тишины.

Маленький ребенок - абсолютно гармоничное и совершенное существо. Это Божественная душа, данная нам, чтобы мы помогли ей стать человеком. И душа эта действительно гармонична и спокойна, вот почему, когда мы находимся рядом с детьми, спим с ними, играем с ними - мы сами как-то успокаиваемся, наше настроение улучшается.

Хотим мы того или нет, но мы как бы питаемся их чистой энергией, уравниваемся их чистыми вибрациями. Мы, уже запутавшиеся в суете, негативных мыслях, живущие в низких вибрациях наших тел и наших душ, забираем их чистую энергию, компенсируем наши низкие вибрации.

Мы делаем это за счет детей, не осознавая этого, и потом удивляемся, почему ребенок стал плохо спать, почему после общения с каким-то человеком он стал беспокойным или нервным. Потому что его, чистого и совершенного, незаметно для него самого использовали несовершенные взрослые с их грязными энергиями.

Дети действительно гармонизируют все вокруг. Гармонизируют, пока еще могут. Потом они уже не могут переварить нашу агрессивность, нашу депрессивность. И сами становятся такими, как мы - несовершенными и дисгармоничными.

Мало того, дети - естественные и чистые энергосборники. Если мы сами наполнены

агрессией или недовольством, тревожностью или печалью - всем этим «добром» мы наполняем и ребенка. Ребенок для большинства родителей - естественный резервуар, куда они сливают свое раздражение и недовольство. Все, чем они наполнены, что льется через край.

Есть еще один «прекрасный» способ использовать ребенка. Именно для этого мы в большинстве своем, хоть и неосознанно, рожаем детей - для утверждения собственной значимости. Для самоутверждения.

Даже сама разница в росте дает это ощущение собственной величины и значимости. А разница в знаниях? Я знаю, что дважды два будет четыре, а он - не знает! Я знаю, что после весны наступит лето, а ему еще нужно объяснить, что такое лето! И я объясняю, и чувствую себя при этом знающим, важным, умным, успешным. И эта возможность подпитываться за счет детей - самое сладостное, что дает нам наличие ребенка.

- Кошечку нельзя трогать за хвостик, кошечка маленькая... - говорю я ребенку и чувствую себя просто знатоком кошек и кошачьей жизни...

- Видишь, красный свет горит? Это значит, что нельзя переходить дорогу, надо ждать, пока загорится зеленый свет светофора... - важно говорю я и чувствую себя просто инспектором ГАИ!

А наша разница в умениях? Я умею резать колбасу - а он не умеет! Я умею держать иголку, а ребенок - нет! Ребенок начинает что-то делать, я вырываю из его рук нож или веник и говорю:

- Дай я сама, от тебя никакого толку! Кто так делает? Откуда у тебя руки растут?...

Рядом с такими несмышленишками и неумехами мы ощущаем себя просто мастерами, учителями, гениями. И это происходит естественно, постоянно. Само наличие ребенка рядом дает такую возможность. Как в анекдоте:

Муж, жена и маленький сын возвращаются из гостей. Поздний вечер.

- Пап, а пап! А почему луна такая большая?

- А черт ее знает, сынок, - задумчиво отвечает папа.

- А почему звезды такие маленькие?

- Звезды? - задумчиво переспрашивает папа. - А черт их знает, сынок.

- Пап, а пап! А почему...

- Хватит! - резко обрывает сына мать. - Дай папе отдохнуть, видишь, он устал!

- Ничего! - отвечает отец. - Пусть спрашивает, кто ж ему, кроме отца, все объяснит?!

Мы наполняем ими постоянно. Мы наполняем даже их внешним видом. Как нравятся нам дети-куклы - наряженные, чинные, неживые, которыми все умиляются. Как нравятся нам дети, совершающие хорошие поступки, - вежливые и воспитанные. И каждый раз я горжусь собой, как родителем, - я же такое чудо создала!

Мы чувствуем себя творцами.

- Я себя ощущаю Богом, - говорил один папа, - я сотворил ребенка!

Где еще в жизни почувствуешь такое могущество? Могущество творчества?

Есть еще одна прекрасная возможность использовать своих детей - использовать их жизни для проживания того опыта, который ты сам не смог получить.

Мы через своих детей реализуем то, что мы недотанцевали, недопели в детстве. Мы через них получаем то, что недополучили. Мы используем их жизни, чтобы прожить то, что сами хотели прожить.

Я прошла это на собственном опыте воспитания дочери.

Я родилась и выросла в заводском поселке, далеко от города, в котором у меня просто не было тех возможностей заниматься чем-то интересным, которые были у городских детей. И я с завистью смотрела по телевизору на юных фигуристов или танцоров, на юных фехтовальщиков или теннисистов.

Я приехала в Москву поступать в университет и столкнулась с московскими юношами и девушками, в чьем распоряжении были лучшие библиотеки столицы и репетиторы. И в их

детстве были Дом пионеров на Ленинских горах со всеми всевозможными секциями и кружками, и Лужники со всеми мыслимыми и немыслимыми спортивными секциями, и плавательные бассейны, и теннисные корты, и конноспортивный комплекс «Битца»... И я уже тогда думала - когда-нибудь мой ребенок все это обязательно получит!

И когда моя дочь подросла - я, что называется, по полной программе дала ей все эти возможности. Мне сложно сказать сейчас, чем она не занималась. Она ходила на занятия по рисованию, она учила английский язык, она пела в хоре, она занималась бальными танцами. Она занималась синхронным плаванием и играла на фортепиано.

Я гордилась своей дочерью и, конечно же, самой собой - такой замечательной матерью, у которой ребенок так разносторонне развивается.

Но только потом я поняла, что мой первый и главный мотив во всем этом был совсем другим - я хотела через нее получить, прожить то, что мне не было дано. Я просто брала ее, ее жизнь и использовала в своих целях, компенсируя свое неинтересное детство. И наполняя свое чувство ценности.

Потому что я при этом так самоутверждалась! Она - блистала. И я блистала рядом с ней при этом!

- Вы куда, такие нарядные? - спрашивала соседка, и я, скромно, но с гордостью в голосе говорила:

- У Кати сегодня соревнование по синхронному плаванию...

Или:

- Катя сегодня выступает на концерте народного хора...

А как приятно было звонить родственникам и говорить:

- У Кати завтра конкурс бальных танцев, приходите посмотреть...

А когда родственники ахали над платьем, которое я ей сшила для конкурса, - какой я себя ощущала матерью! Самой лучшей, самой заботливой.

Мы часто используем жизни детей для компенсации своей нереализованности. Мы используем детей для наполнения собственных амбиций. Используем иногда жестоко.

Каждый раз, видя выступления юных спортсменов, я думаю об этом. Какой страшный труд, какие нагрузки - физические и психологические - переносят эти дети, чемпионами из которых станут единицы. Остальных с какой-то жестокостью просто выталкивают на тренировки. Для того чтобы мама с гордостью могла сказать приятельнице:

- У моей дочки пять дней в неделю тренировки... Да, у нас скоро чемпионат... Да, она выступает...

Но как часто дети занимаются тем, чем они занимаются, только потому, что это выбор только родителей! Родители лучше знают, чем заниматься ребенку. Потому что родителям самим хотелось в детстве этим заниматься.

Мы используем детей для своих амбиций и самоутверждения. И это - реальность.

- Я хочу, чтобы он стал звездой. Чтобы он был знаменит. - Я не раз слышала это от родителей.

- Для кого ты этого хочешь? - спрашивала я, и родители недоуменно пожимали плечами - как для кого? Для него...

Но желать этого *для ребенка* - противоестественно. Лишить ребенка легкого и радостного детства, погрузив его в каторжный труд, какого требует любой спорт, - просто жестоко! Я думаю иногда, надо очень не любить своего ребенка, чтобы желать ему такой «звездной жизни». Что получит он? Награды - ценой собственного здоровья? Известность, которая лишит его спокойной и естественной жизни?

Но думают ли об этом родители, мечтая о звездности для своего ребенка? Или думают о славе, свет которой осветит и их жизнь? О своих амбициях, гордыне, которые требуют, чтобы ребенок их прославил?

Много лет назад я прочитала рассказ, чем-то тронувший меня.

Речь в нем шла об одной далекой планете, в которой воспитанием детей занимались воспителлы. Именно так назывались инопланетянки, которые прибывали на эту планету. И

делать они могли только одно - прекрасно воспитывать детей. И вскоре во всех школах и детских учреждениях воспитанием детей занимались только воспитательницы. И все родители были довольны этим. Потому что дети их становились воспитанными, милыми, радостными.

Одно только не давало покоя родителям и всем жителям планеты - чем питаются воспитательницы? Никто и никогда не видел, чтобы они что-то пили или ели. Но всегда они были полны сил и энергии.

И только в конце рассказа становится понятна тайна воспитательниц - они питались смехом детей. Они наполнялись детским смехом, и именно он давал им силы и энергию...

Как часто, общаясь с родителями, я вспоминала этот рассказ!

Мы питаемся смехом наших детей. Их слезами. Их успехами. Их неудачами. Их энергией. Мы наполняем всем этим свои жизни, делая их наполненными смыслом.

И пока мы рождаем детей для себя и воспитываем их «под себя», мы так и будем использовать детей и делать это неосознанно, не со зла. Просто будем так делать.

Но может быть, придет пора - и мы перестанем это делать?...

Итог. **Так ли мы все знаем...**

То, что мы знаем, ограничено. То, что мы не знаем - безгранично.

Пьер Лаплас

Я наблюдала это не раз, работая в школе.

Заканчиваются уроки в начальных классах - и на улице уже стоят, ждут своих деток родители. Хорошие, заботливые родители. Они не просто стоят - они собираются в группы, обсуждая: как дети относятся к школе, как делают уроки, как учительница себя ведет по отношению к детям.

Это действительно любящие мамы и папы, я всегда была в этом уверена. Они переживают за детей. Они волнуются. Они с утра кормят их завтраком, они дают детям с собой на продленку бутерброды, чтобы они не ели столовскую еду. Они уже сейчас, придя к школе, готовят яблоко или апельсин, забирают у ребенка портфель - он ведь устал.

Это хорошие и заботливые родители. Только почему у них такие, я бы сказала, неблагополучные и несчастливые дети?

Я столько раз сталкивалась с этим на тестировании, при личных встречах с их детками! Кто-то - робок и болезненно застенчив. Кто-то - тревожен, напряжен. Кто-то одинок и считает, что его никто не любит.

- Как же так, - все время думала я. - Как у таких хороших родителей получаются такие неудовлетворенные дети? Что же родители с ними делают? Или чего - нужного, важного - они не делают? - думала я. - Как они любят детей? Или - не любят? Просто думают, считают, «знают», что любят. Может быть, любить - это что-то другое? Может быть, для любви не надо так много знать - надо просто чувствовать?

Но, увы, мы так много знаем. И так мало чувствуем.

Меня потрясла однажды история, рассказанная молодым мужчиной, чья хорошая, знающая мама, любя его, руководила его жизнью.

Мама знала, что ребенку полезно жить на природе, быть в хороших руках. И она отдала его бабушке в деревню, на природу, в хорошие руки. И любящая и опекающая ответственная бабушка берегла и воспитывала ребенка. И рос он практически один, без сверстников, которых просто не было в этой деревне. Один в саду, один на пруду, один во дворе. И тот естественный опыт, который должен пройти каждый ребенок, общаясь со сверстниками, учась с ними взаимодействовать, отстаивать свою территорию, просто осознавать через них самого себя, получать от них информацию о мире, - он не получил.

Когда ему исполнилось шесть лет, знающая мама решила, что ему нужно годик побыть в детском саду, чтобы подготовиться к школе. И ребенка - после его изоляции от жизни и от людей - сразу отдали в детский сад.

И долгие годы, его, уже взрослого человека, преследует кошмар этого детского сада. Ему до сих пор снится это состояние ужаса - когда вокруг него столько маленьких детей. И он не знает - как с ними себя вести, и они смеются над ним, издеваются. И этот кошмар

длится целый день. А потом приходит мама - кошмар заканчивается, и, ложась спать, он надеется, что это был просто сон, что он заснет и проснется завтра - и нет этого детского сада. Но он просыпался и начинался еще один день кошмара - кошмара жизни, которой он не понимал, не знал, в котором чувствовал себя отверженным. И так каждый день. И до сорока лет - ему снится иногда этот кошмарный сон: он - в детском саду среди детей...

- Чем мы руководствуемся - умом или сердцем, принимая решения о том, что нужно, важно нашим детям? - часто спрашиваю я родителей. Конечно же, умом, *знаниями* нашими, которые кажутся нам такими непреложными, такими правильными, - с грустью признают они.

Сейчас я уверена: решения, принятые умом, - самые далекие от пути истинного, потому что только сердце, душа чувствуют, знают этот путь. А если ты принимаешь решения за другого человека - что правильного можешь ты решить, если не советуешься с ним самим, не слышишь его, не слышишь своего сердца?

Самое удивительное, что пока мы находимся в этих иллюзиях собственного знания, ощущения собственной важности и авторитетности - и идет настоящее воспитание.

Оно происходит ежедневно, ежесекундно, в процессе нашего общения с ребенком, даже просто пребывания рядом с ним. Ты, такой, какой ты есть, воздействуешь на ребенка определенным образом, чаще всего даже не осознавая, что это воздействие происходит.

Ты можешь руководить, запрещать, опекать, но *настоящее* воспитание происходит скрыто, и, я бы сказала, неотвратимо, неминуемо - не при этом сознательном взаимодействии, а просто во время пребывания ребенка в твоём поле. Когда он живет в твоих картинах мира, в твоих представлениях о жизни. Это впитывание ребенком тебя, твоей жизни - и есть самое естественное, самое мощное, самое неотвратимое воспитание.

Но зная или не зная, что и как ты делаешь по отношению к ребенку, ты все равно формируешь его судьбу. Вся программа его жизни, его выбор работы или партнера, выбор счастья и несчастья, успехов и неудач - закладывается сейчас. Закладывается в общении с тобой.

И это действительно глобальная ответственность - осознавать наше, чаще всего неосознанное влияние. И я хочу, чтобы мы осознанно взяли на себя эту ответственность. А для этого надо понять, увидеть механизмы нашего *естественного* воздействия на детей.

Для того чтобы мы смогли внести какие-то изменения в это воздействие. Прежде всего, в самих себя как источники воздействия.

Чтобы мы в нашем лучшем и чистом варианте себя помогли ребенку «сложить» его будущую счастливую и успешную жизнь.

Глава 5. Картина мира твоего ребенка

Инопланетянин

Они появляются на этой планете, как маленькие инопланетяне. Они ничего не знают. Ничего не понимают. Они удивленно смотрят своими распахнутыми глазами на мир вокруг них - куда они попали? Что это? Кто это?

Они не знают языка, на котором говорят жители этой планеты. Они не знают правил жизни на этой планете, ее традиций.

Все это они начинают узнавать постепенно, медленно, впитывая в себя всю информацию, которая к ним поступает. И главными, основными носителями этой информации являемся для них мы, их родители.

Они учатся обращаться друг с другом, видя, как это делают родители.

- Да ладно тебе, - хлопает папу по плечу малыш в ответ на папино предложение идти спать, - чего придумал!...

- Спи, моя деточка, спи, мое солнышко, - укладывает куклу маленькая девочка, - спи,

дрянь такая, сколько можно говорить!

Ребенок подсматривает за чужим опытом, увиденным в жизни, и делает так же.

Маленький мальчик носится по квартире, раскидывает одежду, сбрасывает книжки с полок.

- Да что же это ты делаешь! - возмущенно кричит прибежавшая мать.

- Я играю в папину игру «Где ключи от машины?» - отвечает малыш.

Они делают выводы о том, как надо жить, наблюдая жизнь родителей.

- А где твой дом? - спрашивает ребенок у бабушки, живущей вместе с ним.

- Мой дом здесь, - говорит она.

- Нет, у всех должен быть свой дом. Моя мама живет в этом доме, мой папа - в другом доме, у тебя тоже должен быть другой дом.

Он считает, что у каждого человека свой дом, исходя из реальности своей жизни, когда его разведенные родители живут в разных домах.

Как из пазлов, ребенок собирает целостную картинку о том, что такое люди, что такое жизнь, какие в ней есть правила. Он получает информацию об этом мире отовсюду - из разговоров взрослых, из журналов, из увиденного в кино.

Малыш, приехав на дачу к бабушке и увидев множество мух, пошел в дом и вернулся в черных солнцезащитных очках, которые ему купил папа.

- Ты зачем очки надел? - спросили его.

- Чтобы мухи меня боялись, - ответил он и, видя, что взрослые его не поняли, добавил: - Пусть думают, что я Джеймс Бонд, и боятся!

Он делает выводы о жизни на основании того небольшого опыта, что у него есть, перекладывая этот опыт на другие события жизни.

Однажды в зимнем молодежном лагере, где вместе с обычными московскими школьниками отдыхали дети из детского дома, в Святки мы с детьми пошли колядовать в соседний лагерь. Я взяла с собой самого маленького нашего воспитанника - шестилетнего мальчика, детдомовца.

Мы заходили в палаты к детям, в комнаты воспитателей, пели святочные песни, и нас одаривали конфетами, пряниками. Я укладывала все эти подарки в большой пакет, чтобы потом с детьми попить чаю с этими дарами. Когда мы возвращались в наш лагерь, малыш, которого я вела за руку по снежной дороге, сказал мне как-то очень печально:

- Это мы опять милостыню просили?

И я даже не знала, что ему ответить, таким неожиданным был вопрос. Но для него это был такой знакомый опыт...

Они впитывают наши слова и принимают эту информацию как правду.

- Я приехала в деревню, в которой родилась и выросла, - рассказывала одна женщина. - Мы шли по деревне с четырехлетним сыном, и я увидела пьяного, опустившегося, грязного - бывшего своего друга детства, с которым мы вместе играли, лазили к соседям воровать яблоки.

- Мама, кто это? - спросил ребенок.

- Это дурачок, который не ценит свою жизнь, - сказала я сыну.

Через полгода, в городе, гуляя в парке, мы увидели сидящих на лавочке таких - опустившихся, одутловатых людей.

- Ой, смотри, мама, - сказал мне сын, - вон дурачки, которые не ценят свою жизнь...

Дети-инопланетяне многого не знают, но постепенно все узнают от нас, взрослых.

Они не знают названий предметов, и мы, взрослые расскажем им, показывая и называя каждый предмет: это яблоко, это чашка.

Они не знают, как себя правильно вести, что можно, а что нельзя делать. Мы, взрослые, расскажем им все правила жизни.

Мы наполним их свободную от любой информации голову информацией обо всем.

И самое раннее, что они узнают от нас, - кто они такие.

Кто он сам? Какой он? Именно эту информацию мы вкладываем в

ребенка-инопланетянина в первую очередь, с момента его зачатия.

Кто он? Какой он?

Она ворвалась ко мне в кабинет, таща за собой ребенка. И, дернув его за руку, жестко, резко, выволокла его передо мной и сказала:

- Что хотите, то и делайте с этим ублюдком!

«Ублюдок» лет семи, лопоухий, с нежным детским лицом, стоял в солнечном свете, лившемся из окна, и длинные ресницы отбрасывали тени на его такие еще детские щечки. И был на свету заметен пушок на щеках. И по-детски мягкие волосики на его голове были освещены солнцем. И я подумала, что голова его должна пахнуть солнцем - так, как пахнет у таких вот маленьких и славных детей.

Он стоял передо мной поникший, опустив голову, как стоят дети, когда они знают - с ними все кончено. И я не смогла сказать ничего кроме: «Мы поговорим без ребенка!», и вывела его из кабинета, чтобы отвести в класс. И он отшатнулся от моей руки, когда я хотела взять его за ладошку, - он уже не верил в добрые руки. И я просто обняла его и прошептала: «Все будет хорошо...» Что я могла еще сказать?

И пока я отводила его в класс, во мне бились слова: «Если твой ребенок - ублюдок, ты тогда - кто?! Кто ты, если твой ребенок - ублюдок?!» Но - нельзя было так говорить. Непедагогично и непрофессионально.

Я уже сталкивалась с такими вот «ублюдками» при тестировании в первых классах школы. Я уже встречала в школе таких вот - маленьких, славных детей, которые уже знали о себе, что они - дураки, придурки, уроды.

От них я получала листочки, написанные таким еще корявым детским почерком - их ответы на тестирование. Простые ответы на вопросы: «Кто ты? Какой ты?!»

На этих листочках я и читала к своему изумлению: «Я урод, придурок, бестолочь, лентяй, неряха...» Или: «Я тупой, вредный, противный...»

Иногда, прочитав содержимое такого вот листочка, я, пораженная, шла в класс и спрашивала:

- Дети, кто из вас Петя Иванов? - чтобы своими глазами посмотреть на этого уroda, придурка. И вставал из-за парты такой вот - славный, совсем еще ребенок, с уже настороженными глазами. Чего хорошего можно ждать от взрослых, которые рассказали ему, какой он плохой!

Я столько раз встречала это в жизни.

- Ты моя умничка, ты моя лапочка! - говорит мама трехлетнему ребенку.

А он в ответ:

- Нет, я уёд, пйидуйок и бестойоць.

Это ему папа говорит, что он урод, придурок и бестолочь.

- Какая милая девочка, - говорит пожилая женщина девочке лет четырех, стоящей на остановке рядом с мамой.

- Я не девочка, я дрянь такая, - говорит ребенок абсолютно серьезно, потому что так ее называют чаще всего...

- А мой муж искренне считает, что когда ребенку говоришь, что он урод и идиот, он должен переделаться, - сказала мне одна мама.

И я не могла не спросить ее:

- А что скажет твой муж, когда ты будешь его называть уродом и идиотом в ситуации, когда он что-то забыл или сделал не так, - будет он рад такому обращению и «захочет ли переделаться»?

Женщина только грустно усмехнулась:

- Ну да, скажешь ему такое!

Конечно, взрослым людям это говорить нельзя. Это можно говорить детям, которые не имеют права сказать тебе то же самое в ответ. Это и говорят родители, считая, что при этом они улучшают ребенка, побуждают его к переменам. Но на самом деле - разрушают личность ребенка. Его чистоту. Его изначально целостные и светлые представления о самом себе.

Закладка образа

Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть.

Гельвеций

Когда ребенок становится таким, какой он есть? В какой момент начинает формироваться в нем его образ? Когда начинает он получать информацию о нем, которая и делает его - им?

Не тогда, как думают многие родители, когда мы начинаем его воспитывать. Не тогда, когда читаем ему нотации на тему, каким ему быть и как себя вести. Гораздо раньше. С момента зачатия. С момента, когда будущая мама узнает, что в ней появился ребенок. Это отношение к самому факту его возникновения - уже начало закладки его будущего образа «Я». Это отношение, выраженное пока лишь мыслями, чувствами, и есть первая, базовая закладка образа ребенка.

Каждый из нас, ожидая появления ребенка на свет, испытывает разные эмоции, думает о разном. Желанный ребенок, долгожданный ребенок вызывает ощущение радости, счастья - и сам развивается в этих ощущениях.

Нежеланный ребенок, с чьим появлением пришлось смириться, мог вызывать разные эмоции, от отчаяния и даже ужаса: что теперь делать, что скажут родители, как с этим жить, - до смирения и принятия, или - неприятия его там, внутри, несмотря на решение оставить его.

Он, крошечное сочетание клеточек, уже чувствует вибрации мыслей, обращенных к нему. Добрые или враждебные? Радостные или отчаянные. «Черт дернул меня забеременеть! На кой черт мне этот ребенок!» Или: «Крошечка моя, мой малыш, мой любимый! Расти скорее на радость маме и папе!» Это действительно разные мысли, разные вибрации, которые трогают зародыш, уже оказывая на него влияние.

И пока ребенок формируется, мама проживает разные эмоциональные состояния, разные настроения - от радости, счастья до депрессии и отчаяния. Разное отношение к будущему ребенку - от умиления и гордости до отвращения, даже временами до ненависти.

Совершенно естественно, что ребенок не может не почувствовать этого - он часть организма матери, он чувствует ее настроение и отношение, чувствует, даже еще не имея для этого физиологической базы. Он испытывает либо состояние легкости и комфорта, когда его любят и ждут с любовью, и он там, в животе, расслаблен, хлопает ресницами, сосет палец и очень доволен жизнью. Либо он испытывает напряжение, тяжесть, дискомфорт, когда его не любят, не принимают, иногда - надеются на выкидыш, ждут с отчаянием.

Этот этап - ожидание ребенка - первый этап, в котором закладывается для ребенка его ощущение значимости для родителей, для мира, его ощущение нужности, «хорошести», ценности как человека. Это то чувство, которое закладывается еще в период внутриутробного развития и потом всю жизнь корректируется, меняется, оставаясь для каждого человека самой важной характеристикой личности - его чувством ценности, значимости.

Поэтому так важно позитивное отношение родителей к будущему ребенку в период ожидания. Так важна интонация, с которой говорят родители с ребенком во время беременности. Так важно наличие двух голосов - папиного и маминого - для ощущения важности, нужности, значимости ребенка. Его ощущения себя защищенным, любимым.

Сам момент родов тоже имеет большое значение для формирования образа «Я» ребенка. Как родители относятся к его появлению на свет. Рады они или огорчены. Счастливы или несчастны. Довольны они им или разочарованы тем, что родился ребенок не того пола, как ожидали. Все это - первичная информация, которую ребенок тоже чувствует. Чувствует на уровне - хороший он или плохой. Нужный и ценный или ненужный, неценный.

Уже в первые дни жизни начинается формирование, видение образа личности ребенка. Ребенок орет, ребенок не спит - это какой-то *не такой* ребенок, делают выводы родители. Какой-то неправильный ребенок. И это отношение к ребенку как к *неправильному* потом во многом определит формирование им своего образа.

А его поведение было совершенно закономерным, правильным. Оно было закономерным следствием того шока, который он перенес. Он девять месяцев был в покое, в плодных водах, в темноте и приглушенных звуках, с ощущением защищенности, вызванным ритмичным маминым сердцебиением. И вдруг все изменилось. Он расстался с маминым телом, которое служило ему прекрасным и уютным сосудом, и оказался в другом мире - ярком, громком, холодном, сухом. И уже не слышно сердцебиения, и ты оторван от мамы и лежишь где-то один - почему тебя бросили?!

Его вращение в этот другой мир, в новую жизнь часто и происходит через беспокойство, физиологические проблемы. И сама мама - перенесшая глобальный стресс, переживающая физиологическую перестройку, нуждающаяся в тишине, покое, заботе, не понимает, что ребенок тоже перенес этот глобальный стресс. Но так надоел его ор, и непонятно, чего он хочет... И начинается: «Ну что это за ребенок! Ненормальный. Вредный. Противный».

С первых дней жизни здесь, в этом мире, ребенок узнает о себе.

Маленькие дети, еще не умеющие осознавать, говорить, - просто зеркалят, отражают выражение лиц взрослых, которые наклоняются над ними, смотрят на них. Ребенок отзеркалит твою улыбку - сам улыбнется и почувствует себя хорошо в этом состоянии, почувствует себя хорошим. Или в ответ на склонившееся над ним жесткое, напряженное лицо, сам сделает такое же, и заплачет от этого ощущения собственной «плохости». Так дети и начинают узнавать, какие они.

Наши прикосновения, интонации, даже мысли дети чувствуют уже в первые месяцы жизни. Поэтому в этот период важно все - как мы берем ребенка на руки: бережно, любяще, нежно - или грубо, резко, жестко. С какими мыслями или словами прижимаем к груди: «О Господи, какой же ты хорошенький. Ты моя радость!» или «Откуда ты взялся на мою голову!» Ребенок чувствует наше отношение к нему. Он улыбнется и радостно задвигает ручками и ножками на твое «куси-пуси...» Он сожмется на твое грозное: «Ну, кто тут обоссался!»

Первый год жизни ребенка - это закладка базового ощущения собственной значимости, ценности ребенка. И этот личностный показатель зависит от того, как относятся к ребенку окружающие его люди. Относятся ли к нему как к ценности, как к чему-то важному в жизни, когда с ним тетешкаются, когда в восторге от его пальчиков, когда с гордостью показывают его родственникам, когда он - центр Вселенной для родителей. Ребенок, который переживает это ощущение, узнает, что он важен, значим для родителей, что он хороший такой, какой он есть.

Когда ребенок важен и нужен родителям, когда они ценят его - родители бегут на его крик, потому что всем важно, что с ним происходит. Если же его не любят, не ценят - его просто не замечают, игнорируют его плач или - орут на него в ответ. И сама наша система воспитания, особенности нашего менталитета способствуют такому отношению к плачущему ребенку. «Не бери на руки. Не приучай к рукам. Ничего страшного, поорет и перестанет» - мало кто из нас не слышал такие напутствия.

Но плач для ребенка является единственным сигналом о его неблагополучии. Ему неудобно лежать - он плачет. Он мокрый, или голоден, или у него что-то болит - он плачет. И ребенок часто остается наедине со своим неблагополучием. И с ощущением собственной неценности для родителей.

Дети очень быстро знакомятся с этим отношением родителей. Быстро усваивают эти правила: ори, не ори - никому ты не нужен.

- Моя сноха как из роддома принесет ребенка - трое суток к нему не подходит, - говорила одна женщина. - Он орет, она не подходит. Он орет - она не подходит. Зато потом - как шелковый...

- А моя знакомая, когда ребенок в первые дни после рождения кричал - била его по попе, чтобы он знал, что на крик получит только удар и боль - чтобы отучился кричать... - и в ответ на эти слова родители на тренинге только потрясенно молчали - какой «мудрый и

добрый» способ обращения с ребенком!

Дети, растущие в таком отношении к ним, быстро становятся незаметными и молчаливыми. Они рано начинают понимать, что лучше «не вызывать огонь на себя». Потому что мало того, что родители на них не реагируют, иногда они реагируют на них отрицательно. Такие дети вырастают незаметными, не требующими внимания, с низким чувством самооценности, значимости. В их образе «Я» отсутствует ощущение себя большим, важным, нужным человеком.

Наше отношение к ребенку формирует образ ребенка - кто он, какой он? Счастье это мое или постоянные хлопоты? Радость или беда? Нормальный он или вредный?

Если я выбираю видеть в ребенке счастье, то даже плач его - показатель, что он хочет чего-то, что я могу ему дать, и я счастлива ему помочь. Если ребенок для меня - это одни проблемы и хлопоты, то любое его движение, проявление воспринимается как проблема, головная боль, напряжение и нагрузка.

- Мой ребенок был для меня обузой, - рассказывала одна мама. - Я забеременела, когда совсем не была готова к этому. Он мешал моей работе, моей учебе. Я его сразу так и назвала - обузой. И потом несколько лет он и был обузой, раздражая меня своим присутствием, любым поступком выводил из себя. Пока однажды я не услышала, как одна мама сказала ребенку: «Ты мое счастье!» Я подумала тогда: «Везет же этой женщине, у нее ребенок - счастье, а у меня...» И меня потрясла эта мысль: а как же он будет для меня счастьем, когда я ему даже не даю такой возможности, когда смотрю на него и ожидаю еще одного подтверждения, что он - помеха моей жизни, что он для меня - обуза! И получается, что то, чему та мама радуется, - меня раздражает. Но только ребенок-то при чем?!

- Кто для тебя твой ребенок? Какой он? - часто спрашиваю я родителей на тренинге, и они пишут мне списки этих существительных, прилагательных. И так много в них - малыш, лапочка, зайчик. И как мало - личность, человек. И как редко: «Это целый мир. Это отдельная Вселенная». Мы так часто видим их маленькими, слабенькими, ранимыми, уязвимыми и потом удивляемся - почему ребенок таким и вырастает!

Однажды я прочла о забавном эксперименте. Одного из цыплят, только что вылупившихся из яиц, сфотографировали таким вот - маленьким, слабеньким, тощеньким. И фотографию его показывали людям и получали всегда одну и ту же реакцию: «Ой, какой маленький... Какой жалкий!... Какой тощий!...»

Он таким и рос. Таким и вырос, хотя был при рождении таким же, как все цыплята. Вибрации слов, мыслей, жалости, волшебным, непонятым пока образом достигали этого цыпленка, мешая ему расти и развиваться. И этот эксперимент - хорошее напоминание нам, родителям, какими мы должны видеть наших детей. Потому что так мало в родительских образах - больших, сильных, свободных, «живучих» детей. И так много этих маленьких, слабеньких...

И каждое из этих отношений отразится на личности ребенка, на формировании его таким, каким мы его видим. И мы реально создаем маленьких и слабеньких, беспомощных детей. И так редко - ярких, свободных личностей. И иногда, что бывает редко, но все же бывает, творим божков, кумиров, которым все позволено и ничего не запрещено. Которые управляют родителями, становятся маленькими деспотами в семье.

- Если бы мы в таком преклонении стали воспитывать не детей - щенков, и те бы тоже оборзели и начали валяться в наших постелях с грязными лапами, пьсать в наши ботинки и ни в грош нас не ставили бы, - говорю я иногда родителям, воспитывающим ребенка в преклонении перед ним и во вседозволенности, и потом страдающих от его неуправляемости, избалованности.

Я наблюдала однажды, как папа спрашивал разрешения у шестилетней девочки, такой вот королевы семьи, которой все подчинялись, которую все боялись, - взять маму с собой в магазин.

- Нет, - отвечала девочка, - я ее не отпускаю...

- Ну, а если я потом тебя отведу в детский мир и куплю любую игрушку? - начал

выпрашивать папа.

- Три игрушки, - поставила условие девочка.

- Давай две игрушки, - торговался папа.

- Нет, три, иначе я ее не отпущу! - заявила девочка, и папа был вынужден (!) согласиться!

И папу даже не удивило - почему он, взрослый мужчина, запрашивал разрешения у своей маленькой дочери. Он так привык, что она главная и все решает. Что надо потакать всем ее желаниям, капризам.

Вот так, с момента зачатия, ежедневно, ежеминутно происходит формирование образа ребенка таким, каким он станет под нашим чаще всего совершенно неосознанным воздействием.

Я знаю, что многие родители, читающие эту главу, увидят свои ошибки, неправильно расставленные акценты, в том, что мы видели в ребенке, какой образ «Я» закладывали с момента зачатия.

Я совсем не хочу вызвать в ком-либо хоть малейшее чувство вины. Мы поступали так потому что мы никем не были подготовлены, научены правильно, с первых дней жизни, даже еще не ребенка, его зародыша - того, что часто еще и за ребенка не считают, - быть с ним, любить его, говорить с ним, радоваться ему, радостно встречать его появление на свет, уважать его, его проявления, чувства. Видеть его хорошим.

Этот грех по незнанию нам простится, мы ведь не желали зла нашим детям.

И никогда не поздно, сколько бы лет ни было твоему ребенку, - переиграть весь сценарий, начать любить его. И простить себя за то, что мы чего-то не знали. И простить наших родителей, которые тоже формировали образы нашего «Я» не в лучшем виде, но ведь и они не были подготовлены к этому, как и мы. И у нас, взрослых людей, есть возможности изменить отношение к самим себе, подправить, трансформировать образы нашего «Я» в лучшую сторону.

Одна женщина сказала:

- Я как-то упрекнула маму, что она часто меня критиковала, мешая мне верить в себя. А она сказала: «Я хотела тебе добра... И в твоём возрасте можно уже не упрекать мать, а заниматься самовоспитанием!»

Я хочу еще раз обратить твое внимание на одну важную вещь. Образ будущей личности ребенка, то, кем, каким он будет себя считать, закладывается помимо нашего сознания. Даже когда мы не предпринимаем никаких осознанных педагогических действий или воздействий - формирование образа ребенка уже идет.

И второй важный момент: этот процесс формирования образа будущей личности - постоянный, меняющийся. Ни один ребенок не является окончательно сформированной, застывшей конструкцией. Меняется отношение родителей - меняется и представление ребенка о самом себе.

Поэтому нам так важно становиться *осознанными*, чтобы понимать - какую информацию о ребенке мы передаем ему? Что нам надо изменить в нашем отношении к нему, в нашем представлении о ребенке, чтобы новое воздействие на ребенка помогло ему изменить представление о себе? Потому что наше воздействие на ребенка не ограничивается первым годом его жизни. В течение всей нашей совместной жизни мы продолжаем формировать этот образ.

Поэтому нам надо очень глубоко, осознанно проанализировать - как мы это делаем, в чем проявляется это незаметное пропитывание, напитывание ребенка информацией.

Формируем образ «Я»

Мама тащит маленького ребенка за руку.

- Отпусти меня! - требовательно говорит ребенок. - Не видишь - человеку больно!

Он знает, что он - ЧЕЛОВЕК. Он чувствует себя ЧЕЛОВЕКОМ. Большим, важным, ценным.

- Чего ты меня за руку держишь, как маленькую! - громко говорит девочка лет четырех

папе, стоящему с ней в магазине в очереди.

- Я тебя держу, как большую, - весело отвечает ей папа. Но девочка так же серьезно отвечает:

- Больших за руку не держат!

Она знает, она уверена, что она - большая. И что больших - не держат за руку. Потому что они - БОЛЬШИЕ.

Дети изначально уверены в своей величине и значимости. В своей «хорошести». До той поры, пока мы не разрушим эти их представления о себе.

Мы говорим им это напрямую. Мы рассказываем им, что они - *неорганизованны* или *неумелы*. Что они *маленькие* и должны слушаться. Что они *слабенькие* и могут заболеть. Мы называем их *неряхами* или *бестолочами*. *Лентяями* или *тупицами*. Мы делаем это по-разному - кто-то мягко объясняет ребенку, что он неорганизованный или ленивый. Кто-то - жестко, резко оценивает, даже оскорбляет ребенка.

«Моя мама называла меня в детстве „кусоч паскудины“, - рассказывала одна женщина. - Я тогда не понимала, что такое „паскудина“, и плакала, что я - даже не целая паскудина...»

Мы говорим детям, кто они, какие они - косвенно, интонацией, взглядом передавая истинную информацию, отношение к ребенку, которая содержится в словах. Они считывают с нас информацию о себе, которая просто написана на наших лицах, слышна в наших интонациях.

Если ты считаешь своего ребенка бестолочью, то простая просьба после школы зайти к бабушке и купить ей по дороге хлеб, превращается в издевательски-унизительное: «Зайдешь после школы к бабушке (и при этом взгляд, как на бестолочь, и интонация сомневающаяся, способен ли он понять!), ты слышишь, что я тебе говорю? Зайди к бабушке и хлеб ей принеси, понял? Ты понял или нет?» (а за этим звучит: «Бестолочь, тебе сколько раз повторять надо, все равно ведь забудешь!»)

И все психологические защитные механизмы ребенка после этого унижающего, не верящего в него обращения обязательно включатся, и ребенок просто забудет, выкинет из себя всю эту неприятную унизительную ситуацию и вместе в ней всю информацию - куда зайти, зачем. И после школы забудет зайти к бабушке или забудет принести хлеб. Как и предсказывала мама, не верящая в своего ребенка. И получит от мамы - я так и знала! И ощущение себя - бестолкового, безответственного, которое она на самом деле ему и передала в своем обращении к нему.

Я помню, как смеялись мы рассказу одной молодой женщины из ее детства, как мама спрогнозировала все ее поведение. Однажды ее контролирующая, строгая мама отправила ее к бабушке на другой конец деревни за молоком и сметаной.

- Был холодный зимний день, - рассказывала женщина, - земля была покрыта наледью. «Смотри, осторожно, - сказала мама, - не разбей банки! Да не беги, под ноги смотри, а то поскользнешься и разобьешь банки! Знаю я тебя...»

Под эти позитивные, «верящие» в нее напутствия девочка и пошла к бабушке. Взяв литровую банку сметаны и банку молока, она пошла обратно.

- Я шла быстро, весело, мотая этими банками, прокатываясь на скользких местах, как вдруг вспомнила, что говорила мне мама! Я же могу упасть и разбить банки! И я стала идти осторожно, медленно, ощупывая ногами каждый кусочек дороги, чтобы не упасть, и бац - неожиданно упала! И банка молока так и треснулась о землю... Я поплелась домой, уже зная, что мне скажет мама... Но настолько живуч во мне был мой ребенок, веселый, озорной, что я в какой-то момент опять увлеклась и шла, весело помахивая банкой сметаны и каталась на ледяных дорожках. Так я дошла до дома и, уже поднимаясь на скользкое крыльцо дома, я вдруг опять вспомнила мамины слова - я же могу упасть и разбить банку сметаны! И в ту же минуту я поскользнулась и упала, разбив банку сметаны прямо о крыльцо... Все получилось именно так, как говорила мне мама...

Мы видим их бестолковыми или неорганизованными, ненадежными, на которых нельзя положиться. Мы видим их не способными что-то сделать. Поэтому и интонации наши

передают наше видение. И взгляды наши передают эту информацию. Но какой другой была бы и интонация, и взгляды, и слова, если бы мы видели в ребенке уважаемую личность, сильного, способного, заботливого и внимательного ребенка!

Если я уважаю личность ребенка, я могу спросить: «У тебя будет время после школы? Было бы замечательно, если бы ты смог зайти к бабушке, купить ей хлеб». И я не буду давать сто инструкций. Потому что отношусь к ребенку с позиции - он умный, самостоятельный, он все сделает правильно, ему можно доверять.

Мы так часто даем им информацию о том, что они не такие, неправильные, даже не замечая этого, когда сравниваем наших детей с другими детьми, с собой в детстве. Мы идеализируем свое детство, старших детей, других детей.

- Когда я была маленькой, мне мама по пять раз не повторяла... (С трудом верится, а если и так - что хорошего было в этой детской послушности?!)

- Твой брат никогда так не делал... Он учился на одни пятерки! (Чистое вранье!) - Он всегда убирал игрушки! (Еще одно вранье!)

- Ему не нужно было напоминать, чтобы он вечером собирал портфель (Опять неправда, или - несчастным же он был ребенком, если был таким солдафоном!)

- Вот дочь Веры Петровны никогда не сядет смотреть телевизор, пока не сделает уроки... (Как ты можешь это знать?)

Мы делаем это с самыми благими намерениями - на примере других детей научить ребенка порядку, сделать его лучше. Но у ребенка от таких сравнений не в его пользу появляется ощущение, что он какой-то урод - не учится так, как другие, не помогает, не убирает... Во всем он хуже других. Бестолочь, одним словом. И никакого от него толку.

Наше отношение к детям и делает их такими, какими они становятся. Наша вера или неверие в них, наше видение их такими, какими мы выбираем их видеть (пусть и неосознанно!) формируют их новый образ себя. Новый, иногда худший, чем тот изначально позитивный образ себя - хорошего, способного, значимого, большого человека.

Однажды я наблюдала такую сцену в первом классе школы, присутствуя на показательном уроке, который проводила опытная, заслуженная учительница.

Шел урок математики. Я сидела на последней парте, наблюдая, как ведет урок учительница. Я сидела рядом с мальчиком, который старательно писал то, что говорила учительница, внимательно слушал. В какой-то момент урока все перешли к решению примеров.

- Кто решит все примеры, поднимите руки, - сказала учительница.

Я, сидя рядом с этим мальчиком, наблюдала, как он правильно сосчитал все примеры, которые были написаны на доске. Он сделал это первым, когда все остальные еще считали и писали. Он положил ручку. Но - не поднял руки.

- Ты чего руку не поднимаешь? - шепотом спросила я его. - Ты же все правильно решил!

Мальчик как-то неуверенно, робко поднял руку. И в тот же момент - получил за это.

- Петров, - как-то презрительно сказала учительница, - ты еще и руку поднимаешь!

Ребенок тут же, как бы обжегшись, опустил руку. Опустил голову.

- Нет, дети, вы только посмотрите, - назидательно сказала учительница, - Петров еще и руку поднимает!

Все дети оставили работу и посмотрели на Петрова. Посмотрели - с любопытством, с осуждением, с презрением. Так, как и хотела того учительница. Ни в одном взгляде ребенка я не увидела хотя бы сочувствия. Все уже знали, кто такой Петров. И действительно, как он мог еще и поднимать руку!

А я подумала, что так вот и убивают, забивают - только словами. И дети такие - забитые словами, уже разрушены, раздавлены этими словами. И нет уже того ребенка, которым он когда-то был, - славного, открытого, смышленного. Есть какой-то урод, придурок. Петров, одним словом...

Позже, находясь в одной школе первого сентября на торжественной линейке, я

услышала как учительница 1 «Г» класса, отходя от группы учителей к своим детям, сказала иронично:

- Пойду к своим говнюкам...

И учителя только усмехнулись ей вслед. А чего, действительно, - ведь все знают, что это в классы «А» и «Б» отбирают лучших детей, а в «Г» - остальных, кто послабее.

А я с ужасом подумала: «Это они первого сентября, даже когда она их еще и не видела, не узнала, уже „говнюки“, а что с ними будет спустя неделю, месяц, год? Есть у них шанс быть умными, прекрасными, славными детьми?»

А как возмущались родители на одном из тренингов, когда я рассказала им эту историю! Возмущались тем, как неправильно относятся учителя к их детям! Как унижают и разрушают их личности!

- А вы - правильно относитесь к своим детям? Вы - не унижаете и не разрушаете их личности? - спросила я родителей. И вмиг возмущение как рукой сняло. И наступила тишина. Потому что - и унижают, и разрушают родители. И уничтожают тот прекрасный образ ребенка, который присущ самому ребенку. И делают это задолго до того, как ребенок пошел в школу. Так что часто учителя уже получают готовых «говнюков», «уродов» и «придурков». Но - как заметны учительские ошибки! И как незаметны свои!

Часто, общаясь с родителями, выслушивая их перечни претензий к детям, я думала: два родителя ведут себя по отношению к ребенку как судьи на соревнованиях. Постоянно оценивают его, как оценивают, например, выступление гимнаста. Каждый оценивает выступление ребенка. У каждого - свои критерии оценки. И каждый - вечно недоволен ребенком. Ребенок не так повернулся, не так стал, не то сказал, не то сделал. И в этих оценках так мало позитива! Потому что нет задачи у судей оценить позитив, успехи, достижения. Есть задача увидеть недостатки, недочеты - и сообщить об этом ребенку.

Эти оценки и формируют образ ребенка. И как может этот образ быть *положительным*, позитивным, ярким, сильным, если оценки - *негативны* ?!

Каждое наше слово, обращенное к детям, становится информацией о них.

Мы можем сделать большого ребенка *беспомощным младенцем*. Мы можем вырастить малыша *богатырем*. Мы можем сделать ребенка своим *помощником*. А можем - *бездельником и тунеядцем*.

Слова все делают сами. Само звучание слова, его смысл - проявит в ребенке то, чего это слово коснется в нем. Бесенок у тебя растет - или живой мальчик. Шалун - или хулиган. Красавица - или вертихвостка.

Наше отношение к ним, выраженное словами, покажет им, кто они и чего от них можно ждать. Мы, взрослые, не очень-то и скрываем свое отношение к ним, говоря:

- Ничего хорошего из тебя не получится...

- Нет, ну какая оторва растет...

- Опять напакостил! Сладу с тобой нет!

- У других дети - как дети, а ты!...

- Чувствую я - не выйдет из тебя толку!

- Разве от тебя чего хорошего дождешься!

Мы так боимся, что вырастает что-то уродливое, плохое, что в результате получаем это. И потом искренне удивляемся - как же так получилось?!

- Кого ты хочешь вырастить, - часто спрашиваю я родителей, - талант или бестолочь?

- Конечно, талант! - горячо отвечают мне родители.

- А как часто ты говоришь ребенку, что он талантлив, что он смысленный, интересный, неординарный? Как он узнает о себе, что он способный, творческий, если видишь ты в нем лишь неорганизованность и неряшливость?

- В общем, как вы яхту назовете, так она и поплывет... - резюмировал один папа наш разговор на тренинге, посвященный тому, как мы своим отношением к ребенку, видением его и создаем реальный образ самого себя и его реальное поведение.

А я в ответ на эти слова вспомнила о двух своих персидских котах, имена которых

действительно полностью определили и их характер, и их поведение.

Мы долго не могли выбрать, кого из предложенных нам котят оставить - рыжего кота или дымчатую кошечку. Потому и оставили их двоих. И имена им придумали - Цезарь и Клеопатра. Но только в процессе их жизни Цезарь так и остался Цезарем. И вырос в королевского, статного, роскошного кота. А Клеопатра (потому что «долго» было ее так называть) тут же превратилась у нас в Клепу. И стала она расти Клепой. И выросла Клепой - маленькой, шустрой, шкодливой, ничем не примечательной кошечкой, совсем не царственной особой. И поразительно было, как имя передало, вырастило некую суть, которую оно и выражало!

И часто, размышляя о детях, о том, как они становятся такими, какие есть, я думаю: Бог, создавая этого ребенка, создавал совершенство. Несовершенство из него делают люди. Делают неосознанно, не желая ему зла. Просто так его воспитывают. Так к нему относятся. Так его называют...

Вот одна из поразивших меня сцен, увиденных на улице.

Мама протягивает ребенку, лежащему в коляске, бутылочку воды и говорит, радостно, громко, назидательно:

- Пей, алкоголик! Пей...

И видя, с какой жадностью ребенок начал сосать из бутылочки, так же громко, радостно констатирует:

- Ну что, алкоголик, никак не напьешься... Пей, пей, алкоголик!...

Как говорится - без комментариев...

Отношение к себе

Несколько раз за вечер мама спрашивала сынишку, как дела в школе, какие оценки ему поставили, и каждый раз он ускользал от ответа, переводил разговор, только подтверждая ее ощущение, что что-то он натворил. Перед сном она зашла в свою комнату и на кровати, под подушкой, увидела его записку. «Мамочка, мне очень стыдно, но я сегодня получил 3, 2, 2, 2. Спокойной ночи!»

Возмущенная и одновременно развеселенная этой запиской, она пошла к сыну в комнату. Он спал. Спал по-настоящему. Как ангел. Ничуть не расстроенный или огорченный своими «3, 2, 2, 2». Ведь сказал же - «Спокойной ночи!»...

Ребенок изначально спокоен и расслаблен, он не обременен чувством вины. Он относится к происходящему без страданий. Его поступки не вызывают у него бессонницу, не мешают ему жить и радоваться жизни.

До тех пор, пока мы, взрослые, не объясним ему, что надо обязательно переживать по каждому поводу, что надо себя клясть, ругать, критиковать, быть собой недовольным. Именно такому отношению и учат детей большинство родителей, уже несовершенных, недовольных собой, критикующих себя. И они, являясь образцом для ребенка, быстро обучают его «взрослой привычке» по каждому поводу испытывать чувство вины и обвинять себя.

Каждый раз, сталкиваясь с этим в жизни, я поражаюсь, насколько *изначально* чище и мудрее нас дети, которые, совершив какой-то поступок, поняв, что он неправильный, - могут жить дальше в таком же ровном состоянии, как и до поступка. Ну действительно, получил он «3, 2, 2, 2», что же теперь - не спать? Спокойной ночи! Это мы, взрослые, получив какой-то неудачный опыт, ночей не спим, и все себя пилим, и других обвиняем. И считаем это нормальным! Но кому становилось лучше от критики, обвинений в свой адрес? От бессонной ночи?

В этом и есть мудрость ребенка - осознав свою ошибку, он живет дальше без чувства вины.

Я помню как однажды мой любознательный и очень активный внук, интересуясь, что я там такое интересное вышиваю бисером и какой красивый сам бисер, взял в руки большой пакет с бисером. «Осторожно, рассыплешь!» - сказала я ему. Он и рассыпал, уронив пакет. Рассыпал по всей комнате.

Но поднял на меня свои открытые детские глаза и сказал примирительно:

- Маруся, ну ничего же страшного не произошло, правда?

И я, уже было собравшаяся сказать ему что-то вроде: «Ну как же ты так неосторожно...» и прочесть ему умную лекцию об осознании своих поступков, просто рассмеялась, потому что, действительно, ничего же страшного не произошло! Бисер никуда не исчез, просто рассыпался по комнате. Мы его потом вдвоем и собирали. Это тоже было интересное занятие. И каждый при этом получил свой урок. Он - как осторожно обращаться с пакетом бисера, я - как не программировать ребенка на «рассыплешь!».

Они спокойные и мудрые и не расстраиваются по пустякам, гораздо легче относятся к каким-то фактам и событиям. Пока мы им еще не успели рассказать, что надо *обязательно* испытывать чувство вины, если ты что-то сделал неправильно.

Мальчика привозят в больницу. Врач спрашивает у него:

- Ну, дружок, говори, что тебя беспокоит?

- Меня ничего не беспокоит. А дедушку беспокоит, что я проглотил его часы.

Однажды мой внук, пока я одевалась, чтобы вести его на прогулку, играл с мячиком (чего я просила не делать в моей комнате!) и попал этим мячиком прямо в красивую, сделанную моими руками композицию из сухих цветов. Попал - и, естественно, разрушил всю ее красоту. Просто сломал часть композиции. И тут же, осознав сделанное, горестно опустил голову и сказал трагически:

- Я не хотел...

Было видно, что он, конечно же, понимает, что он натворил, можно было уже ничего ему и не говорить. Но так сильно было мое возмущение, огорчение, что я сказала:

- Я просила тебя не играть с мячом в моей комнате! (После этих слов голова его склонилась еще ниже, показывая, как он кается!) Я очень огорчена тем, что ты сделал! (Голова склонилась еще ниже, и раздался тяжелый, горестный вздох.) Ты разрушил мою любимую, самую красивую работу! (Все тело ребенка, его поза выражали полное раскаяние!) Ладно, - сказала я после паузы, - мы собирались идти гулять - пойдем гулять. Иди, одевайся!

Ребенок тяжело вздохнул и с поникшей головой, шаркающей походкой, выражающей полное раскаяние, пошел в коридор надевать куртку. И как только он пересек границы комнаты и оказался в коридоре, я услышала: «Ла-ла... Ла-ла-ла...» - это он запел какую-то свою детскую песню. Запел радостно, как пел всегда, когда шел на прогулку. И следа не осталось в нем от его осознания вины! Действительно: ну осознал вину, ну что же теперь - всю жизнь с ней жить? Жизнь-то продолжается, вот, на прогулку идем...

А я, слушая его радостное пение, думала потрясенно: как правильно сделаны дети! Как верно они устроены! Как сохранены! Как правильно к себе относятся! Но это до тех пор, пока мы, взрослые, не объясним, что так нельзя.

Мы объясним, что надо себя ругать и критиковать, и не прощать себя. И таскать эту вину с собой по жизни.

Мы научим их, что надо всегда искать в себе недостатки и ругать себя за них.

Что надо сравнивать себя с другими (обязательно не в свою пользу!), чтобы почувствовать себя хуже других.

Что надо критиковать себя за все, за что только можно. Что надо постоянно быть недовольным собой. Этому мы учим хорошо.

Но разве хорошо то, чему мы их учим? Разве кому-то из нас в жизни от такого отношения к себе было хорошо? Кому-то из нас оно помогло быть лучше или сильнее?

Но почему мы их не учим, что каждая ошибка - всего лишь ошибка, которая чему-то нас учит. Что надо верить в себя несмотря ни на что. Что надо себя, единственного для себя и самого важного и нужного себе, - ценить, любить, беречь.

Что каждый человек на планете - уникальный, и просто нельзя себя сравнивать с другими. Что каждый из нас, такой, какой он есть, - уже хороший и ценный человек. И даже если мы что-то сделали неправильно - не беда. Надо просто понять, как сделать правильно, и начать так делать.

Нужно понять, что каждый из нас - и взрослый, и ребенок - растет, развивается, улучшается. И у нас есть возможности научиться всему и стать лучше.

Может быть, пришла пора сказать все это сначала самому себе, чтобы потом было что говорить ребенку?

Каждый человек рождается божеством, а затем опускается до человека.

Симона де Бовуар

Представление о своих возможностях

...Он подходит ко мне, когда я работаю за компьютером, пишу рассказ.

- Что ты делаешь, Маруся? - спрашивает он у меня.

- Пишу рассказ, - отвечаю я.

- А я тоже умею писать рассказы! - говорит он уверенно, как о чем-то само собой разумеющемся.

- Я в этом ни капли не сомневаюсь! - говорю я совершенно искренне, потому что все дети в его возрасте умеют все, знают все, все у них получается - пока им не объяснили их родители, воспитатели или учителя, что они бестолковые или неспособные.

- Хочешь, я напишу тебе рассказ? - говорит он мне, и я только киваю головой в знак согласия.

- Тогда давай, я буду тебе диктовать, а ты пиши, - командует он, и я прерываю свой рассказ, делаю на странице отступ, и начинаю набирать текст, который он мне наговаривает, наговаривает легко, как будто бы он действительно умеет писать рассказы. А он умеет их писать...

И я, взрослый и занятой человек, бросаю свои действительно важные дела и посвящаю часть своего времени ему - маленькой, но важной личности. Но как мне не уступить ему и не посвятить ему часть времени, не уважить его просьбу, если он действительно - личность? И если он умеет писать рассказы!

Они знают и умеют все. Они уверены в своих возможностях. Пока мы, взрослые, не расскажем им, что знания их смешны и наивны, а умения малы. Мы, реалисты, расскажем ребенку о его несовершенстве, чаще всего даже не понимая, что разрушаем при этом не только природное совершенство ребенка, но и его представление о собственных возможностях.

Мы делаем это разными способами. Просто говорим:

- Ну кто так делает? И откуда у тебя только руки растут?!

Или:

- Слушай, оставь в покое и не порть... Получается у него... Что у тебя получается?!

Или просто - ставим запреты:

- Туда не ходи!

- Это не бери!

- Не трогай!

Мы ставим очень много запретов, ненужных, не необходимых. Мы запрещаем то, что можно разрешить, что не является угрозой его жизни или безопасности.

Но мы запрещаем, потому что так нам удобнее.

- Можно мне достать книжку с верхней полки?

- Нельзя, - отвечает мама.

- Почему?

- Потому! - следует ответ. (Потому что ей нужно встать и полезть за книжкой, а ей проще не лезть и не доставать.)

Большинство наших запретов - от нашей лени. Вот мы и ограничиваем, ставя всевозможные рамки.

Рамки эти разные для мальчиков и девочек. У мальчика меньше ограничений в исследовании и освоении мира. У него бульшая свобода передвижений. Ему разрешено осваивать территорию, играть в соседнем дворе, на соседней улице. Ему разрешено быть активным в этом освоении, пачкать одежду, приходить чумазым - он же мальчик!

Девочка же - поскольку она девочка и должна соответствовать образу некой красивой чинной куклы - должна сидеть на лавочке во дворе и играть в куклы. И если она этому образу не соответствует, ей говорят: «Ты что носишься, как мальчишка!» и ограничивают ее возможности свободного освоения мира.

Очень часто мы ограничиваем детей, их свободу самовыражения, возможностей проявляться так, как они хотят, потому что очень озадачены тем, что подумают или скажут другие люди. И вообще мнение других людей так часто для нас важнее мнения наших детей!

Именно это и сказала мне однажды дочь, которая, изображая что-то, скакала по комнате, громко напевая, и я ее резко останавливала - не скачи, не пой, под нами соседи живут... И она, остановив этот свой поток энергии, сказала удивленно:

- Мама, но почему тебе соседи всегда важнее твоей дочери? Ты все время думаешь о соседях - и не думаешь обо мне, о моем желании что-то делать...

Совсем недавно, будучи в гостях в семье, в которой росли две славные, открытые, творческие девочки, я с удовольствием наблюдала, как младшая, семилетняя Катя, вернувшись из школы, в коридоре перед зеркалом изображала одновременно актрису, певицу и балерину.

Она скакала, танцевала, делала какие-то балетные прыжки и пела при этом во весь голос в кулачок, который был для нее импровизированным микрофоном. И так свободно она это делала, так действительно артистична была в этих свободных прыжках, в этом пении во весь голос, в каких-то смешных артистичных ужимках, что я просто любовалась ею.

И подумала: конечно, соседям снизу может совсем не понравиться, когда над их головой скачет это свободное создание. Но эта девочка имеет право быть собой, ощущать свои возможности играть, петь, творить какой-то образ. И забота о соседях не должна ограничивать ее возможности (по крайней мере, до одиннадцати часов вечера). Дети должны расти. Нельзя ограничивать их свободу самовыражения только потому, что это кому-то может не нравиться!

Я вспомнила увиденную давно картинку, поразившую меня, когда у меня гостил маленький внук, и в гости к нам пришла пожилая женщина со своей такой же маленькой внучкой.

Пока мы сидели за праздничным столом, внук, всегда активно исследующий мир, исследовал все, что мог, внося во все свои преобразования. Сначала вся книжная полка была освобождена от книг. Он снимал книжку за книжкой, укладывая их на полу в стопки. Это была кропотливая и долгая работа. Когда она была сделана, он перешел к туалетному столику, на котором многое нужно было рассмотреть, что-то переложить на пол, что-то открыть, что-то долго открывать и закрывать, потому что интересно - как это открывается? Он умудрился даже незаметно для нас открыть лак для ногтей и намазать им себе щеку и волосы. Исследовать так исследовать...

И все это время девочка, его ровесница, сидела на руках у бабушки за столом со взрослыми, не подавая признаков жизни. Как взяла ее бабушка на руки, так и сидела она, ни к чему не протянув руки, не пошевелившись, даже не попытавшись к чему-то прикоснуться.

Меня так поразила эта «неживость» ребенка, абсолютное отсутствие интереса к миру! Ведь даже сидя за столом можно было так много рассмотреть, потрогать! На столе было изобилие блюд, красок - разные закуски, салаты, столовые приборы, яркие салфетки, красивые фужеры. Однако ничто не привлекло внимания ребенка и не побудило к действиям. Она уже была такой правильной. И такой неживой.

Именно про таких детей говорят:

- Какой хороший ребенок! Ничего не просит, посадили и сидит! Вот радость-то для родителей!

А ребенок действительно уже ничего не просит, потому что он уже ничего не хочет. Потому что ему уже рассказали, что *все это нельзя*. Что хорошие дети должны просто сидеть и слушать родителей. Какие уж тут свои желания или осознание свободы своих возможностей!

Потом мы, его родители, будем ждать, когда он о себе заявит. Когда он себя проявит, когда же он начнет приносить результаты? Когда он как личность состоится? А его уже давно нет как личности. Потому что личность - это всегда человек, осознающий и использующий, реализующий свои возможности.

Вам не удастся никогда создать мудрецов, если будете убивать в детях шалунов.

Жан-Жак Руссо

Поэтому прежде, чем говорить ребенку «нельзя», нам, взрослым, надо думать, действительно ли эти запреты необходимы.

- Если бы я своему сыну в его четыре года не говорила постоянно на его: «Мона? Мона?» (можно? можно?) - «Нет!», он бы столько сейчас умел! - говорила сокрушенно одна мама. - А как бы он мне сейчас помогал! Но я только и говорила: «Нет! Нельзя! Не трогай!»

Я помню, как моя дочь удивленно сказала однажды:

- Ты представляешь, мама, ведь мы только и говорим Никите - это нельзя и это нельзя. Но ведь мы совсем не говорим - это можно и это можно... И получается, что мы рассказываем ему только о «нельзя»! Как же он узнает, что в жизни столько всего можно?!

И она стала говорить ребенку:

- Трогать розетку нельзя, но можно взять книжечку, можно - кубики. Можно взять машинку, можно потрогать Марусин клубок ниток - какой он пушистый. Можно порисовать, можно поиграть...

Именно так бы нам и относиться к нашим детям. Ограничивая ребенка в чем-то, что реально может вредить его жизни, мы обязательно должны дать ему информацию, что наряду с ограничением есть много возможностей, которые он может использовать, чтобы он воспринимал этот мир как мир возможностей. И себя в этом мире как человека, для которого многое возможно. Именно это ощущение будет необходимо в его взрослой жизни!

Мы должны рассказать ребенку, что этот мир - для него. Что он хозяин этого мира. Что он может его свободно исследовать. Что он *должен* его исследовать. Что все, за что он возьмется, у него обязательно получится, даже если сразу не получается. Просто нужно время и старание, чтобы все получилось. Что он может многому научиться в жизни, освоить, узнать. Что это действительно так интересно - узнавать мир!

Представление о других людях

Мама и папа - первые и самые значимые люди в жизни ребенка. Именно по ним, этим первым людям, с которыми он общается на этой планете, он делает выводы о том, что такое люди, какие они - добрые или злые, хорошие или плохие, можно ли им доверять, чего от них можно ждать.

Сам ребенок изначально открыт общению, взаимодействию. Он доверчив и распахнут взрослым. Пока взрослые не покажут ему, что им нельзя доверять, что люди могут посмеяться над ним, предать его, обмануть.

Об этом - рассказ одной бабушки.

«Однажды мой пятилетний внук, вернувшись от другой бабушки, где общался со своей восьмилетней двоюродной сестрой, сказал мне:

- Я хочу рассказать тебе большой секрет!

- Расскажи, - сказала я.

- Но это настоящий секрет, об этом никому рассказывать нельзя! - сказал он, и я пообещала, что точно никому его не расскажу.

- Я занимался сексом! - сказал он.

И я просто лишилась дара речи. Потом промямлила:

- С кем же ты занимался сексом?

- С сестрой, она меня научила, - доверчиво сказал ребенок, и я, подумав мгновенно - надо позвонить бабушке, чтобы она сестре этой объяснила, чему не надо учить маленького ребенка, - тут же отказалась от этой мысли - я же пообещала никому не говорить! Да меня в это мгновение больше волновал другой вопрос - как это они сексом занимались? О чем я и спросила.

- А ты что, не знаешь, как сексом заниматься? - спросил меня ребенок, и я промямлила что-то вроде: вообще-то знаю, но все по-разному это делают.

- Ну, мы вместе лежали, - рассказывал мне ребенок, и было видно, что он и сам-то не очень понимает, как это - сексом заниматься. - В общем, сексом заниматься - это надо друг на друге лежать, - объяснил он мне, - мне это сестра рассказала.

Я перевела дыхание и потом, понимая необходимость как-то самой отреагировать, тем более что дала слова никому о произошедшем не рассказывать, сказала:

- Сестра твоя ничего в сексе не понимает, и ты больше ее не слушай и не учись у нее.

- Она понимает! - пытался защитить сестру ребенок.

- Если бы она понимала, она бы тебе сказала, что сексом занимаются мужчина и женщина, которые очень-очень любят друг друга, - уверенно сказала я. - И никогда этим не занимаются брат с сестрой. И это происходит, когда люди очень хотят быть вместе, создать семью, родить ребенка. Поэтому не слушай ты ее больше и не делай этого с ней!

Дочь, пришедшая домой с работы, увидев мое лицо, на котором я так и не могла спрятать улыбку, спросила:

- Что случилось?

- Ничего, - сказала я.

- А то я не вижу! - сказала она мне. - Ребенок что-то опять натворил?

- Нет, - пыталась я уйти от ответа.

Но дочь, почувствовав, что я что-то скрываю, не отставала.

- Понимаешь, - сказала я ей, - я не могу тебе этого сказать, я дала слово ребенку, что никому об этом не скажу.

Дочь замолчала, потом спросила таинственным шепотом, глядя на комнату сына, где он играл:

- А это, случайно, не о том, как он сексом с сестрой занимался?

И увидя растерянность, написанную на моем лице (я-то думала, он одной мне доверил эту великую тайну!), расхохоталась. Мы, удалившись на кухню, шепотом поведали друг другу что каждая от него услышала, пришли к решению никому об этом не говорить - ни папе, ни бабушке. В эту минуту вернулся с работы зять и, зайдя к нам, таким же таинственным шепотом спросил:

- Ребенок вам по секрету не рассказывал, что он сексом занимался?

Мы долго смеялись до слез. Потому что эта наивная и чистая душа, это доверчивое создание - рассказал об этом всем. Потому что он пока еще верил людям. Верил в честность людей. Верил, что люди хорошие. Потому что мы, взрослые, еще не разрушили это его убеждение...»

Своим отношением к другим людям мы формируем у ребенка представление о том, какие они - люди.

Мы формируем представление о враждебности людей. О том, что люди - это какие-то злые, плохие существа, от которых надо ждать беды.

Мы сами иногда, тревожные и запуганные, начинаем этой тревожностью и страхами напрягать детей, создавая их тревожное, недоверчивое отношение к людям.

- А тебя не обижали в детском саду? - спрашивает мама ребенка, который и знать-то не знал, что его могут обидеть. Но теперь - знает.

- А что тетя воспитательница тебе говорила?... А дети?... Никто тебя не бил?... - И ребенок опять «узнает», что и тетя, и дети могут быть злыми, бить его...

Так и формируется настороженное, тревожное отношение к людям.

Я наблюдала, как в маршрутке, ехавшей в пригород, за час езды мама множество раз сказала ребенку, вертящемуся, скучающему без действий, потому что нечем было заняться: «Вот сейчас люди тебя высадят из маршрутки! Вот водитель сейчас остановит машину и высадит тебя! Ты что людям мешаешь?! Сейчас люди скажут водителю, и он тебя оставит на дороге!»

Я, обернувшись, встретила с ребенком глазами, и он в буквальном смысле слова

дернулся от моего взгляда: видно, подумал, что я сейчас потребую, чтобы водитель его высадил!

И я поразились: как мало надо времени, чтобы сформировать у ребенка это представление о враждебности людей! И подумала - почему родители, когда брали пятилетнего ребенка, живого, интересующегося миром, в длительную и скучную поездку не взяли ему книжку или игрушку, чтобы ему было чем заняться?

И когда ребенок пытается как-то разнообразить эту скучную поездку, его запугивают и устрашают людьми, которые тут, кстати, ни при чем. Так же, как и ребенок тут ни при чем. Потому что он должен, просто обязан исследовать мир - в этом суть его пребывания на планете, это его основная деятельность. Он должен получать информацию. И если взрослые не дают ему этой информации, он должен ее получить сам - вертась, трогая что-то, рассматривая что-то, взаимодействуя со всеми предметами, с которыми можно повзаимодействовать.

Но родители, сами создав такую ситуацию «плохого» поведения ребенка, еще и запугивают его, формируют представления о враждебности людей.

- Мой папа говорил мне: «Все люди сволочи, ты, Маша, бойся!» - рассказывала одна женщина. И долгое время она так и жила в этих представлениях опасности, враждебности людей.

Мы передаем детям не только представления о том, кто такие люди, какие они, мы учим еще и тому, как надо относиться к людям. И учим детей именно нашим реальным отношением к людям.

- Надо жить мирно, - говорю я ребенку, - надо дружить...

Но сама ссорюсь с мужем или рассказываю в присутствии ребенка о ссоре с подругой или начальницей. И ребенок испытывает настоящее недоумение - чему верить?

Обсуждая дома своих соседей, сотрудников или родственников, я учу ребенка тому, что других надо обсуждать, осуждать, высмеивать, ругать. И опять ребенок недоумеет: надо других обсуждать и ругать или все же дружить и жить мирно? Но практическое действие мамы и папы, их реальное поведение всегда важнее, чем то, что они говорят.

Помните, что дети ваши будут обходиться с вами так же, как вы обходитесь со своими родителями.

Фалес

Сравнивая наших детей с другими детьми - с детьми соседей, друзей, с одноклассниками, с нашими старшими детьми, мы учим тому, что другие люди всегда лучше ребенка.

- У Марьи Степановны какой хороший сын, он как ты дотемна по улице не бегаешь!

- Посмотри на Катю Иванову, она не то что ты, у нее ни одной тройки в четверти, а она еще в музыкальную школу ходит и маме помогает...

Мы не говорим, что каждый человек уникален и хорош чем-то своим, поэтому надо уважать всех людей, и себя в том числе.

Мы говорим - люди важные, но не говорим, что ты - тоже «люди», поэтому ты тоже важный, и тебе надо слушать себя, доверять себе.

Любить - значит перестать сравнивать.

Бернар Грассе

Мы учим, что надо бояться того, что скажут о тебе другие люди. Что их мнения, оценки, отношения очень важны. Но - рассказываем ли мы, что твое собственное мнение, суждение, отношение к чему-либо - тоже очень важно?

Мы рассказываем детям, что люди - плохие, что они совершают плохие поступки. Что от них можно ждать всякого. Поэтому не надо им доверять. Но рассказываем ли мы, что все люди хорошие и добрые, просто они иногда плохо себя ведут, потому что их что-то мучает?

Рассказываем ли мы, что отношение людей к тебе всегда отражает твое отношение к ним. И если ты хочешь, чтобы люди тебя уважали и ценили - надо сначала уважать и ценить их.

Говорим ли мы нашим детям, что они обязательно (а это непереносимое условие!) должны ценить и уважать самих себя, иначе никто не будет уважать и ценить их.

Если цель нашего воспитания - транслировать ребенку знания и представления о мире, то транслировать надо нормальные знания и представления. А для этого надо изменить очень многие представления.

Поэтому нам самим надо учиться ценить самих себя, а не только других людей. Надо начинать слушать себя, уважать свое мнение, а не ориентироваться только на оценку других людей.

Надо соответствовать тем позитивным представлениям о людях, которые мы должны передать ребенку. Надо быть образцами таких людей.

Надо практически так относиться к людям, чтобы ребенок видел это нормальное, доброжелательное, мирное взаимодействие.

Представление о поле

Ребенок постепенно начинает осознавать половое различие. Сначала, общаясь со сверстниками, он делит их на мальчиков и девочек по внешним признакам. Девочки - это те, кто ходит в платьях, мальчики - те, кто в штанах. Мальчики с короткими волосами, девочки - с косичками и бантиками.

Иногда ребенок делает выводы о поле по реакции взрослых на ребенка. Как удивилась я однажды, когда на вопрос, дружит ли он в саду с девочками, он ответил, что не дружит, тогда как я знала, что он дружит с Настей Ивановой.

- Но ты ведь дружишь с Ивановой? - спросила я его.

- Дружу с Ивановой, - ответил внук.

- Значит, ты дружишь с девочкой.

- Иванова - мальчик! - серьезно сказал мне внук, и я не смогла не засмеяться от удивления.

- Почему мальчик? - спросила я его. - Почему Настя Иванова - мальчик?

- Иванова - мальчик, - так же уверенно сказал мне внук. И добавил совсем уже неожиданное: - А вот Настя - девочка!

Постепенно, я выяснила, что строго звучащее в устах воспитателя «Иванова!» ребенок воспринимал как мужской род. А «Настя» - это была, конечно же, девочка! Так и возникло его восприятие одного ребенка и девочкой и мальчиком!

Рассказав дочери о том, что ее сын пока не понимает отличий мальчика от девочки, мы решили рассказать ему об этих отличиях. Дочь объяснила, чем отличаются мальчики и девочки, закончив свой рассказ словами:

- Поэтому ты, папа, - это мальчики. А я - девочка. И Маруся - девочка...

После этих слов внук с сомнением посмотрел на меня. В его голову не совсем еще укладывалась эта информация. Не укладывалась я в описанный мамой образ девочки - платьица, косички, отсутствие пениса. Поскольку обнаженной он меня не видел и не знал, есть ли у меня пенис, а платьица я носила редко, предпочитая джинсы, то мой пол вызвал у него сомнение.

- Да, Маруся, - сказал он после паузы. - Ты, конечно, не мальчик. Но ты, Маруся, конечно, и не девочка...

Так я и осталась для внука на какое-то время существом непонятного пола.

Из общения с родителями, с родственниками и складывается у ребенка картинка - что такое мужчина и женщина. Рассматривая родителей, их поведение, дети начинают понимать, что такое женщина, что такое мужчина. Чем отличается мужчина от женщины. Как они себя ведут. Как себя с ними вести.

- У меня папы не было, он погиб еще до моего рождения, - рассказывала одна пожилая женщина. - Я вообще не знала, что такое мужчина в семье. И вообще что такое мужчина. Я ходила в женскую школу, общалась только с девочками. И когда объединили женскую и мужскую гимназии, и мы начали учиться с мальчиками - мальчики в школе казались мне просто непонятными существами, я их не понимала, не умела даже с ними разговаривать, не

знала - как и о чем с ними можно говорить. Просто терялась, когда ко мне подходил мальчик...

Ребенок, осознавая, что такое быть мужчиной или женщиной, начинает осознавать себя самого - будущего мужчину, будущую женщину. Он как бы примеривает на себя эту роль, видя перед собой пример мужчины или женщины.

Девочке нужен женский пример, образец для ощущения себя женщиной. Мама - тот первый образец, с которого она берет пример, по которому она делает выводы, что такое женщина, что делает и чего не делает женщина. Как женщина одевается, какая у нее осанка, какая походка. Что женщина позволяет по отношению к себе, а чего не позволяет. Уже в маленькой девочке проглядывается будущая женщина, если мама является хорошим образцом женственности. Если мама понимает, как важно для девочки представление о том, что такое быть женщиной.

Однажды, когда моей дочери исполнялось три года, мы с моей подругой зашли в магазин, чтобы купить ей красивую куклу. Но красивой куклы в магазине просто не оказалось. И выбор кукол в то время был ограничен, и похожи они были одна на другую. Но главное, что нас просто удивило, одеты все эти куклы были совершенно безвкусно, как ни одна нормальная женщина не оделась бы. Аляповатые платья, не подходящие к ним по цвету носочки и туфельки. Чувствовалось, что люди, которые их одевали, меньше всего думали о воспитании эстетического вкуса, вообще о вкусе.

- Девушка, - обратилась к продавщице моя подруга, - а давайте мы вот с этой куклы носочки на эту переоденем, а то, согласитесь, - ну совсем они по цвету не подходят!

Продавщица посмотрела на нас как на умалишенных: еще никто, видно, при покупке куклы не обращал внимания на такие мелочи и не требовал переодеть носочки... Но она махнула нам рукой, переодевайте, мол...

- А давайте еще вот с той куклы туфельки зеленые снимем и на эти красные поменяем, а то они тут совсем ни к чему... - сказала подруга.

Тут уж продавщица, что называется, чуть в обморок не упала и, тяжело вздохнув, сказала нам возмущенно:

- Вы чего выдумываете! Мы что, будем тут эту куклу переодевать, со всех кукол что-то снимать!

- Да, конечно, - убежденно сказала подруга, - именно это мы с вами и сделаем! Ну, сами посмотрите, разве можно девочке, - *девочке!* - подчеркнула она, - будущей женщине дарить так безвкусно одетую куклу! Ну как же эта девочка научится правильно одеваться, быть красивой, когда ее кукла так уродливо одета!

Продавщица хотела что-то еще сказать, но подруга так же убежденно продолжила:

- Ну вот вы сами, ведь, конечно же, не захотели бы своей дочери подарить так безвкусно одетую куклу! Ведь это же девочка. *Девочка!* Мы, взрослые женщины, должны ей показать пример!

Продавщица, которая об этом, видно, никогда не задумывалась, тоже вдруг почувствовала себя женщиной - образцом для примера, и не только милостиво разрешила нам переодеть куклу, но и активно начала помогать нам, снимая с полок куклы, предлагая попробовать к этому платью надеть этот фартучек, заменить ленту на волосах куклы на ленту другого цвета. В итоге мы получили красивую, со вкусом одетую куклу - маленькую модель женщины, образец для моей дочери!

Для того чтобы сформировать образ себя, будущей женщины, девочке и нужны такие разные женские примеры. Но ей очень нужны еще для подтверждения себя в этой женской роли оценки мужчины.

Папа - это первый мужчина в ее жизни, чье мнение о ней, будущей женщине, значимо и ценно. Первый мужчина, который своим отношением к ней скажет, хороша она или плоха, красива или некрасива, чего она достойна. Восхищенное папино: «Какая у нас дочь растет! Какая ладная девочка получилась... Ты у нас красавица...» или: «На кого ты похожа! Кому ты такая нужна...» - окажет сильнейшее влияние на формирование образа будущей

женщины.

Как бы мама ни старалась воспитывать девочку будущей женщиной, если не будет позитивной, высокой мужской оценки будущей женщины, этот образ будет сформирован с перекосом в неуверенность, комплексы. Поэтому для правильного формирования образа будущей женщины нужно позаботиться о наличии такой мужской позитивной оценки девочки, ее внешности, поведения. В неполной семье эту роль на себя может взять дядя, дедушка, друг, близкий семье мужчина, который оценит ее как маленькую женщину.

Чтобы мальчик рос мужчиной, ему нужен образец мужчины в семье, на который он мог бы равняться. Он должен знать, что такое *быть* мужчиной, чтобы научиться *им быть*. И дети всматриваются в мужчин, пытаются им подражать, перенимать какие-то их повадки, привычки.

Однажды я заметила, как внук, сидя со взрослыми за столом, услышав фразу одного из мужчин: «Ну, этот острый соус только для настоящих мужчин!» - тут же полез макать в этот соус кусок мяса, как бы подтверждая для всех и для самого себя, что он, конечно же, тоже настоящий мужчина!

Быть мужчиной, быть настоящим мужчиной - очень важно для каждого мальчика. Поэтому так и стараются они научиться мужскому поведению. И как жаль, что так мало в современной жизни образцов мужской достоинства, образцов достойного поведения настоящего мужчины! Иногда дети думают, что мужчина - это тот, кто грубо разговаривает, ругается матом, курит и пьет. Это, мол, и есть настоящие мужские черты.

Не надобно другого образца, когда в глазах пример отца.

Александр Грибоедов

Чтобы научиться быть мужчиной, ощутить себя мужчиной, очень важно отношение женщин к ним. Отношение мамы, сестры, бабушки.

- Смотри, какой парень у нас растет, загляденье! - говорит мама папе, и для сына это лучшее подтверждение, что с ним все в порядке.

- Как хорошо, что у нас растет настоящий мужчина! - говорит старшая сестра, и мальчик чувствует себя действительно настоящим мужчиной.

- Ну, какой мужик у нас растет! Ну, девки, берегись! - говорит бабушка.

И эти оценки взрослых женщин утверждают мальчика в уверенности, что он вырастет настоящим, способным нравиться женщинам мужчиной.

Это оценки, поддерживающие уверенность мальчика в том, что он растет сильным, красивым мужчиной - помогут ему действительно чувствовать себя настоящим, достойным мужчиной.

Находясь на отдыхе в маленьком южном городке и снимая комнату у пожилой женщины, я наблюдала ее внука, юношу, который после девятого класса приехал к бабушке, чтобы жить у нее и учиться в городе, где она жила. Меня поразило ощущение в нем мужской силы, какой-то ответственности, взрослости, которое, к сожалению, так редко встречается сейчас даже у взрослых мужчин. И так неожиданно это было в мальчике! Он чувствовал себя мужчиной. Он себя им проявлял. Он вел себя по-мужски. Я рядом с ним всегда ощущала себя просто слабой женщиной.

- Так, что это у нас холодильник так стучит? - говорил он, выходя на кухню, где я готовила, и по-хозяйски начинал его осматривать, ставить так, чтобы он не стучал.

Видя, как я выхожу во двор, чтобы повесить белье, он брал у меня таз с бельем и нес его, хотя я его об этом и не просила. Он просто сам подхватывал все дела, где мог проявиться как мужчина. И это было так приятно. И как здорово это помогала ему ощутить в себе бабушка!

- Гена, нужна твоя мужская помощь! - кричала она ему. - Надо лампочку вкрутить!

И внук приходил и вкручивал лампочку, которую и сама бабушка могла вкрутить, просто встав на стул, но она звала на помощь мужчину.

- Гена, пора поливать огород, надо шланг доставать... - слышался ее голос. И Гена шел и делал все, что она просила.

- У меня муж умер, мужика давно в доме не было, - говорила она мне в присутствии внука. - А сейчас у меня мужик в доме появился! - И парень знал, что он - мужик!

Детям нужно два образца для подражания: для получения полноценной информации и формирования своего *полноценного* образа будущей женщины или будущего мужчины. И если семья неполная, то нужен кто-то, кто сыграет эту роль в жизни ребенка. Об этом надо знать, об этом надо позаботиться.

И нам надо помнить, что каждый из нас - образец, с которого срисовывает себя ребенок. Образец для будущего мужчины и будущей женщины. Может быть, пришла пора посмотреть на себя со стороны - какие мы образцы. Задуматься, какие мужчины и женщины вырастут рядом с нами.

Мы передаем детям информацию не только о том, как должны выглядеть, поступать, мужчина и женщина. Мы учим детей тому, какую ответственность должны брать на себя мужчина и женщина, насколько свободны они могут быть.

Мы формируем представления о роли мужчины и женщины, об их месте в жизни, их обязанностях, их долгах, об их правах и свободах.

«Иди отсюда, не суй нос - это не женское дело...» Или: «Все равно родишь и будешь с ребенком возиться, зачем тебе эта учеба...» - говорят девочке. Так формируется ее картина о месте женщины.

«Мужу это не понравится... Муж это не разрешит...» - слышит девочка и узнает, что мужчина - главный, который будет ей потом что-то разрешать или не разрешать. И женщина должна все делать так, чтобы нравилось мужу.

Еще до вступления в брак, еще в детстве мы формируем эти представления - об отношениях мужчины и женщины, их роли в жизни друг друга.

Моя подруга рассказала о поразительной ситуации, которую она наблюдала в купе поезда. Ехала семья - мама, папа и маленькая дочка. Родители объясняли ребенку, что такое знаки зодиака, какие они бывают, какие бывают стихии. Выяснилось, что папа у них - Земля, дочь - Огонь, а мама - Вода.

- Знаешь, что это значит? - сказала мама дочери. - Это значит, что я - Вода! - могу залить и погасить тебя. А из папы я вообще могу сделать грязь...

Без комментариев...

Представление о семье и браке

На протяжении всего пребывания ребенка рядом с нами, в нашей семье мы формируем его представление о том, что такое семья. И какие только представления мы не формируем!

Проводя в первых классах школы тестирование, я часто просила детей нарисовать рисунок под названием «Моя семья». Именно в рисунке ребенок наиболее ярко выражает, показывает свое представление о семье, картинку того, что происходит в его семье. И каких только картинок я не видела!

Мама, моющая посуду, нарисованная в одном углу листа. Папа, читающий газету - в другом углу листа. Ребенок - в центре - маленький и одинокий. Чувство оторванности, душевной отдаленности каждого человека. И таких рисунков - подавляющее большинство.

Большая, мощная мама на полстраницы. Маленький, в рост ребенка папа. Ребенок, который жмет к бабушке, стоящей с ним в стороне от родителей.

Собака - на весь лист. Или кошка. Или попугай. Это его семья. Так он чувствует. И как много таких «семей» у детей! И на мой вопрос: «А где же родители?» - дети отвечают одно и то же: «Мама на работе. Папа на работе». Кошка или попугай - вот те его члены семьи, которые всегда с ним!

И так мало рисунков, отражающих «нормальную», классическую картинку семьи: где три человека - мама, папа и ребенок стоят рядом. Они держатся за руки. Ребенок - в центре, между родителями, защищенный ими с двух сторон. В близости и безопасности.

Это отражает нужную ребенку реальность. Потому что ребенку нужны два родителя для чувства полной защищенности - он в середине! - в жизни. Ему нужны два родителя - для полной и правильной идентификации себя. Для полноценной картинки того, что такое семья,

отношения в семье.

Для детей представления и выводы, сделанные на основании собственных семей, становятся неким образцом, примером, моделью их будущей семьи. То, что они видят, они принимают за норму. Откуда им знать, что бывает по-другому? Потом они узнают, получают и другую информацию - наблюдая семьи соседей, одноклассников. Но вся первоначальная, самая важная информация закладывается именно в собственной семье.

В ней, наблюдая отношения между родителями, ребенок учится тому - что такое отношения. Как мужчина может относиться к женщине. Как женщина относится к мужчине. В собственной семье ребенок получает представления, из-за чего надо ссориться, какие претензии предъявлять друг к другу, как вести себя в конфликтах. В ней ребенок знакомится с тем, какие обязанности есть в семье у мужчины и женщины, как распределены роли. Что должен делать для семьи мужчина. Что должна делать женщина.

- По каким правилам живет ваша семья? - спрашиваю я родителей на тренинге. И вижу недоумение на их лицах. Но именно эти правила и закладывают в понимание ребенка картину того, что такое семья, как в ней распределены роли, что можно и что нельзя, что нормально, в каких отношениях нужно находиться.

Вот как один ребенок описал правила своей семьи, распределение в ней ролей и обязанностей: «В моей семье четыре человека. Я, мама, папа и бабушка. Утром я встаю и ем завтрак, его готовит бабушка. Потом мы все уходим, а бабушка убирает за нами грязную посуду. Я прихожу из школы, и бабушка кормит меня обедом, потом я играю, потом мы с бабушкой делаем уроки. Потом приходит уставшая мама, потом приходит сердитый папа. Они со мной не играют, им не до меня. Потом мама делает что-то по хозяйству, а папа отдыхает. Мама дает папе деньги, чтобы он купил продукты. Мама говорит бабушке, что готовить. Мама ругает бабушку, что та не так приготовила. Бабушка обижается, говорит - вам не угодишь».

Какие представления о семье есть у этого ребенка? Все решает мама. Родителям не до него. Все обязанности по дому лежат на бабушке. И делает заключение, что можно быть неблагодарным к людям, которые о тебе заботятся.

Вот так, просто живя в семье, ребенок и формирует некое представление о том, что это такое, насколько это хорошо. Надо ли к этому стремиться, или - надо этого избегать.

Отсюда ребенок и узнает о чувстве долга, об ответственности, о браке и семье - как несвободе, обязательствах, контроле друг над другом. Из семейной жизни родителей ребенок может сделать выводы о трудности совместного проживания мужчины и женщины, о трудностях взаимопонимания. В семье, от родителей он получает информацию о том, что такое любовь - есть ли она вообще? Как долго длится? Как быстро кончается? Как она незначима, по сравнению с материальными вещами: «одной любовью сыт не будешь», «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда...»

Даже когда дети вырастают, создают свои собственные семьи, их «знающие» родители продолжают учить их жить по старым правилам, существовавшим в их семьях.

- Почему ты ему стираешь носки, не балуй мужика.
- А почему твоя жена не сразу посуду моет, а накапливает...
- Ты ему все не рассказывай, будь хитрее.
- Сынок, все деньги жене не отдавай, этим бабам никогда не хватит.

И неважно, что молодые супруги сами чувствуют, знают, что им важнее заниматься любовью, а потом мыть посуду, что так приятно стирать для любимого, что хочется не только деньги - всего себя отдать любимому человеку... Родители стараются передать им свою правду.

Дети часто не получают правильных, полноценных представлений о том, какой должна быть нормальная семья, потому что его родители действительно много работают, потому что много сейчас неполных семей, где женщина должна выполнять, играть материнскую и отцовскую роль в воспитании. Она должна быть мамой, она же должна быть и папой.

И эти две разные роли - быть мягкой, доброй, принимающей, принимающей - и быть

оценивающей, контролирующей - устанавливающей границы и запреты - она не может играть одинаково хорошо. И сам ребенок иногда не знает, кто перед ним - мама или папа. Нестабильность перехода из роли в роль отражается и на стабильности самого ребенка.

Осознавая «неправильность» неполной семьи для ребенка, многие мамы стараются любой ценой сохранить семью, терпят иногда ради этого унижения, плохое обращение с собой.

- Я только ради детей это терплю - у ребенка должен быть отец... - чаще всего говорят такие женщины.

Детям действительно нужен отец. Но отец - это человек, который уважает и ценит детей и их мать, заботится о них, о семье, ограждает от опасностей, защищает их. Отец - это опора, надежность, сила. Такой образец отца должны видеть дети.

И не должны видеть пример, образец недостойного обращения с женщиной, образец безответственности, жестокости. Дети не должны видеть ущербные, конфликтные отношения, потому что именно с этих отношений срисовывают они модель своих будущих семейных отношений. Но разве этого мы хотим? Разве хотим мы, чтобы они повторили наши жизни?

Именно в конфликтных отношениях у ребенка формируется представление о семье как о чем-то плохом, тяжелом, страшном, в чем людям плохо, тяжело. Потом - во взрослой жизни - он будет испытывать неосознанный страх отношений, боязнь близости, избегание брака, семьи.

Реальность нашей жизни такова, что большинство семей, никем не наученные строить нормальные отношения, проходят этап конфликтов, сложностей. Поэтому ребенок, живущий в «нормальной» семье, проходит этап знакомства с тем, что семья, отношения - это очень сложно, иногда мучительно, иногда тяжело.

Семилетняя девочка, живущая в такой вот конфликтной семье, где родители постоянно находятся в состоянии нестабильности, конфронтации, ссор, сказала мне однажды:

- Я никогда в жизни замуж не выйду!

- Да ладно тебе, - сказала я, - вот вырастешь, влюбится в тебя какой-нибудь мальчик, и захочешь ты за него выйти замуж!

- Я этому мальчику сразу кулаком в морду дам, чтобы не влюблялся! - с поразившей меня ненавистью сказала она.

И я, пораженная этой ненавистью, такой дикой в устах милой маленькой девочки, сказала мирно:

- Но ты вырастешь, сама влюбишься...

- Да я сама себе в морду дам, чтобы не влюблялась! - прервала она меня.

И я - не знала, что ей ответить! И подумала только - как ужасно, что дети находятся в этих ситуациях конфликта. Как страшно, что иногда родители осознанно втягивают детей в эти ситуации, формируют образ врага в партнере другого пола. Формируют негативный образ самих отношений, брака, семьи.

Родители, которые понимают, что ребенок не должен видеть их конфликты, хотят скрыть ссоры, но ребенок их все равно чувствует. Чувствует напряженные интонации, видит напряженные лица, взгляды.

Но пытаясь это спрятать, мы формируем еще одно плохое, с тяжелыми последствиями для взрослой жизни ребенка представление, что о чувствах нужно не говорить, что нужно прятать плохие эмоции, держать в себе переживания, оставаясь с ними наедине.

Нам, взрослым людям, нужно самим учиться и учиться строить отношения, принимать другого человека, искать и находить с ним общий язык. Нам нужно учиться открытости, доверию друг к другу. Иначе как наши дети узнают, что отношения между мужчиной и женщиной - прекрасны! Что они дают близость и защищенность. Что нет ничего важнее любви и взаимопонимания. Что семья в жизни каждого человека - как основа, оплот, место, где тебя всегда ждут и любят. Как они об этом узнают - если мы не покажем им этого?!

Глядя на нас, своих родителей, дети узнают еще одну очень-очень важную вещь. Они

узнают - что такое мама и папа. Что такое родители. Что такое - быть родителем.

И если мама иногда для них - это вечно недовольная, орущая женщина, дергающая, шлепающая, критикующая, то такой мамой, вероятнее всего, и станут выросшие девочки. И если папа - это какое-то отстраненное, погруженное в работу существо или жесткий, критикующий человек - дети возьмут для подражания эту модель.

- Не хочу два папы, - сказал один мальчик маме, которая сообщила ему, что скоро она выйдет замуж, и у него, кроме его родного папы, появится еще один папа. - Не хочу два папы, - повторил он. - Надо мной теперь два папы будут издеваться...

Однажды я наблюдала удивительную сцену. В вагон метро вошла мама с девочкой лет шести, они сели напротив меня. И так хороша была эта пара, что я ими залюбовалась. Красивая молодая мама, в шляпе, с распущенными волосами. Девочка - тоже с распущенными волосами, в нежных кудряшках, в вязанной шапочке с полями, которые она постоянно поправляла, глядя на маму, чтобы, как у мамы - поля у шляпы стояли. И их профили были похожи, только у девочки он был нежнее, мягче, у мамы - более резкий, жесткий. И была эта славная девочка такой милой копией мамы, что я невольно улыбнулась.

Но вот девочка, пытаясь расстегнуть курточку, дернула больше, чем нужно, за молнию - и молния разошлась. И мама в мгновение превратилась в какое-то жуткое существо с перекошенным лицом и рванула девочку к себе, поставив ее перед собой, и начала дергать ее за эту молнию, и говорила ей что-то злое, с ненавистью глядя ей в глаза. И говорила, и говорила, и дергала ее куртку и саму девочку. И девочка эта, поникшая сразу, сжавшаяся в комок, молча переносила эти рывки. Потом, отпущенная мамой, села рядом. И поля у шапочки поправила. И слезинку вытерла. И застыла, как каменное изваяние. А я, снова увидев ее профиль, - поразились, каким он стал жестким, похожим на мамин.

И подумала грустно: что узнала она сейчас о том, что такое мама, что такое - быть мамой...

Представление о сексе

Мы рассказываем нашим детям о мире и работе, об обязанностях и о деньгах. Мы вкладываем в их головы информацию обо всем - кроме одной сферы, информацию о которой мы держим под запретом. Об этом не принято говорить. Эта сфера - сфера сексуальных отношений - единственная, в которой такая передача опыта, своих убеждений - практически не происходит.

Самое удивительное, что родители, которые не говорят с ребенком о сексе, на самом деле все равно передают ему информацию об этой стороне отношений между мужчиной и женщиной. Само отношение к этой теме, ее тайность, запретность говорит ребенку о многом.

Что происходит между мужчиной и женщиной наедине - об этом нельзя говорить, это нельзя обсуждать. Этому занятию нет нормального названия. Само слово «секс» не говорит ни о чем. Это что-то тайное и стыдное - именно так понимают дети родительское молчание на эту тему.

Частям тела, которые участвуют в этом процессе, тоже нет никакого названия. А те слова, которые есть, - очень плохие слова, их нельзя говорить. Эти части тела нельзя трогать, рассматривать, показывать другим, рассматривать у других. Это что-то плохое, стыдное, неприличное.

- Еще раз увижу, что ты его руками трогаешь, отрежу и собакам выкину! - говорила одна «добрая» бабушка.

- Ну-ка, спрячь свои глупости! - говорила другая, не найдя иного слова, чтобы назвать эту часть тела. (Так и появляются эксгибиционизм и другие сексуальные отклонения у людей, которым в детстве просто не дали исследовать свое тело, поэтому и приходится во взрослом возрасте уделять ему столько внимания!)

Так и формируется у детей представление о неприличности, стыдности, даже «плохости» этого занятия. Поэтому их так влечет к этой информации: интересно все же узнать о запретном и плохом. Поэтому каждый ребенок рано или поздно столкнется с неким чувством вины, когда все же начнет интересоваться, заниматься своим телом, проявлять

интерес к телу другого человека, получать сексуальный опыт.

Все нормальные родители считают своим долгом как можно дольше уберегать ребенка от этого опыта, мешая его взрослению. Особенно, если продолжают считать его маленьким, неопытным, неприспособленным к жизни. Поэтому и не готовят его к нему. Не говорят с ним о сексе.

Но когда придет время говорить об этом - когда выросший ребенок вплотную подойдет к этому опыту? Когда войдет в этот опыт, абсолютно к нему не подготовленный? Или мы думаем, что он нас предупредит, когда начнет познавать эту сферу жизни? На что мы надеемся, когда молчим в ответ на детские вопросы, или откровенно врем им о капусте или аистах, или обрываем: «Мал ты еще, лучше бы уроки хорошо делал...»

Иногда мы все же передаем информацию об этой сфере напрямую, рассказывая детям (чаще всего девочкам!) о необходимости хранить чистоту, целомудренность. Поколения родителей передают информацию о ценности девственности - для девочек как одно из основных условий их счастливого брака, для мальчика - как одно из преимуществ женщины, мол, гуляй, с кем хочешь, но в жены ищи чистую. (Само это слово говорит о грязи того занятия, в котором теряют девственность!)

Сколько случаев поломанных жизней, трудных жизней с нелюбимым человеком встречала я в своей практике, когда люди изначально вступали в брак по одной причине: она потеряла девственность, он ее лишил девственности - они должны пожениться!

И ты только вдумайся - ее девственная плева, тонкая пленочка в ее теле была нарушена мужчиной, которого она иногда по молодости и неопытности и знать толком не знала, - но из-за этого надо жить вместе и мучить друг друга!

Мне рассказывала одна женщина, что ее мама внушила ей, что надо беречь себя, как зеницу ока, и ни за что, никогда, ни с кем, ничего себе не позволять. И когда она все же поцеловалась с парнем, то ощутила такое страшное чувство вины, что им осталось только пожениться. И - поженились.

Мы говорим детям напрямую еще и о том, что они не должны поддаваться чувствам, не должны идти у них на поводу, тем самым сводя на нет саму ценность чувств, значимость их истинности. Ведь только чувства, которые мы переживаем, и говорят нам правду - ум всегда интерпретирует, придумывает, ограничивает рамками условностей и правил. Именно чувства всегда выражают душевное состояние, выражают истинные потребности и желания. Но - все это неважно!

«Не теряй головы!» - какая мама не говорила это дочери, пытаясь научить ее контролировать себя и не поддаваться чувствам (но как с такой установкой эта девушка в будущем сможет испытать оргазм?!).

И опять - дети по нам, как по образцам, делают какие-то выводы об этой сфере. С желанием ли мама и папа уединяются, или для кого-то это - неприятная обязанность? С какими лицами родители выходят утром из спальни? Что происходит между ними в отношениях - прикосновения, взгляды, их интонации уже о многом говорят. Их упреки или обвинения, пренебрежение друг другом тоже о многом говорят ребенку.

Я помню, как поразила меня однажды ситуация, когда молоденькая девочка-девственница переспала с каким-то почти незнакомым ей парнем, чтобы не быть девственницей. Чтобы ее муж не говорил ей потом, как папа говорил маме: «Да ты никому не была нужна, раз мне целкой досталась!»

То, что мы точно делаем с нашими детьми - мы ограничиваем их сексуальность. Мы подавляем сексуальность, которая рано или поздно все равно проявляется в наших детях. Мы ставим так много запретов на самой теме, на проявлении интереса к теме, на проявлении сексуальности.

Но как может потом взрослый человек быть сексуальным, когда эта область запретна? Откуда возьмется свобода проявлений и раскованность, которая требуется в сексе, когда все закованы? Как сможет он отличить простое сексуальное влечение от истинных чувств, если никто с ним не говорил о том, как вообще все это бывает? Не говорил о любви и страсти, о

влечении и серьезных чувствах, о сексе как кульминации любви?

Мы просто обязаны, должны говорить с ребенком на эти темы.

Мы должны рассказать им о половых различиях. Мы должны рассказать им о том, как появляются дети. Мы должны позаботиться о нравственной стороне будущих сексуальных отношений наших детей: поговорить о любви, чистоте, верности. Мы должны предостеречь их от легкомысленных поступков, ненужных связей, рассказав о возможных последствиях сексуальных отношений, о возможных заболеваниях, способах предохранения от них. Мы должны готовить наших детей к осознанному родительству, поэтому и необходимы разговоры о последствиях сексуальных отношений, об ответственности родителей перед детьми, о способах предохранения от беременности.

И мы должны - обязаны! - сами быть счастливыми, удовлетворенными в этой сфере.

Наши счастливые лица - лучшая информация, которую мы можем передать ребенку.

Представление о мире

- Ты будешь драться? - строго спросила я внука, пресекая его попытки подраться, побороться со мной. - Ты еще будешь драться? - возмутилась я.

- Буду! Давай! - радостно, со светлым лицом ответил он мне, поняв мои слова как приглашение, как предложение вместе, радостно - подраться!

Ребенок изначально не слышит в словах критики и неприятия. Он слышит в словах предложение совместной игры. Мир для него добр, и люди в этом мире добры. И все хотят с ним играть. И он сам открыт миру и людям.

Он подходит к людям с таким открытым лицом, распахнутым взглядом, он улыбается каждому человеку, потому что для него все - хорошие, все - часть его светлого мира. Он протягивает руку к тому, что хочет, и берет то, что хочет, и в ответ ему улыбаются.

Дети сразу и непринужденно осваиваются со счастьем, ибо они сами по природе своей - радость и счастье.

Виктор Гюго

Ребенок не сомневается в том, что весь этот мир - для него. И его уверенность срабатывает - ему постоянно что-то дают. Его угощают яблоком, апельсином или конфетой. Люди сами хотят ему что-то дать - ни за что, не за то, что он что-то хорошее сделал, чего-то достиг. Просто потому, что он такой. Радостный, открытый, светлый человечек.

И он мог бы так и жить - в позитивном отношении к миру, в ощущении себя хозяином этого мира, - если бы мы, взрослые, не рассказали ему, что все вокруг устроено совсем не так. Что не так уж добр этот мир. Не так уж справедлив. Что все - наоборот!

Закладка представлений ребенка о мире, в который он попадает при рождении, начинается еще во внутриутробном возрасте. Отношение мамы к миру, вибрации ее мыслей, чувства, которые она переживает, создают у ребенка либо радостное ожидание выхода в добрый мир, где его ждут, либо ребенок уже напряжен, как и мама, в напряженном теле которой он находится, и уже боится этого мира, и полон тревожных ожиданий, как она или люди, которые ее окружают.

Я хорошо помню, как дочь, которая ждала появления своего сына, положив руки на живот, разговаривала с ним, рассказывая ему, как тут интересно, как здорово ему будет, когда он явится в этот мир, о том, как мы все ждем его. Она рассказывала ему о мире, о людях, которые его ждут. И он всегда в такие мгновения замирал, как бы слушая ее. А он действительно слушал ее! И слушал вечерами музыку, которую она ставила специально для него, красивую, плавную музыку для малышей. И потом, уже родившись, услышав ее однажды, он просто замер и лежал так, молчком, слушая. И мы поняли - он ее узнал...

Если родители не запугивают ребенка еще до его рождения, он выходит в этот мир смело - как в *свой*, добрый мир, для него предназначенный, в котором он - хозяин.

И если взрослые разрешают ему свободное исследование мира - мир ребенка наполняется красками, запахами, цветом, вкусом. Мир становится ярким, живым, интересным, колоритным. Если родители еще и поощряют его интерес к миру, побуждая его к знакомству с ним, к исследованию его, ребенок становится смелым, самостоятельным. Он

чувствует себя уверенно в мире, который его окружает. И ощущает окружающий мир добрым, принимающим его.

Но родители, которые все знают, знают об опасности этого мира, о микробах и болезнях, о ямах и углах, как могут они позволить ребенку свободно исследовать мир?

Родители, с их тревожными и часто негативными представлениями об опасном мире, в котором детей воруют, насилюют маньяки, расчлениают на органы, - как могут они отпустить ребенка в этот страшный мир?

И начинаются ограничения. Туда не ходи. Сюда не ходи. Там страшно. Там опасно. Там Баба Яга. Там Кошей Бессмертный. Там - Бабайка, или Бабай! (Никто его, правда, не видел, и кто это такой - никто не знает! Это то, чем просто пугают детей, чтобы отбить их интерес к свободному исследованию мира!)

Так ребенок и узнает, что мир, который его окружает, - враждебный и страшный.

Если родители все же позволяют ребенку свободное перемещение в новом для него мире, следя при этом на расстоянии за его безопасностью, и говоря ему «нет», «нельзя» только в случае необходимости - у этого ребенка будет формироваться чувство уверенности, свободы, независимости, интереса к окружающему миру. Ребенок будет чувствовать себя в нем хозяином. И это модель его будущего поведения в жизни.

Если родительские запреты редки, разумны и появляются в ситуациях, в которых они действительно необходимы, - ребенок постепенно привыкает к тому, что есть ограничения в общении с предметами, которые могут быть опасны, но сохраняет при этом свободу и уверенность. И мир остается добрым, не опасным.

Так начинается закладка представления о мире - из первого опыта исследования мира. Потом мы продолжаем по каплям, по крупицам вкладывать в ребенка знания о мире.

- Вот в детском саду-то так не побалуешься... Постоишь там в углу...

- Подожди, пойдешь в школу, там с тобой быстро разберутся... Там тебе покажут...

Как-то незаметно для нас самих мы даем ребенку представление о враждебности мира. О его опасности. В этом нам очень помогают средства массовой информации, телевидение, где с каждого канала звучит информация о сложностях, опасностях этого мира.

Современные дети получают поток негативной информации о мире из агрессивных компьютерных игр, из ужасных даже по своему изобразительному ряду (не говоря уже о содержании!) мультфильмов. (Интересно, показывают ли их изготовители свою продукцию своим детям?!)

Я заметила, как изменилось отношение моего внука к миру, когда он начал смотреть мультфильмы, начал играть в простейшие компьютерные игры. До этого в наших совместных играх, когда мы играли в машинки - все были друзья.

- Друг, - говорил он, обращаясь к моей машинке, - догоняй меня... Друг, смотри, как я быстро еду.

И когда мы играли в солдатиков или разыгрывали сценки, держа в руках человечков, звучало все то же:

- Друг, держи меня... Друг, не падай, сейчас я тебя подниму...

Как-то, вернувшись из гостей, где он наигрался вволю в компьютерную игру, он, играя со мной, начал «убивать» моего солдатика и на мое: «Зачем ты убиваешь, он же хороший!» - ответил уверенно:

- Он плохой. Он не наш. А не наших надо убивать.

Он уже узнал о делении людей на «наших» и «не наших» и о том, что «не наших» надо обязательно убить. И меня поразило, как быстро он об этом узнал и принял это за правду.

Чуть позднее я наблюдала в поезде, как две очаровательные девочки трех и семи лет играли в игрушки. Куклы, мягкие игрушки, телепузики взаимодействовали в этой игре вместе, пока одна из девочек, положив телепузика на подушку, не сказала:

- Давай его убьем!

И они вдвоем стали убивать, забивать телепузика остальными игрушками.

Я, потрясенная этой сценой, даже слова не могла промолвить.

Другая девочка предложила:

- А давай убьем зайку!

И они убили, забили зайку. И уже приготовились убивать мишку, как я с отчаянием крикнула:

- Зачем же вы их убиваете?

- Они плохие, - ответила одна из них. И добавила категорично: - Плохих надо убивать!

Чуть позже, когда родители дали им альбом и фломастеры и дети начали рисовать, ситуация повторилась, пожалуй, стала еще страшнее.

- Смотри, какой он страшный, смотри, он кусается! Смотри, сколько крови! Смотри, сколько крови! - приговаривала одна девочка, и вторая, оставив свой рисунок, начала помогать ей рисовать на листе разводы - потоки крови. Потом вернулась к своему листу, на котором рисовала какого-то страшила и тоже приговаривала при этом:

- Он сейчас тебя убьет! Смотри, какие у него зубы! Смотри, какой он страшный!...

Я, пораженная, смотрела на их рисунки, слушала их слова, полные неприкрытой агрессии, и думала: откуда в таких маленьких детях столько агрессии, ненависти? И как вообще противоестественны такие проявления у маленьких и чистых детей! Но они - уже заряжены ими.

Я смотрела на их родителей, милых, интеллигентных людей, стоящих в проходе вагона и о чем-то спокойно разговаривающих. И думала: это даже не семья вложила в них. Эти дети просто растут в представлениях об этом мире как о мире насилия...

И к какой агрессии, к каким последствиям всех нас это приведет?

Представления, что мир зол, что мир полон опасностей, прочно живут в наших умах, как правда жизни. Мы сами живем этими представлениями и транслируем их нашим детям. И конца и края им не будет, пока мы их не отменим и не перестанем транслировать.

Мы живем представлениями, что этот мир ограничен и беден, что он не для всех, что в нем всегда чего-то не хватает, что он несправедлив. И эти представления мы тоже, даже не замечая этого, транслируем своим детям.

Однажды, находясь в лагере духовного творчества, который располагался в лесу, я стала свидетелем удивительного разговора.

- Неудачники мы с тобой, - говорил совсем еще нестарый мужчина своему пяти-шестилетнему внуку... - Нам с тобой вечно всего не хватает... Вчера нам обеда нормального не хватило... Так всегда в этом мире - кому-то все, кому-то ничего!... - сказал он обреченно.

Дедушка говорил это внуку, совершенно убежденный, что так оно и есть. Он, приведя ребенка в кухню на завтрак, застал полное отсутствие этого завтрака. Все уже кончилось.

И я, услышав его речь, остановилась: это же надо такое говорить ребенку! «Неудачники мы с тобой!... Так всегда в этом мире...» И на основании чего дедушка так убежденно транслировал ребенку эту информацию о себе и о нем самом, который до сих пор не знал, что он - неудачник, а теперь - будет знать! И о мире, как мире несправедливости, в котором кого-то обделяют!

Он сделал этот вывод на основании того, что им не хватило завтрака! Завтрака, который начинался с восьми утра и который всегда был изобильным и разнообразным! Меня всегда просто поражало, как можно это изобилие создавать в условиях леса, готовя пищу на костре!

Всегда на завтрак было два вида каш, и блинчики, и сгущенка, и варенье, и бутерброды с сыром и с маслом, и печенье, и вафли, и какао, и чай. И обед удивлял разнообразием - несколько видов салатов, несколько видов гарниров и огромный котел супа. И даже торты нескольких видов умудрялись делать работники этой импровизированной кухни в походных условиях!

И я, каждый раз приходя на кухню, испытывала такое удивительное ощущение изобилия мира! Доброты этого мира, заботы его обо мне, когда я, не думая о том, как мне самой приготовить пищу, могу прийти и выбрать себе разное, вкусное, пахнущее

дымком питание! И мне всегда всего хватало! Потому что я рано вставала и заставляла это удивительное изобилие. А бабушка, появившийся на завтрак в одиннадцатом часу или под конец обеда, - заставлял пустоту. И делал вывод: «Неудачники мы. Нам всегда не хватает! Так всегда в этом мире...»

Но именно так мы часто и делаем - мы рассказываем нашим детям о нехватке, о несправедливости. Но рассказываем ли мы им, что мир добр, и справедлив, и изобилует? Что тебе в нем всегда всего хватит, если ты будешь вовремя в нужном месте? Что этот мир - для тебя. Что ты - его хозяин?

Думаю, у многих, читающих эти строки, удивленно поднимаются брови: а что - это так?

К сожалению, их родители тоже не рассказали своим детям об этом...

Представление о жизни

Жизнь - трудна. Кто из нас не знает об этом? Это знание кажется нам таким верным, неизменным. Действительно - какой еще может быть жизнь? Какой еще может быть жизнь у людей, живущих в убеждениях, что жизнь трудна? Ведь любое наше убеждение формирует реальность. Только трудной она и может быть.

Нам, когда мы сами были маленькими детьми, рассказали это родители, уже прожившие трудную жизнь. Это представление о жизни сделалось нашим убеждением, которое и стало создавать, творить нашу трудную жизнь. Теперь мы, имея опыт трудной жизни, рассказываем об этом нашим детям. Так как же она может стать легкой?!

Невольно присутствуя при разговорах взрослых, ребенок слышит расхожую фразу: «А кому сейчас легко?» - и узнает, что всем должно быть трудно, и это нормально. Всем должно быть трудно.

А родители еще и помогают создать это представление, говоря:

- Веселись, детка, радуйся, пока мал... Вот вырастешь - и начнутся трудности...

И на протяжении всей своей детской жизни ребенок только и слышит - трудиться надо, трудом надо зарабатывать. И это представление, что все должно даваться *тяжким* трудом, становится для него непреложной истиной.

- Н-да, ребенок пошел в первый класс - а ему уже компьютер покупают... - озабоченно заметил один человек, узнав, что мы к первому сентября решили купить ребенку компьютер.

И так явно читалось в этих словах: «Ну, не жирно ли будет? Такому маленькому, просто так, незаслуженно - и сразу компьютер!»

Но как же ребенок получит представление о жизни как о яркой, интересной, полной возможностей, подарков, радости? Ну не в тяжелом же труде, не в зарабатывании, отработывании возможности подарка! Какой же он тогда подарок, когда ты его отработываешь, как повинность?

Жизнь несправедлива. Это мы тоже хорошо знаем. Потому что когда-то нам это тоже рассказали наши родители. Правда, нам забыли рассказать, что жизнь - такая, какую ты сам творишь. Поэтому не на кого пенять и обвинять жизнь в несправедливости. Нечего искать виноватых в событиях, которые с тобой происходят. Есть только один творец твоей жизни - ты сам.

Но так привычен в нашем мышлении поиск виноватых! Так привычно обвинение кого-либо - жизни ли, не такого партнера, неблагодарных детей... А начинается все с первых месяцев жизни ребенка, когда родители показывают ему такой стиль отношения к жизни:

- Ах, он такой пол плохой - ударил нашего мальчика! Ах, он плохой. А мы сейчас по нему постучим, мы ему, полу, покажем, нашего мальчика обижать... - приговаривает бабушка. И мальчик узнает, что это пол виноват, а не он сам, который поторопился и на ножках не удержался!

И ребенку никто не объясняет, что есть законы Вселенной, согласно которым ты получаешь по делам твоим. Что все выпущенное тобой вернется к тебе, что действие равно противодействию.

Очень мало мы даем нашим детям представлений о жизни - как об увлекательном

творческом процессе, в котором ты сам творишь свою жизнь такой, какой хочешь ее видеть. В котором ты в первую очередь творишь сам себя и потом собой, как инструментом, создаешь в этой жизни все, что ты хочешь.

Возможности и изобилие.

Любовь, дружбу, поддержку.

Счастье. Успех.

Красивую, полную радости, легкую жизнь.

Представление о деньгах

Их представления о деньгах наивны и простодушны. Деньги - это какие-то бумажки, на которые можно все купить. И чем больше этих бумажек, тем лучше.

Мой пятилетний внук впервые начал общаться с деньгами, живя с нами в лагере духовного творчества. Он впервые получил в руки деньги, на которые самостоятельно покупал себе печенье или сок. Однажды, когда я покупала что-то для себя, мне не хватило десяти рублей. Увидев внука, гуляющего с детьми неподалеку, я попросила у него недостающие деньги. Чуть позже я дала ему сто рублей и сказала, чтобы он пошел к палатке, у которой был импровизированный рынок, и разменял деньги. Ребенок с радостью побежал выполнять поручение. Когда он вернулся, я забрала у него девяносто рублей, оставив ему десять рублей.

- Отдай мои деньги, Маруся! - громко и требовательно сказал он мне, и я рассмеялась, так смешна была его реакция.

- Дорогой, я отдала тебе твои деньги. Я же брала у тебя десять рублей, я тебе их и отдала. А эти деньги - мои!

- Отдай мне мои деньги! - так же требовательно сказал он, и я уже серьезно, спокойно начала объяснять ему, что его деньги я ему вернула. Но он был неумолим - у него в руках только что было столько бумажек, и теперь Маруся забрала их у него, оставив только одну бумажку!

Я еще раз спокойно и мирно объяснила ему, что каждая бумажка что-то значит. На этой написана цифра десять, это - десять рублей. Такую бумажку я у него взяла, когда мне ее не хватило для покупки. Такую я ему и вернула!

Но он не хотел слушать моих объяснений. Ему хотелось, чтобы у него было много таких бумажек.

- Очень, Марусенька, я вижу, ты деньги любишь! - сказал он мне на все мои объяснения. И рассказал всем, и друзьям, и родителям, что «Марусенька очень деньги любит» - у него деньги забрала и отдавать не хочет!

Для ребенка деньги - это сначала бумажки, которые всегда есть у родителей. Которые у родителей надо просить, и их дадут. Но мы быстро отучаем детей от этого простодушного, легкого отношения к деньгам. Мы, взрослые, торопимся объяснить детям, что это не просто бумажки, это - *деньги*. И их надо очень ценить, надо не выпускать их из рук, их надо зарабатывать - кровью и потом, надо много трудиться, чтобы их получить, потому что просто так тебе никто и ничего не даст. И ребенок, которому в его детской жизни именно так просто все и дают, сначала с трудом принимает эту информацию. Потом привыкает - раз все достается с большим трудом, трудно, значит так и нужно!

Мы, взрослые, научим детей тому, как обращаться с деньгами - считать и рассчитывать расходы.

Количество, счет, достоинство купюр, сумма денег, необходимая для покупки, необходимость откладывать или экономить, сожалеть о потраченных деньгах - обо всем этом мы расскажем.

Мы расскажем о том, какие деньги вредные, - все время кончаются. И как часто их не хватает. Мы создадим у наших детей тревожное отношение к деньгам (раз они все время кончаются и потом так долго не приходят!). Мы, люди старшего возраста, расскажем им, что деньги - грязные и опасные, что они (особенно большие деньги!) до добра не доводят. Что они портят людей.

Мы расскажем им, что надо экономить, что у нас в стране много не заработаешь (тем, кто все же зарабатывает, родители, наверное, забыли рассказать об этом!).

Мы расскажем им, что на себя не надо тратить, что ты - обойдешься! Что хотеть не вредно. Но хотеть много не надо. «Мало ли, что ты хочешь?» - кто из нас не говорил этого ребенку? Мы, привыкшие в своей жизни жить без излишков, не наученные планировать излишки, возмущенно объясним ребенку, что у него все уже есть, поэтому ему уже ничего не надо. Надо довольствоваться тем, что есть. («Зачем тебе эта машинка? У тебя уже есть машинка! Зачем тебе эта кукла - у тебя уже две куклы!») У тебя уже есть, довольствуйся малым!

А когда наши свободные и ценящие себя дети просят купить то, что у нас самих появилось недавно, - они нас бесят.

- Купите мне мобильный телефон! - просит ребенок.

И родители возмущаются:

- Ему только шесть лет, а он уже телефон требует!

Им надо, чтобы ребенок заслужил его, как они в детстве заслуживали десятку на день рождения или новую трехрублевую куклу. И хотя родители могут себе позволить купить этот телефон, сама мысль купить ребенку телефон просто так, ни за что, в шесть лет не укладывается в их головах.

Наши свободные смелые и масштабные дети от нас, ограниченных, рамочных взрослых, получают все ограничивающие представления в сфере денег.

Однажды утром, собирая ребенка в школу, дочь нашла у него в портфеле пятьдесят рублей. На ее просьбу рассказать, откуда у него деньги, он поведал ей историю, что дал однокласснику почитать свой новый журнал, за это и взял с него деньги!

- Но почему ты взял с него деньги? - удивилась дочь.

- Потому что это *мой* журнал, - объяснил ребенок. - Раз он его взял читать, он должен мне заплатить!

- Но разве с друзей надо брать деньги за чтение журнала? - спросила дочь.

И получила простодушный ответ:

- А я с друзей деньги не брал. Они бесплатно читали. А этот мальчик - не мой друг!

- Чего делать-то, мам? - говорила мне дочь днем за чаем. - Как не убить предпринимательскую жилку в ребенке, который хочет зарабатывать деньги? Ведь именно так начинал Кийосаки, другие богатые люди. Как это совместить с тем, что у нас это не принято: родителям детей, которым он будет давать читать журнал за деньги, это наверняка не понравится. И учительнице это не понравится - такой вот бизнес?...

Мы решили объяснить ребенку, что пока сами дети не зарабатывают денег, а живут на деньги родителей, брать с них деньги не надо.

Именно это дочь и объяснила ребенку, когда забирала его из школы. Но у ребенка была своя позиция: это его вещь, и раз он дает ею пользоваться, он должен получать плату!

- Хорошо, - сказала дочь, - но тогда пусть это будет совсем небольшая плата!

- А сколько я могу брать за это денег? - спросил ребенок.

- Ну, пятьдесят копеек, - сказала дочь. И тут же попросила: - Но вообще, дорогой, лучше бы ты этого не делал...

- Ладно, мама, - сказал он. Но, проходя мимо класса, в котором на продленке находились его одноклассники, крикнул им: - Ребята, у меня к вам завтра будет одно дело. Захватите с собой по пятьдесят копеек!...

Я после этой истории часто думала - как ограничиваем мы ребенка в его свободе получать, просить, создавать деньги. Как много границ и своих страхов, негативных представлений о деньгах мы вкладываем в детей.

Но рассказываем ли мы при этом, что деньги интересно и увлекательно зарабатывать? Что деньги могут приходить легко? Что деньги - это свобода и возможности, что они могут принести в жизнь много радости? Что надо не экономить, а просто много зарабатывать, чтобы на все хватало? Что надо обязательно вкладывать деньги в себя - ценного для себя

человека? Что когда ребенок вырастет, он обязательно сможет зарабатывать и получать от жизни много денег, которые помогут ему быть здоровым, учиться, творить, хорошо выглядеть, помогать другим?

Пришла пора рассказать и об этом!

Правила жизни

Они узнают эти правила постепенно, начиная с:

- Сиди спокойно!
- Мой руки перед едой!
- Не влезай, когда взрослые разговаривают!
- Молчи, пока у тебя не спросят...
- Что надо сказать? Скажи «спасибо»!

И дети принимают эти правила как данность. Просто - так вот надо делать. Так надо говорить. Надо - и все!

Однажды внук, вернувшись домой от бабушки, у которой гостил и которая все эти дни обучала его хорошим манерам, промаявшись над тарелкой с макаронами, поковыряв и почти не тронув котлету, отпущенный мной на волю, поднялся со стула и громко и четко сказал:

- Спасибо, было очень вкусно! Можно выйти из-за стола?

Я хохотала до слез, так неожиданны и противоестественны были его слова: сидел над едой почти с отвращением на лице, потом продекламировал, как робот, нужную фразу. И я, отсмеявшись, сказала:

- Любимый мой, никогда не говори неправды. Не говори того, чего ты не чувствуешь. Просто будь честным.

И подумала - не легко же быть ребенком, понимающим этот мир и узнающим его правила! Одна бабушка учит говорить правильные вещи, а другая бабушка учит их не говорить!

Большинство родителей учат детей именно правильным вещам, принятым правилам. И дети быстро усваивают эти правила, как норму. Мало того, хорошие, правильные дети - всегда знают эти правила.

В детском саду воспитательница, что называется, пытается четырехлетнего мальчика:

- Ты почему разлил компот! Что это такое! Что надо сказать?

И ребенок в полном недоумении молчит, низко опустив голову.

- Что надо сказать? - не отстает воспитательница. - Я тебя спрашиваю, что надо сказать?

И я, взрослый человек, слыша ее требовательный голос, на мгновение теряюсь - чего сказать-то надо? Действительно, чего она от ребенка хочет?!

- Надо сказать, - поучительно, с какой-то очень правильной интонацией сообщает девочка, - надо сказать: «Извините меня, Марина Петровна, я так больше не буду!»

И я чертыхаюсь внутри себя - действительно, вот чего надо сказать-то! И жалко мне этого затюканного мальчика, который плохо знает это правило: натворил чего - надо тут же сказать «извините» и пообещать, что больше этого не повторится!

Мы учим этим правилам. Если родители последовательны в своих требованиях - правила усваиваются быстро. Если сами родители непоследовательны или толком не объясняют, чего они хотят, ребенок находится в затруднении.

Я помню, как смеялись мы с дочкой сами над собой, поняв, что мы ребенка своей непоследовательностью ставим в тупик, объясняя ему разные правила.

Он, идя в сад, положил в карман комбинезона новую упаковку жвачки.

- Я буду всех в саду угощать, - сказал он гордо.

И мы в один голос, зная, что жвачку в сад приносить запрещено, сказали ему:

- Никого угощать не надо!

- Надо! - убежденно сказал ребенок. - Угощать других надо! - сказал он, искренне в это веря, наученный нами же, что надо всегда делиться с другими и угощать их тем, что у тебя есть.

- Не надо угощать! - почти хором сказали мы и расхохотались, увидев его лицо. Сказать, что на нем было недоумение, это ничего не сказать. Как говорится, у ребенка просто шарики за ролики заехали. Ну разве поймешь этих взрослых! То сами учат - угощай! То - не угощай!

Дети, действительно, вначале за чистую монету, за истину принимают то, что говорят взрослые. Потом, попадая в ситуацию такого вот несоответствия - то одно они говорят, то - другое, - начинают сомневаться во всех этих истинах. И перестают доверять родителям, которых, действительно не поймешь!

- Однажды, когда мне было лет пять, мама выгнала меня из дома, - рассказывал один мужчина. - Она сказала мне: «Мне такой сын не нужен! Собирай свои вещи и уходи!» И я взял свои игрушки, какие-то вещи и пошел к двери, чтобы уходить... И мама меня за это побила! За то, что я хотел уйти! И я долгое время думал: «Не поймешь этих взрослых! Сама же сказала - уходи! И за это же меня наказала!»

- Когда мы с мамой куда-то идем и нам нужно перейти на другую сторону дороги, - рассказывала одна девочка, - мама ведет меня через дорогу в непопозволенном месте. А потом говорит: «Никогда так не делай!»

Есть явные правила, видимые, которые мы объясняем детям. Есть скрытые правила, которым мы учим детей, иногда сами этого не понимая.

«Мало ли, что ты хочешь?» - говорим мы ребенку, и он узнает, что поступать исходя из своих желаний неправильно. «Есть такое слово - надо!» - говорим мы, и дети узнают, что надо принуждать, заставлять себя делать то, что не хочешь делать. (Сколько страшных, разрушительных последствий для жизни людей содержат эти ложные правила! Этой теме будет посвящена книга «Где взять силы, чтобы жить».)

Мы учим правилам, даже не задумываясь - истинное это правило или ложное. Когда-то наши родители научили нас этим правилам, и мы сейчас просто передаем их нашим детям.

Мы учим правилам, которые были придуманы до нас, и нас не спрашивали, согласны ли мы с ними. И сами мы сейчас придумываем правила, учим детей этим правилам, и тоже не спрашиваем их, согласны ли они с ними.

Я, как родитель, придумываю правила.

- Это должно лежать тут, - говорю я ребенку.

- Почему? - спрашивает он.

- Потому! - отвечаю я.

- Спать надо ложиться в девять часов, - заявляю я.

- Почему? - спрашивает ребенок.

- Потому! - отвечаю я.

Я же лучше знаю, где что должно лежать, во сколько ему спать. Я придумываю эти правила. И ребенок выполняет эти правила, но это *не его правила*. И чем дальше, тем меньше ему хочется их выполнять. Но поскольку его заставляют выполнять эти правила, он узнает еще одно правило про себя: неважно твое мнение, ты сам - неважен. Главное - делай то, что от тебя хотят другие.

В каждой семье есть свои правила. Ставить обувь на место или сваливать ее при входе, ужинать всем вместе или каждому по отдельности, каждому мыть за собой посуду или всем по очереди, писать письма родственникам или не писать.

- По каким правилам живет наша семья? Что мы требуем от ребенка? - спрашиваю я родителей и редко получаю осознанный ответ. Часто мы сами не задумываемся, какие правила существуют в нашей семье, но при этом требуем их исполнения. Или, как часто бывает, я требую того, что мне сейчас пришло в голову, а в следующий раз этого не требую.

Мало того, мы, родители, придумываем правила, но сами часто не живем по ним. Мы выполняем эти правила тогда, когда удобно нам, но от детей требуем, чтобы они выполняли их всегда. Не врать - требуем мы от ребенка, а сами обманываем его постоянно: то забудем купить то, что обещали, то пообещаем пойти с ним куда-то и не сходим.

Может быть, нам нужно вместе с детьми придумать правила, чтобы ребенку было легче

их понимать и выполнять? Как это будет важно для ребенка - осознать себя значимым человеком, с которым советуются, чье мнение спрашивают. Осознать ответственность за свои собственные решения.

Как это будет полезно многим взрослым - осознать, по каким правилам они сами живут и чего требуют от других. Сколько открытий делают для себя родители! Особенно, когда осознают свои скрытые, неявные правила.

Мы, взрослые, уже наученные правилам, - фальшивим и лебезим перед людьми, которых не уважаем. А ребенок - ссорится с учительницей, которую не любит, он искренне выражает свои чувства. Но скоро мы научим его фальши. Мы научим его врать и притворяться.

Мы злословим за спиной у соседей, осуждаем сослуживцев. И мы научим ребенка, открытого и доверчивого, готового дружить со всем миром - обсуждать и осуждать других.

Мы научим его враждебности и высокомерию, говоря: «С этим не дружи - он плохой. А этот не нашего круга».

Мы учим детей прилично себя вести - выполнять правила социума. Мы учим этим правилам с первых дней жизни ребенка.

В маршрутное такси вошла мама с ребенком примерно десяти месяцев. Ребенок - живой, радующийся жизни, - начинает петь, что-то лопотать по-своему, громко, весело! И такая это была неприкрытая радость, такая чистая детская энергия была в этом пении, что все мы, едущие в маршрутке, начали улыбаться, посматривая на этого милого ребенка.

Но мама - хорошая, «правильная» мама, знающая, что в общественном месте надо вести себя тихо, одной рукой нащупала в сумке пустышку, достала ее и в рот ребенку вставила, прямо посреди песни. И - бац! - рот ему закрыла, прекратила его песню.

Но разве от этого радость в ребенке исчезла? И он начал ручками размахивать, танцевать ручками, передавая это свое состояние радости, энергии, которая в нем жила. Мама рукой обхватила его руки, прижав их к телу ребенка, и танец прекратился.

Но спустя секунду ребенок начал танцевать, передавая ножками только ему понятный ритм, ощущения радости, энергии жизни. Мама тут же второй рукой прижала ножки ребенка, прекратив этот танец.

И сидело это немое и обездвиженное дитя на руках мамы, которая знала, как должен вести себя ребенок в транспорте. А я ехала, глядя на эту маленькую неживую мумию, сидящую на руках у мамы, и думала, как лишились мы все в маршрутке этой радости жизни, детской чистой энергии, которая действительно ключом била из этого ребенка. Посмотрела на лица людей в маршрутке и увидела обыденность, скуку на их лицах, как будто их тоже лишили жизни.

Так мы своими правилами делаем детей правильными и чинными. В этом и смысл большинства правил. И какие это иногда странные правила!

«Надо слушаться других» - правило, которому мы учим ребенка на протяжении всего времени нашего взаимодействия. Мы делаем все, чтобы дети стали зависимы от других, их мнений и оценок.

Мы научим их быть как все, брать пример с других, быть похожими на других, то есть не быть самим собой. Именно это мы делаем, говоря им невинное на первый взгляд:

- Оля так хорошо учится, а ты...
- Видишь, мальчик не дерется...

Потом, в подростковом возрасте, когда ребенок захочет такие же, как у всех, джинсы-трубы, или плеер, или шапку, мы будем возмущаться этим ребенком, который копирует других. Будем возмущаться тем, что ребенок хочет выглядеть как все, слушать ту музыку, что слушают все, курить, как все. А иногда и употреблять алкоголь, даже наркотики.

Но ведь никто не учит ребенка правилу - быть самим собой, проявлять свою уникальность! Нет, мы все время говорим ребенку - ты не должен быть собой, ты должен жить в рамках, должен соответствовать этим рамкам.

А рамок этих - куча. У меня одни рамки и представления, каким ему быть. У папы

другие. У учительницы трети. У бабушек и дедушек свои рамки. У людей еще какие-то. И все про то, каким он должен быть.

Но где ему быть им? Когда ему быть самим собой?

Мы учим скрытым, разрушительным, очень агрессивным правилам.

Надо слушаться взрослых, говорим мы ребенку. А если ты не слушаешься - мы тебя заставим. Ты у нас станешь шелковым.

Но получается, что мы учим насилию. Учим не уважать право другого быть другим. Учим неуважению к личности. Учим жестокости и равнодушию.

- Никому не доверяй! - говорим мы ребенку.

- Дай сдачи! - требуем мы от него.

Какие страшные правила! Мир получит еще одного закрытого, бесчувственного, жесткого, агрессивного человека.

- Делай все сам! - утверждаем мы, потому что хотим воспитать ребенка самостоятельным. Но как при этом сформировать у него убеждение о необходимости просить поддержку и обращаться за помощью?

Ребенок, изначально считая мир добрым и любящим, а всех людей хорошими, - открыт поддержке, он просит о помощи везде, где ему трудно. Мы же объясним детям, что не надо никого беспокоить, что надо самому преодолевать все трудности. А потом одинокие люди с философией «Я сам!» мучительно трудно живут, в одиночестве преодолевая то, чего легче можно достичь при помощи других.

Одно из самых плохих, скрытых правил, которым мы учим детей, - нельзя просто любить, любить надо за что-то. И если ты хочешь, чтобы тебя любили - надо это заработать.

Чтобы понравиться маме или папе - надо быть таким, каким они хотят тебя видеть. То есть опять - не быть собой. Что-то изображать, что-то прятать. Мы заставляем их быть такими, чтобы нам понравиться. Мы не даем им достаточно любви - и они должны зарабатывать ее, становясь «хорошими» мальчиками и девочками.

Сколько правил для инопланетян! Сколько приличий, долженствований! Сколько запретов! Сколько ограничений свободы в правилах! Какие странные правила для свободных, безграничных, живых детей! И что только из них получится, когда они их усвоят...

Система ценностей

Много лет назад я со своей пятилетней дочкой пошла в театр на детский спектакль. Представление еще не началось, люди занимали свои места в зале. Я увидела какое-то непонятное скопление людей в одном месте зрительного зала. Присмотревшись, я увидела, что происходит.

Там сидел Юрий Никулин. К нему и подходили дети и их родители, чтобы получить автограф. Я тут же отправила туда свою дочь, дав ей в руки программку и сказав, чтобы шла к тому дяде, он подпишет ей бумажку. Дочь с недоумением посмотрела на меня - зачем, мол, ей идти к дяде подписывать какую-то бумажку. Но я ее поторопила - свет в зале могли погасить в любой момент, надо было спешить. Ребенок сходил, дядя подписал ей программку. Я была довольна - мы получили автограф Никулина!

В перерыве я пыталась объяснить дочери, что произошло. Что это очень известный дядя. Что он нам подписал программку. Дочь искренне не могла понять, зачем нам это нужно. Я опять попыталась ей объяснить, что подпись этого дяди нам очень нужна, потому что дядя известный.

В какое-то мгновение, проговаривая ей эту, казалось бы, очевидную истину, я вдруг почувствовала себя настоящей идиоткой. Мало того, что получила зачем-то ненужную подпись, так еще и ребенку вдалбливаю, как важно получить подпись известного дяди!

Потом я часто вспоминала эту ситуацию, часто рассказывала о ней родителям, объясняя, как мы формируем у детей систему жизненных ценностей. Как мы неназойливо, между прочим, объясняем им, что в жизни важно. Что нужно. Что - первоочередно. Как мы выстраиваем в их представлениях некую иерархию, последовательность ценностей. А

фактически - просто перекладываем в них наши системы ценностей.

Мы формируем у них представление о ценности всего материального. О ценности денег. О ценности вещей. О преимуществе этих ценностей перед всеми другими.

Потому что это важнее собственного здоровья. Это важнее отношений с любимыми, с детьми, с родителями. Это важнее самого тебя - твоего настроения, состояния сил. Это первоочередное. Все остальное - потом. Все остальное - менее важно.

Иначе люди бы не работали столько, сколько они работают. Не гнались бы так за деньгами. Не хотели бы получать все больше и больше денег - ценой своего здоровья и отношений, которые в этой гонке разрушаются.

Мы всегда делимся с другими тем, что имеем сами. Если есть в нашей системе ценностей любовь к Родине, преданность Родине - мы донесем до ребенка важность этой ценности. Если нет этой ценности, а есть презрение к родине, к «совку» - мы донесем до ребенка, что страну эту не надо ни уважать, ни ценить.

Если верим мы сами, что честность, чистота души, открытость - важные составляющие любого человека как личности - то научим этому и ребенка. Если нет у нас самих представления о значимости души, ее чистоты, то какое дело нам до честности и чистоты - лишь бы деньги платили, любой ценой.

Если любовь в нашей жизни - главная и определяющая ценность, которая руководит всеми нашими поступками, лежит в основе нашего отношения к людям, к миру - то именно эту ценность мы внесем в представления ребенка. Если любовь - это выдумка, и «одной любовью сыт не будешь!» - именно это мы и расскажем ребенку.

Если мы считаем очень важным, как мы выглядим, если нам важно, что о нас скажут другие, то ценности эти - мнение других людей и свой (всегда образцовый!) внешний вид - мы переложим в представления ребенка. И научим его постоянно озираться на других людей - как они там? Что они о нем думают? И все его поведение будет ориентировано на то, как выглядеть, нравиться, подстраиваться под других людей. И не быть собой, таким, какой ты есть.

Но о ценности самого себя, уникальности самого себя, важности самого себя в своей жизни, единственности себя для своей жизни - не говорят родители. Они об этом, как правило, не знают. Им об этом их родители тоже не рассказали. Но внушили: будь как все, будь не хуже других.

Вот так мы и формируем целую систему жизненных ценностей, которая потом и расставит все акценты в жизни ребенка. Определит его жизненный сценарий.

Мой любимый внук в свои пять лет, говоря по телефону со своим пятилетним другом, обсуждая завтрашние соревнования в детском саду, говорил чисто и искренне:

- Ты знаешь, Илюша, нам поможет дружба. Мы с тобой вместе победим, потому что сила друга - это очень хорошая, большая сила. А еще у нас есть сила мамы, сила папы, сила бабушки и дедушки... - И Илюша на той стороне провода ответил, наверное, что-то такое же - чистое, доброе, отчего внук сказал: - Да, мы победим! Кстати, - сказал он тоном, которым говорят о каких-то вполне очевидных вещах, - Илюш, а ты знаешь, что добро всегда побеждает зло? - и я после наивной этой чистой, полной веры в жизнь фразы - почувствовала, что на моих глазах появляются слезы.

Он сказал это так уверенно, так убежденно, как сказал бы: «Ты знаешь, что завтра пятница...» И я подумала:

- Милый мой мальчик! Как хорошо, что ты это еще знаешь. Что ты в это еще веришь! Дай Бог, чтобы ты не поверил в обратное...

Итог

Как из букв складываются слоги, фразы, тексты, так из отдельных наших проявлений и складывается у инопланетян представление о себе, с которым они войдут в жизнь и которое уже сейчас определяет их судьбу.

Получается, что уже в раннем детстве мы формируем готовых людей с запрограммированной нами их судьбой. Мы делаем это, не осознавая, что мы делаем. Нам

никто не объяснил, как мы это делаем. Но уже тем, что я думаю о ребенке, - я его таким делаю. Тем, что я в нем вижу, - я его таким делаю. Я, родитель, формирую его представление о себе.

А за его представлением о себе последуют его поступки. Будет ли он стоять за себя или будет рад малости. Будет ли он любим самим собою и другими. Будет ли он принимать любовь или отвергать ее, считая, что он ее не достоин. Будет ли он требовать к себе хорошего отношения или будет соглашаться с плохим. Будет ли он жить в счастье, благополучии и успехе - или в страдании и недовольстве.

Нам надо понимать, что ребенок получает от нас всю информацию о мире очень рано. Когда он еще не может ее отфильтровать, отсеять ненужное или вредное. И мы, взрослые, не спрашиваем, хочет ли он получить от нас эту информацию. Нравится ли ему эта информация, согласен ли он с ней.

Чистый и открытый информации ребенок-инопланетянин принимает всю информацию, которую мы, взрослые, ему даем как непреложные истины.

- Это стул, - говорит ему взрослый, показывая на стул. - На нем сидят.

- Это чашка, - говорит взрослый, - из нее пьют.

И ребенок верит всему, что ему говорят, принимает всю информацию о мире, в который попал.

А потом мы рассказываем ему, что мир ужасен, люди сволочи, деньги кончаются, а любовь приносит боль. Мы рассказываем, что мужчины несговорчивы, а женщины - меркантильны, что начальники - вредные, деньги - трудные, что жизнь - несправедливая и страшная, а счастья - нет.

И ребенок тоже принимает эту информацию как данность. Он верит тому, что мы говорим.

Мы, родители, формируем убеждения ребенка, его представления о жизни, которые потом создадут его реальную жизнь. Поэтому нам следует осознавать всю важность того, что мы говорим детям, что мы говорим при детях.

- Но ведь не только же мы вкладываем в ребенка информацию? А другие люди, учителя, сверстники, улица, наконец! - сказала на тренинге одна мама. - Ну не все же надо на родителей сваливать!

- Конечно, можно все свалить на других, - говорю я таким родителям. - Можно сказать, что ребенка на улице этому научили, его в школе испортили, его учительница унижает, личность его разрушает. Но где был ты, когда твоего ребенка портила улица? Почему твое мнение не было для ребенка определяющим? Почему ты позволил учительнице разрушать личность твоего ребенка?

Мы совершаем самый главный вклад в ребенка. Или - своим равнодушием и бездейтельностью - позволяем другим людям вносить этот вклад. Все равно ответственность - на нас.

И нам надо четко осознавать тот факт - наши «знания», которые мы передаем детям, - это зачастую наш негативный жизненный опыт, его мы передаем, ему учим - и что *хорошего* может быть с их жизнями? И как они могут жить *лучше* нас, когда мы вкладываем в них все те же представления?

- Не вкладываем, а сливаем, - поправил меня один папа. И я согласилась с ним.

Эти, вложенные, иногда действительно «слитые» в него представления и определяют всю его жизнь. Станут неосознанными программами для его поступков и результатов. Определят, как проживет свою жизнь ребенок, чем он наполнит свою жизнь.

Мы сейчас ежедневно планируем, создаем его жизнь. Его отношения с самим собой. С людьми. С миром. Мы планируем сейчас даже то, как он уйдет из жизни, в каком состоянии, с какими мыслями и чувствами, которые будут результатом всей его жизни.

Много лет передо мной была, проживалась жизнь моих родных - папы, дяди, бабушки. Людей очень сложных, с тяжелыми представлениями о жизни. С тяжелыми жизнями. С тяжелыми, полными боли и одиночества смертями.

И каждый раз, находясь в ситуации прощания с этими людьми, когда они уходили из жизни, я потрясенно думала: как человек проживает свою жизнь - так он и умирает. Если был он в жизни закрытым, обозленным, не верящим в мир, в поддержку, если проживал он трудную, проблемную, одинокую жизнь, то и уходил из жизни трудной, одинокой смертью, лишенный поддержки, участия людей.

Несколько лет назад ушла из жизни молодая женщина, с которой я познакомилась на моих тренингах. Которой я всегда искренне любовалась. Столько в ней было жизни! Столько в ней было света! Столько в ней было радости и открытости - миру, людям, солнцу. Это был жизнерадостный и солнечный человек, привлекавший к себе людей, везде вносивший в жизнь радость, смех, улыбки. Просто красоту - потому что была красивой, любящей себя и других людей женщиной.

И сколько людей пришло на ее похороны! Потоки людей входили и входили в ее квартиру, принося охапки цветов. Я смотрела на это и думала:

- Господи! Она даже после смерти привлекает к себе людей! Даже после смерти объединяет их, делает их хорошими, добрыми. А была она не каким-то известным деятелем, а просто обычной, веселой, светлой, полной жизни женщиной, любящей людей, жизнь, мир, себя...

И вспомнила я деревянный, ничем не обитый гроб дяди, пустой его дом, в который никто не пришел, чтобы проститься с ним, - никому не было жалко его ухода. И подумала я - даже наши смерти определены нашими жизнями...

Как же осознанно, умно нам надо общаться с нашими детьми, чтобы внести в них, в их жизни свет, любовь, красоту, возможности и изобилие!

Как важно нам самим задуматься о том, во что мы сами верим.

Какую правду о жизни вносим в чистые головы наших детей.

Какую реальность.

Какую чистоту...

...В яркий солнечный день, сидя на скамейке в райском месте - в можжевелевой роще, наполненной ароматами можжевелов, трав, цветов, я смотрела на причудливую игру солнечных лучей, падающих сквозь ветви вековых можжевелов. И детские голоса, раздающиеся с соседней зеленой полянки, скрытой от меня деревьями, были тоже ангельски чисты.

- А у тебя эта машинка как ездит? - услышала я мальчуковый, звонкий и чистый нежный голос.

И другой голос - тоже по-детски чистый, высокий, ответил:

- А вот смотри, если ее вот так разогнать и отпустить, она поедет...

- Ух ты, - опять раздался первый голос, - какая здоровская у тебя машинка... - А у меня тоже такая была машинка...

И я, слушая эти детские разговоры, сидя в лучах солнечного света в райском этом месте, подумала - такими голосами, наверное, говорят ангелы. Ангелы и такие вот чистые дети. Мой внук тоже говорит таким вот чистым, высоким, звонким голосом...

- Ну ни хера себе, какая у тебя дырка на штанах! - все тем же высоким звонким голосом произнес один из мальчиков. - Ну ни хера себе, - изумленно добавил мальчик, все тем же чистым ангельским голосом. И, как бы подчеркивая свое удивление, произнес еще раз: - Ни хера себе...

И я подумала, почувствовала - рай кончился. Ангелы пропали... Там, где проявился взрослый человек - не место ангелам...

Глава 6. Что мы действительно должны

Осознанное родительство

Если мы хотим по-настоящему грамотно относиться к формированию ребенка, осознавая все свое глобальное воздействие на его жизнь, мы должны стать *осознанными*, сознательными родителями.

Осознанное родительство - это не только осознанно захотеть и спланировать появление ребенка. Это заняться своим здоровьем, чтобы он рос и формировался в здоровом теле. Это осознанно и грамотно родить его, впустить его в мир, где его примут с любовью.

Я, родив свою дочь почти тридцать лет назад, была совсем неосознанной мамой. Ребенок завелся, как это бывает часто, в самый неподходящий момент, когда отношения с мужем были на грани разрыва и я серьезно думала о разводе. Но ребенок завелся, и мои родители (а не муж, который тоже был растерян известием о возможном появлении ребенка) уговорили меня оставить ребенка, родить его.

Это был очень сложный период для меня как для будущей мамы. Я не чувствовала стабильности в своей жизни. Я не чувствовала поддержки и той заботы, которой бы мне хотелось. Я была оторвана от своей родной семьи, которая жила далеко от меня, и жила в семье мужа, напряженной, проблемной.

Я сама была очень напряженной, тревожной, неуверенной. Я чувствовала себя такой одинокой! Я плохо переносила беременность - у меня все время что-то разлаживалось, болело. И я, ничего не зная о том, как должна протекать беременность, не понимая свое тело, чувствовала себя очень дискомфортно. Я просто боялась, что не выношу ребенка. Или умру при родах. Я была наполнена столькими страхами, такими пугающими ожиданиями, что ни о какой стабильности не было и речи.

При всем этом я любила этого ребенка там, в животе. И ждала его появления, не зная, кто это будет, мальчик или девочка. Я очень хотела девочку, но все вокруг говорили мне, что у меня будет мальчик. И я уже приняла тот факт, что ношу в себе мальчика. Но родилась девочка.

Это был ужасный момент в моей жизни - роды. Я так тяжело их пережила, что потом не захотела больше рожать. Даже воспоминание о том чувстве страшного одиночества, когда ты, никому не нужная, орешь от боли, непонятной боли, разрывающей твоё тело, и никто не подходит к тебе, чтобы хоть слово доброе сказать, чтобы хоть какое-то участие проявить, до сих пор вызывает у меня чувство сильнейшего дискомфорта. Я ничего не понимала тогда. Правильно ли то, что со мной происходит, или я сейчас вот так просто умру - и все? Родится ли этот ребенок? Живой ли он во мне? Что значит эта боль? Почему так больно? Когда все это кончится?

Я рожала в обычном советском роддоме с его обычным равнодушным отношением к роженицам. Врачи, понимая, что все идет по плану, ко мне не подходили. А я - одинокая, измученная болью и схватками девочка - металась на кровати, мечтая только, чтобы все это уже закончилось!

Я родила девочку. Но моя растерянность, моя неподдержанность, мое непонимание и беспомощность не кончились, а только начались. Потому что я была такой неосознанной, не подготовленной к общению с ребенком. Я не понимала - ни что с ней делать, ни как.

Долгое время я училась хоть что-то понимать и узнавать о ней, о себе. Я, как и большинство родителей, тоже пришла к некому ощущению своего знания, иллюзорного знания - что с ней делать и как ее воспитывать. И какую-то часть ее жизни я так и воспитывала - *зная*, чем она должна заниматься, что читать, что есть, с кем дружить.

Медленно, постепенно я начинала осознавать какие-то более важные вещи. Работа школьного психолога, которая просто столкнула меня с сотнями таких же неосознанных, неграмотных родителей, просто показала мне меня саму - всю иллюзорность моих знаний и все мое *настоящее*, *истинное* воздействие на ребенка. Настоящее, реальное, а не то, что я себе придумала своей глупой головой.

Постепенно, медленно, я стала понимать правила и закономерности того, что происходит между ребенком и родителем. Я очень много училась в тот период жизни. И, посещая семинары и тренинги по психологии и психотерапии, я по крупицам начала

создавать новое видение самой себя. Себя - как личности. Себя - мамы. Своей доченьки. наших отношений.

Начался новый - осознанный - этап воспитания ребенка, взаимодействия с ним. Начались перемены. Они шли долго. И сейчас я все еще учусь быть мамой. Быть бабушкой. Благо моя дочь и мой внук помогают мне в этом.

Год назад, находясь на фестивале духовного творчества в прекрасном живописном месте в Карелии, я стала невольной участницей родов.

Рожала молодая женщина. Они вместе с мужем специально приехали в это место - место силы, чтобы здесь, на природе, родить своего первого ребенка.

Это был их сознательный выбор: выпустить этого ребенка в мир не в больничной палате, а на лоне живой, сильной природы. Чтобы он родился в здоровом, чистом, полном энергии месте. Так, чтобы сам ребенок потом знал, где, под какой сосной захоронен его послед. Где его корни.

Я познакомилась с этой молодой женщиной за неделю до ее родов. Я увидела, как она занимается йогой на берегу Ладоги. Она делала сложные асаны, сложные даже для меня - не беременной. Но она так владела своим телом! И была так гармонична в этих асанах со своим большим, крепким животом.

Она потрясла меня своим спокойствием, своей цельностью, какой-то внутренней силой. Еще больше я была потрясена, узнав, что она специально приехала сюда рожать.

- Как? - думала я. - Так далеко от цивилизации... (До ближайшего городка от этого места - несколько часов пути!) А если что случится? А если нужна будет медицинская помощь? Ведь роды - это так опасно...

Я поймала сама себя на мысли, что думаю суматошно, напряженно, потому что мой собственный опыт, мое знание, что такое роды, давали мне именно такую картину.

Я перестала так заполошно думать, чтобы не создавать напряжение и реальные негативные ситуации, потому что знала - мысль творит реальность. И я понимала, что спокойствие этой молодой женщины, уверенность в хорошем разрешении, ее чувство поддержанности самой Вселенной - лучшие гарантии ее безопасности, успешности ее родов и здоровья ее ребенка.

Она была готова к родам. Она действительно была готова. И она, и ее муж посещали курсы по подготовке к родам в воде. Она знала все, что ее ждет. Она была в курсе того, как должны протекать роды, как один этап должен сменять другой. Она знала, в каких позах ей будет удобнее переносить схватки, как правильно дышать. И ее муж тоже был подготовлен к тому, как помочь ей в процессе родов.

Они хотели родить ребенка в водах Ладоги, в чистом прекрасном озере. Но сильно похолодало. И к моменту родов уже было понятно, что в такой холодной воде рожать нельзя. Тогда муж вырыл в песке под соснами большое углубление. В нем, устланном целлофаном, залитым ладожской водой, подогретой на костре, и начались роды.

Я обнаружила это случайно, поздно вечером, гуляя по лесу. Проходя недалеко от их палатки, я решила зайти узнать, как себя чувствует будущая мама. И подойдя к их стоянке, увидела эту молодую женщину - совсем еще девочку! - в схватках, в дыхании, ритмичном, в этом странном резервуаре с водой. Одну. Спокойную и собранную.

- О Боже! - сказала я. - Ты рожает?

Она молча кивнула, продолжая так же грамотно, громко, ритмично дышать.

- Но почему ты одна, где твой муж? - ошеломленно спросила я.

- Он пошел за теплой водой... - ответила она и продолжала так же сосредоточенно, осознанно дышать.

Я просто не могла уйти. Я, пережившая те ужасные роды, просто не могла оставить эту девочку одну.

- Можно, я останусь с тобой? - спросила я ее.

Она кивнула. Мол, хочешь - оставайся. Она не нуждалась во мне. Ей все было понятно и ясно.

Я на всю жизнь запомнила эту долгую ночь, пока шли ее роды. Они шли так, как шли. Схватки учащались, потом - замедлялись. Сначала, увидев ее рожаящей, я подумала невольно: «Ну, сегодня в лагере никто спать не будет. Под крики рожаящей женщины особо не поспишь...»

Но она молчала. Она не кричала. Она не ойкнула ни разу за всю эту длинную ночь. Она просто грамотно, ритмично глубоко дышала, помогая своему телу переживать схватку. Потом надолго замолкала, расслабляясь. И вид всего этого действия, освещенный пламенем костра, действительно был потрясающим, нереальным. Но это была реальность. Осознанная реальность.

Прошла ночь. Прошел день. Роды шли медленно. Когда схватки начали учащаться, становиться сильнее, муж спустился к ней, посадил ее к себе на колени, спиной к себе, чтобы чувствовать ее, ее схватки. И они вместе с ней дышали, вместе напрягались. Он действительно помогал ей, брал на себя часть ее напряжения. Он делился с ней своими силами.

Вечером родилась маленькая доченька. Маленькая живая куколка - крохотная, розовая, совершенная. Папа перерезал пуповину. В папиных руках она была, пока мы помогли молодой маме обмыться, одеться.

Утром, когда мы с внуком пришли, чтобы посмотреть на маленькую только что родившуюся девочку, семья завтракала. Молодая - такая же спокойная, цельная женщина. Счастливый муж. Маленькая доченька - красивая, нежная. Такая крохотная. «Я тоже таким маленьким был?» - удивленно спросил внук. Таких маленьких людей он еще не видел!

Я, уходя из этой молодой семьи, потрясенно думала: можно, оказывается, так осознанно рожать. Можно так, без боли и криков, без надрыва и чувства ужаса, пережить роды. Можно дать начало жизни ребенку в таком прекрасном месте. Можно так осознанно к этому подойти. И если так осознанно вообще подходить к каждому моменту взаимодействия с ребенком - какой это будет прекрасный ребенок! И какие прекрасные родители!

Я часто думала потом об этой семье. Я встретила их спустя год - в том же месте. Молодых родителей, проходящих свой опыт родительства. Маленькую, нежную малышку, уже стоящую на ножках, с любопытством познающую мир.

Я много думала тогда об этих осознанных родах. Об осознанном родительстве. Потому что осознанное родительство - это не только осознанно выпустить человека в мир. Это - осознавать свои цели и задачи - какого человека я хочу формировать. Это - грамотно, правильно взаимодействовать с ребенком.

Осознанное родительство - это принятие того очевидного (!) факта, что все, что происходит с ребенком в результате моего воздействия на ребенка, - это моя заслуга. Хороший результат - это моя родительская заслуга. Плохой результат - тоже моя родительская заслуга.

Осознать свою творческую суть, увидеть ее проявления во всей ее красе - это и есть осознанное родительство.

Даже если мы не были осознанны, когда заводили ребенка, когда воспитывали его, - сейчас пришла пора такого осознания и нового - осознанного - отношения к себе самому в первую очередь как к источнику воздействия на ребенка.

Осознанное родительство действительно начинается сначала с осознания самого себя - кто я в этом мире? Какой я? Каким мне надо *быть*, если я выбираю быть родителем? Что я действительно по-настоящему должен своему ребенку?

Именно этому посвящена эта книга. Я надеюсь, она в чем-то помогла тебе осознать себя. Свои проявления, ошибки и прекрасные возможности быть настоящим родителем.

Никогда не поздно стать осознанным родителем. Всегда - время этому.

И с момента твоего осознания себя, своих целей, понимания своего ребенка - наступает новый этап ваших отношений. Совсем других отношений - основанных на принятии и доверии, на понимании, близости, открытости. Спокойных и гармоничных отношений без подавления и ответной агрессии. Без нервозности и обид.

Отношений, в которых вы друзья и равноправные партнеры.

В которых две личности - ты и твой ребенок - живут в уважении друг к другу.

Для кого я воспитываю ребенка?

Воспитывая ребенка, нужно думать о предстоящей ему старости.

Жубер

С момента рождения ребенка мы, родители, отвечаем за его жизнь.

Но что мы понимаем под самим словом «жизнь»?

Жизнь его тела? Его присутствие здесь, рядом с нами?

Если мы считаем ребенка только телом, физическим объектом, то тогда, конечно, нужно, оберегая это тело от опасности, от царапин и микробов, от голода и увечий, оградить его от жизни, от реальной жизни, создав телу тепличные условия - все за него решать, полностью обезопасив его от ошибок. (Как будто это можно достичь опекой и контролем!)

Но если понимать слово «жизнь» как проявления ребенка в социуме? Как умение строить отношения. Как умение правильно поступать в любой ситуации, строить свою судьбу. Тогда нам нужно другое воспитание.

И фокус внимания должен быть направлен не на создание безопасности, защищенности, «тепличности», а на формирование сильной, свободной, яркой личности, лидера. Мы должны вырастить не робкого, скромного, незаметного мышонка, не пугливого, трусливого зайчонка. Мы должны вырастить человека. Человека. Личность. Но такой ребенок в опеке и контроле не воспитывается. И не воспитывается в философии - это *мой* ребенок, и он нужен *мне для меня* !

Пока ребенок нужен мне для меня - для моей жизни, для моей полноценности, для моей реализации, - как я могу воспитать *отдельного* человека с отдельной судьбой, с отдельной жизнью, с *его* жизнью, когда все время воспитываю его под себя и для себя?

Нам нужно изменить это представление о праве собственности на ребенка и на его жизнь. О праве использовать его жизнь в своих интересах и целях.

- Я отказываюсь от права собственности на своего ребенка. - Так звучало решение, принятое на тренинге одной мамой.

Может быть, пришла пора нам всем отказаться от этого права собственности? И относиться к ребенку как к отдельной личности, воспитывая ребенка для него самого.

Но если ребенок нужен для него самого, то наша задача сделать его не таким, чтобы нам было удобно с ним, а таким, которому удобно жить с самим собой. Тогда мы должны научить его уважать самого себя. Ценить себя. Верить в себя. Стоять за себя. Быть самостоятельным.

Тогда меняются все методы и стили взаимодействия с ребенком. Тогда появляются другие приоритеты.

Пока я воспитывала ребенка для себя, он должен был под моим контролем сидеть дома, рядом с мамой, чтобы я не нервничала.

Но если я начинаю воспитывать его для его же жизни, то он должен идти гулять со сверстниками, учиться понимать других, строить с ними отношения, учиться стоять за себя.

Пока я воспитывала ребенка для себя - мне нужно было, чтобы он был чистеньким и наглаженным, в бантах и в белых носочках, чтобы все видели, что я хорошая мать.

Но если я воспитываю его для него - он должен все исследовать, все попробовать, испачкаться как свинья в луже, разорвать штанишки или платице в попытках влезть на дерево, получить шишки и синяки от падений.

Он должен узнать, освоить этот мир. Он должен его исследовать, понять, овладеть правилами жизни. И такого - подготовленного - я должна отпустить в жизнь. Не придержать его рядом с собой, для себя, а отпустить его в жизнь.

Так поступают все животные.

Медведица рождает ребенка не для себя. Она рождает медвежонка, просто реализуя Божественный план - заселять планету новыми особями.

Она рождает медвежонка и обучает его всем навыкам, необходимым для жизни: искать

корм, рыть берлогу, защищать себя. Чтобы он мог жить один.

И как только медвежонок становится самостоятельным, маме нет уже до него никакого дела. И ему нет никакого дела до мамы. Они расстаются.

И мать-медведица в берлоге не мучается, как он там без меня? Она сделала все, чтобы он выжил и смог жить один. Ее не волнует, какую берлогу он себе выроет, какую медведицу он приведет в эту берлогу. Он подготовлен для жизни.

И мать-медведица не мучается вопросом - как я смогу жить без него? Она живет дальше, как жила до него. Она выполнила свою миссию.

И она не ждет благодарности за выполнение этой миссии. Она не приходит к нему в берлогу и не говорит: «Я тебе всю жизнь отдала, а ты мне малины не принес!...» Она воспитала его для него и не ждет благодарности для себя.

Нам есть чему поучиться у животных!

Много лет наблюдая на тренингах родителей, воспитывающих детей под себя, для себя, я поражаюсь такому парадоксу: именно тогда когда детей воспитывают для себя, чтобы в старости, как говорится, было кому стакан воды подать, становится невозможным обеспечить себя такой желанной «поддержкой в старости».

Потому что все стили взаимодействия, методы воспитания, направленные на воспитание ребенка «для себя» и «под себя», вызывают у детей неприятие, агрессию, мешают настоящей близости с детьми. И у них нет желания в дальнейшем поддерживать своих родителей.

И все воспитание под себя и для себя лишает ребенка самостоятельности, так важной ему для того, чтобы стать той сильной личностью, которая возьмет на себя заботу о родителях.

И только тогда, когда родители начинают воспитывать ребенка для него же самого, чтобы вырастить отдельную *самостоятельную, сильную*, уважаемую личность, когда они видят в нем эту личность и позволяют ей иметь свободу своих желаний, дети хотят и реально *могут* вернуть родителям тепло, заботу, оказать им материальную поддержку.

Нам самим должно быть выгодно воспитывать наших детей - для их жизни. Только тогда в их жизни будет место для нас, их родителей!

Он должен выжить

Он задохнулся в холодильнике, стоящем в подъезде их дома, который кто-то из жильцов выставил из квартиры, чтобы отвезти на дачу. Он спрятался в нем, играя с ребятами в прятки. Залез в него и захлопнул дверь изнутри. И не смог потом открыть. Этот старый холодильник защелкивался на рычаг, который невозможно было открыть изнутри. Взрослым, которые потом долго искали его, обходя дома и подвалы, в голову не пришло заглянуть в холодильник. Разве придет такое в голову взрослым? Но ребенку идея спрятаться в холодильник пришла.

Я много раз сталкивалась с такими вот нестандартными, с позиции взрослых, поступками детей, которые приводили иногда к трагическим последствиям.

Мальчики катались на проводах линии электропередач, которая еще не была подключена, и провода свисали почти до земли. В какой-то момент электроэнергию включили. Ребенок, который в этот момент скатывался по проводам, держась руками за провод, погиб.

Они прыгали на строительных лесах, потому что те так здорово пружинили. Допрыгались...

Мы, взрослые, даже со всем нашим взрослым знанием просто не можем предусмотреть все ситуации, в которые может попасть ребенок, и научить его, как в них себя вести.

Мы не можем всегда быть рядом и уберечь его от всего опасного.

Но мы можем и должны сформировать его чувство собственной ценности, чтобы он сам ограждал себя от нежелательных людей или действий, берег себя, взвешивал риск или возможные последствия своих поступков.

Лучшее, что мы можем дать нашим детям, - это научить их любить себя.

Луиза Хей

Ребенок должен выжить. Он должен выстоять сам, без нашего участия. В этом и есть настоящая цель воспитания.

Я впервые вот так сформулировала для себя цель воспитания своей дочери много лет назад, когда была еще суетной, опекающей и контролирующей мамой, которая всегда «знала», что надо ее ребенку.

Однажды я заболела, заболела тяжело - с высокой температурой, с какими-то провалами в обморочную слабость, беспомощность, что подумала даже - а вдруг я умру! И мысль эта показалась мне такой страшной!

Я испытала этот страх не за себя. Я испытала невероятный страх за свою дочь, которая в случае моей смерти останется одна. И что она будет делать? Что с ней будет? Конечно, говорила я сама себе, совсем одна она не останется. Есть родственники, есть папа. Но как она все это переживет? Как она потом сможет жить без меня? Она же пропадет! Дочь представлялась мне (да и была на самом деле!) такой трогательно уязвимой, такой слабенькой, ранимой, такой не приспособленной к тяжести жизни, вообще - к жизни!

Я выздоровела. Мысли эти немного притихли во мне, хотя иногда, глядя на дочь, я как бы примеряла ее к такой ситуации: вот останется она без меня... Сердце просто холодело от этой мысли - она не готова жить без меня! Она не знает жизни, она не умеет готовить, не знает, как заплатить за квартиру, как распоряжаться деньгами, что сколько стоит. Она не умеет за себя стоять в этом мире.

Именно тогда я подумала, что совсем не научила ее тому, что ей нужно в жизни. Да, она у меня танцует и поет в хоре, она занимается синхронным плаванием и плавает как рыба, она учит два языка, но к жизни это какое имеет отношение? Никакого. Я не тому ее учила.

И однажды, когда дочь искала какую-то свою вещь, и ее: «Мам, ну я не знаю где... Мам, ну я не найду...» вывело меня из себя, и я сказала возмущенно:

- Что значит, я не найду! Ищи! Тебе же надо, ты и ищи! А если меня не будет рядом, если я вдруг умру, ты так и будешь сидеть и ныть: «Ну, я не знаю где!...»

И поняла вдруг - да так и будет! Будет сидеть и ныть! Потому что сама не приучена ни класть на место, ни знать, что где лежит, ни знать, откуда что взять.

И эта мысль вызвала у меня просто отчаяние: растила дочь десять лет и вырастила ни на что не способную, целиком зависимую от меня во всех вопросах беспомощную девочку.

Но это отчаяние и дало мне тогда мощный толчок к переменам. Я поняла, что я должна научить ее жить без меня. Что это моя единственная задача: научить ее жить без меня. Это как тест: если я сегодня умру, и мой ребенок выживет, встанет на ноги и будет успешным, значит, я все правильно делала. Значит, я вложила в нее силу, уверенность, научила ее каким-то необходимым практическим навыкам, научила общаться с людьми, привлекать к себе хороших людей, находить себе поддержку.

Наши дети должны получить уже в детстве опыт самостоятельной жизни. Когда-нибудь им придется уйти в социум, в мир, и они должны быть готовы жить в нем. Выжить в нем.

Ребенок уже в год, в два года должен стоять за себя. Если он не научится этому дома, в детском саду ему будет сложнее стоять за себя. В школе ему, не наученному, будет еще сложнее отстаивать свои права. И если он не научится этому в школе, среди сверстников - в армии он будет просто объектом унижения.

- Но почему именно моего ребенка выбрали объектом унижения! - потом возмущаются и негодуют мамы.

Да потому, что на нем просто написано: «Маменькин сынок! Сам за себя стоять не могу! Меня всегда мама охраняла!»

Цель воспитания - научить наших детей обходиться без нас.

Эрнст Легуве

Мы должны помочь нашим детям получить все навыки, нужные для жизни, в их детстве, не дожидаясь, пока они вырастут и станут беспомощными взрослыми.

Но как часто родители говорят: «Пусть как можно позже, пусть как можно позже он столкнется с жизнью...» И прячут ребенка под крыло своей ответственности.

Часто, встречая таких родителей, которые прячут ребенка от жизни, я хотела сказать:

- Да знай же ты свое место! Рядом надо быть с ребенком. Рядом! Не впереди. И думала: «Детям надо своим родителям, как собакам, команду давать: „Рядом!“; чтобы не мешали жить и быть самостоятельными!»

Оберегать ребенка от жизни - значит только оттянуть момент встречи с ней, который рано или поздно все равно произойдет. И чем позже он произойдет, чем неподготовленней к нему будет ребенок, тем больнее и жестче все пройдет. Разве этого мы хотим для наших детей?

И наоборот - самостоятельные, сильные, ответственные дети покоряют эту жизнь, подчиняют ее себе.

Живя в Москве, общаясь с людьми из разных сфер бизнеса, я много раз сталкивалась с этим удивительным феноменом. Приезжающие в Москву молодые, сильные, уверенные смелые люди покоряют этот город, находят в нем свое место, создают свой жизненный успех. У этих людей нет «блата», нет мамы и папы под рукой, которые бы вели их по жизни. Все, что у них есть, - это они сами. Целеустремленные, активные, самостоятельные.

И я видела «маминых» и «папиных» сынков, которые переходили из спецшколы в лучшие вузы, а оттуда по благу на «теплое» место. И как тужились они, по-другому не скажешь, чтобы уже на всем этом готовом хоть что-то создать! А уж если «блат» исчезал или мама и папа уходили из жизни - так и чахнули на этом «теплом» месте, не могли осилить даже элементарный карьерный рост. Потому что главного в них - *их самих*, их смелости, активности, уверенности - не было. Не было того, что дается только опытом самостоятельности. И ничем другим.

Поэтому давайте дадим нашим детям жить, чтобы они смогли выжить!

Мы должны отпустить наших детей в жизнь

Мы обманываем сами себя, говоря - вот вырастет ребенок, потом мы его отпустим в самостоятельную жизнь. Потому что, чтобы отпустить детей в самостоятельность, надо увидеть их сильными, надо доверить им их собственную жизнь. Но чем дольше мы их не отпускаем, тем слабее и неприспособленнее они становятся. Как уж их отпустить!

- Отпусти свою дочь, - сказала мне однажды женщина, бывшая для меня тогда примером. Я действительно очень уважала ее, мечтала быть такой же - успешной, уверенной, состоявшейся. Она была для меня авторитетом в жизни. И вдруг - услышать от нее такое!

Она была у нас в гостях, и, проведя рядом со мной и дочкой вечер, уходя, сказала мне это.

- Отпусти ее. Ее надо отпускать. Во всем, в чем только можно, отпусти ее!

И я даже не нашлась сразу, что сказать. Я ведь только и старалась быть *вместе*. Я уже тогда меняла отношение к воспитанию, уже начала передавать дочери часть ответственности, учить ее каким-то практическим навыкам. Но отпустить ее? Как это - отпустить?

Это я и попыталась объяснить этой мудрой, цельной женщине.

- Тебя слишком много рядом с ней. Отступай, отходи, освободи ей пространство для жизни. Она должна сама жить, решать, выбирать. Я понимаю, тебе это сложно понять, принять, но подумай об этом. Отпусти ее...

И я думала, много думала. Я смотрела на наши отношения со стороны, признавая, что да, меня много. Много моей любви, которая все еще проявляется как желание быть вместе, быть ближе, от чего-то оградить, чему-то научить. Но как она сама будет учиться всему этому? Как она сама что-то преодолет, проживет, переживет?

Если ты действительно хорошая мать, твои дети должны покинуть тебя.

Джозефин Харт

Моя дочь училась тогда в шестом классе. Училась в интересной, творческой школе, где дети часто ходили в походы, ездили на экскурсии в другие города. Однажды, придя домой,

она сказала:

- Мам, у нас на каникулах группа старшеклассников собирается в поход - на Кавказ, в горы. Обещали взять и шестиклассников. Мама, ты меняпустишь? Мам,пусти меня...

И первая моя мысль была - как я могу ее отпустить? В поход со старшеклассниками, да еще в горы, на Кавказ! Ее, домашнюю девочку, не приспособленную ни к каким тяготам жизни! Но просьба эта: «Мам,пусти меня!...» И слова, недавно сказанные мне: «Отпусти ее!», сыграли решающую роль.

- Хорошо, - сказала я. - Ты пойдешь в поход. Я тебя отпускаю...

А потом были сборы - покупка рюкзака, кроссовок, продуктов, туристического оборудования. Потом было заворачивание вещей в целлофановые пакеты: «Мы будем переходить горные реки, чтобы вещи не промокли, если в реку упадешь», - объясняла мне дочь, а я с трудом держала себя в руках, чтобы не сказать: «Никуда не поедешь...»

Потом было самостоятельное укладывание этого огромного рюкзака. «Так, чтобы ничего не стучало, - говорила мне „опытная туристка“, - чтобы все вещи были притерты друг к другу, тогда больше вещей поместится, и рюкзак будет правильной формы, не будет набок заваливаться».

Потом было пробное хождение по квартире с этим рюкзаком, в котором чудом были «притерты» друг к другу и спальник, и теплая куртка, и одежда, и еда, и смена обуви - куча чего-то очень необходимого в походе. И я с ужасом смотрела на мою детку, с трудом передвигающуюся с этим рюкзаком по квартире... А как она будет ходить с ним по горам да еще переправляться через горные реки?!

Потом, за десять минут до выхода из дома, моя шептунья дочь передумала надевать кроссовки, в которых хотела ехать, и решила достать вторые, сменные, которые лежали на дне рюкзака. Поэтому все содержимое рюкзака она просто вывалила на пол, и за неимением времени просто запихнула обратно все вещи, не беспокоясь, чтобы все было притерто и не стучало!

И по пути на вокзал ее бесформенный рюкзак весь грохотал и заваливался набок. И я думала, успокаивая себя: ничего, она в поезде все переложит! У метро мы встретили ту маму, правильную, чинную, чьи дети-погодки, оставшись дома без ее контроля - просто взбесились и стали есть из холодильника все, что им нельзя.

- Ты отпускаешь ее в поход? - спросила она меня, с интонацией, в которой было и возмущение, и непонимание - как так можно!

- Да вот, - смущенная такой реакцией сказала я. - Отпускаю. А твои дети не едут? - спросила я, чтобы хоть что-то сказать, хотя и так было понятно, что ее дети не могут туда ехать.

- Конечно, нет! - сказала она мне с чувством превосходства, и я мгновенно ощутила себя не матерью, а каким-то безответственным ничтожеством! - Я своих детей люблю! - сказала она и гордо пошла дальше.

А я до самого вокзала так и мучилась - нормальная я мать или ненормальная, что отпускаю двенадцатилетнюю девочку в поход на Кавказ...

А потом была неделя тишины. И моих тревожных мыслей - как она там? Никаких мобильных телефонов тогда не было.

А потом она вернулась. И тишина кончилась. Потому что она рассказывала, не умолкая, несколько дней - все с момента посадки в поезд. И я только слушала, потрясенная этим бурлением жизни, эмоциями, реальными приключениями. И иногда за сердце рукой хваталась.

- Мы его ночью, мам, этого дядьку пьяного противного, который нам все замечания делал в поезде, к матрасу пришили.

- Как это - к матрасу пришили?

- Так и пришили. Взяли нитки с иглой, и пока он спал, мы его одежду к матрасу и пришили...

- И что же дядька, когда проснулся? - лепетала я.

- Он так смеялся, мам, когда понял - почему матрас вместе с ним встает и он от него никак отделаться не может!

- Но ведь он мог на вас разозлиться! Мог вас обидеть, мог даже ударить! - говорила я, понимая, что поздно уже что-то говорить.

- Не, мам, он, пришитый к матрасу, ничего не мог... - безмятежно говорила дочь, и я успокаивала себя - мол, дело прошлое, все ведь хорошо закончилось.

Успокаивалась до очередного рассказа - как упала она все-таки в горную реку и промокла в ледяной воде сама и вещи в рюкзаке промочила. Как замерзли они ночью на каком-то перевале, как соединяли спальники, чтобы спать было теплее. Как была она дежурной и готовила на костре кашу на всех.

- Ты готовила кашу на костре? - переспросила я. - Ты умеешь?

- Уже умею, - смеялась дочь. - Там не спрашивают, умеешь ты или нет. Ты дежуришь, ты и готовишь, - отвечала она.

Она приехала какая-то другая - более взрослая, смелая, самостоятельная. Она приехала уважающей себя, потому что увидела, что может проходить большие расстояния с тяжелым рюкзаком на плечах, ставить палатку, готовить еду. А сколько эмоций она получила от общения, красоты природы, песен под гитару, каких-то творческих конкурсов, которые они проводили.

Встретив после каникул «правильную» маму, ведущую своих детей в школу (они жили в соседнем дворе от школы, но она, как хорошая мама, по утрам все еще приводила девочек в школу!), я испытала жалость - к ней самой и к ее детям, которых она лишила такой увлекательной жизни на каникулах.

С тех пор моя дочь ежегодно ходила в походы, ездила в поездки по другим городам, это стало нормой нашей жизни - ее самостоятельные «уходы» в жизнь.

Потом, когда я сама стала ходить в такие походы и начала уезжать на природу, она делилась со мной опытом «походника».

Мы должны отпускать своих детей. Теперь я это сама знаю. И сама, как раньше мне, говорю родителям:

- Отпустите своих детей. Отпустите их в самостоятельность. Все, что ребенку по силам, все, с чем он может справиться, чему хочет сам научиться - он должен делать сам...

Я не предлагаю бросить наших детей в жизнь, как беспомощных котят. Нет, мы должны быть рядом с ними в этом опыте. Рядом, но не впереди! Сбоку детей, сзади детей, но не впереди с флагом наших ложных «знаний» и сомнительных истин.

И так надо поступать с первых лет их жизни - давая им свободу выбирать, исследовать, стоять за себя, нести ответственность, самостоятельно действовать.

Я отпускала свою дочь в жизнь медленно, постепенно. Я полностью отпустила ее в жизнь, когда ей было девятнадцать лет, и я уезжала из Москвы, чтобы жить в другом городе.

Но я, уезжая, оставляя ее одну в квартире, одну в ее новой самостоятельной жизни, была уверена - у меня взрослая девочка, умная, сильная, умеющая строить отношения с людьми, отвечающая за свою безопасность. Она сможет жить одна. Она сможет сама обеспечить свою жизнь. Она сможет сама себя прокормить. Она сможет вести хозяйство. Она будет жить. И она будет учиться дальше, набирая необходимый ей разный опыт жизни.

Сейчас я могу открыто сказать, что горжусь тем, какая у меня дочь.

Она взрослый, самостоятельный человек. Она личность, яркая, интересная. Она сильная, целеустремленная, успешная женщина. Она уже хорошая мама, которая еще проходит опыт жизни - быть хорошей мамой. Она просто прекрасная женщина, которой восхищаются мужчины.

Совсем недавно, когда мы всей семьей жили на природе в лагере духовного творчества и утром пришли вдвоем на завтрак к импровизированной кухне, сделанной среди сосен, одна из женщин, знающая нас и восхищающаяся моей дочерью, сказала мне:

- Благословенна мать, которая приводит на завтрак такую дочь!

И я, не думая, ответила ей:

- Благословенна дочь, которая приводит на завтрак такую мать!

И задумалась: не гордыня ли звучит в моих словах, но тут же покачала головой. Моя дочь учила меня быть такой матерью. Учила и продолжает учить. И я ей за это благодарна!

Мы должны доверить ребенку ответственность

Когда моя дочь пошла в первый класс и я как «правильная», хорошая мама ответственно начала контролировать все - и процесс обучения, подготовки уроков, и распорядок дня, я обнаружила в какой-то момент, что вся обросла постоянными: «Я должна...»

Я должна с ребенком делать уроки. Я должна быть в курсе всех ее школьных дел. Я должна проконтролировать, собрала ли она портфель и все ли она в него положила. Я вечером должна уложить ее вовремя спать. Я должна разбудить ее, несмотря на ее нежелание встать. Я должна следить за ее школьной формой, чтобы все было выглажено.

Я должна, должна, должна... А она? Что должна она?

Я обнаружила, что она-то, получается, ничего не должна! Потому что всю ответственность за школу, за ее обучение взяла на себя я.

Несмотря на то что я была тогда еще очень правильной, контролирующей мамой, я все же ощутила всю нелепость, неправильность, даже вредность такого распределения ответственности. «Учеба - она чья?» - спросила себя я. И сама ответила: «Она дочкина. Тогда почему я должна за нее отвечать?!» И я решила понемногу, постепенно освобождаться от этой излишней ответственности.

Начала я со сбора портфеля, который был ежевечерним совместным действием. Мы вместе по расписанию смотрели, какие завтра уроки, отбирали учебники, вместе укладывали их в портфель, и я еще проверяла, все ли мы положили.

И однажды я сказала дочке:

- Детка, ты уже взрослый самостоятельный человек, ты школьница, поэтому ты сама уже можешь отвечать за себя. Давай с сегодняшнего дня ты сама будешь отвечать за свой портфель. Я уверена, что это у тебя хорошо получится. Ты же сама можешь отобрать нужные учебники, карандаши, тетради и уложить их!

Дочь согласилась с тем, что, конечно, она может это сама. И сама начала собирать портфель в школу.

Честно скажу: мое родительское сердце просто рвалось на части от желания вмешаться и посмотреть - все ли она взяла, так ли уложила? Вообще - уложила ли? Видя, как увлеченно она играет вечером, все откладывая сбор портфеля на потом, я сначала напоминала ей: «Ты помнишь, что тебе надо собрать портфель?» Потом поняла, что я все равно отвечаю за то, чтобы портфель был собран, раз продолжаю контролировать ситуацию.

И я сказала дочери:

- Детка, это *твой* портфель, это *твое* обучение в школе. Ты за все отвечаешь сама. Ты сама можешь решить, когда ты собираешь портфель, - вечером, или утром, перед школой, когда ты торопишься и можешь что-то забыть. Главное, помни, что это - твое дело. Ты за него отвечаешь. И ты за него действительно отвечаешь перед учительницей. Если ты что-то забудешь, тебе придется объяснять ей, почему ты забыла... Поэтому я не буду тебе больше напоминать, что ты должна делать. Делай это сама, когда считаешь нужным...

Она делала. Так, как считала нужным. Иногда образцово с вечера собирала портфель. Иногда утром заполошно хватала со стола учебники и тетради. Я просто наблюдала, пытаюсь не комментировать происходящее.

Однажды, в такой вот утренней спешке она оставила на столе нужную тетрадь. Я видела, что тетрадь лежит на столе, что дочь ее забыла. Я уже открыла было рот, чтобы сказать: «Ты забыла тетрадь!» И закрыла рот.

Дочь умчалась в школу. Спустя какое-то время примчалась домой за тетрадью, отправленная учительницей. Она пережила не самый приятный опыт: ее отругали в школе и заставили идти домой за тетрадью. Она еще дважды что-то забывала, но после этих случаев уже никогда не забывала проверять, все ли лежит в портфеле. Она научилась отвечать за это

дело.

Потом я передоверила ей ответственность самостоятельно просыпаться. Мне надоело ее дергать вечером, напоминая, что завтра рано вставать. Надоело нервничать с утра, будить ее и видеть нежелание вставать. «Почему я за это переживаю? Это что, моя обязанность - быть на уроках вовремя? Я в своей школе уже отучилась», - подумала я.

И сказала дочери:

- Ты знаешь, когда я была маленькой, я сама вставала в школу, меня никто не будил. И я уверена, что у тебя это тоже получится. Давай мы тебе купим новый звонкий будильник и ты сама будешь отвечать за подъем...

С тех пор она самостоятельно просыпалась. Несколько раз, правда, просыпала. Пережив опыт критики учительницы перед всем классом за опоздание на урок - перестала просыпаться. И с тех пор все долгие годы обучения в школе меня больше не волновал вопрос, когда ребенку надо вставать, как его поднять.

Сейчас, когда в нашей семье растет внук, история повторяется. Он сам складывает портфель и спортивную сумку - каждый день другую, в зависимости от занятий в спортивном клубе. Он сам встает по утрам и собирается в школу. Недавно я передоверила ему еще одну ответственность - переводить меня через дорогу. Я объяснила ребенку, что мне хочется, чтобы уже теперь кто-то переводил меня через дорогу и отвечал за мою безопасность. И он со всей ответственностью относится к этому занятию.

- Готовься, Маруся, сейчас будем переходить дорогу! - говорит он мне.

- Я готова! - отвечаю я ему и жду, пока он посмотрит налево, направо, убеждаясь, что можно безопасно переходить.

- Идем, Маруся! Быстро! - командует он, и я быстро перехожу дорогу рядом с ним, под его контролем. И всегда благодарю его, что он освободил меня от этой ответственности - самой отвечать за мою безопасность.

- Надо мне и маму переводить через дорогу! - сказал он однажды серьезно, - Она вообще не смотрит по сторонам, смотрит на одни витрины...

И я поддержала его в том, что он способен отвечать за безопасность мамы при переходе через дорогу, раз он уже вырос и может в чем-то отвечать за нас.

Отпустить ребенка в самостоятельность - это и значит помочь ему самому за что-то отвечать.

Часто родители спрашивают - как это сделать? Как отдать ребенку ответственность, чтобы он ее взял? Я часто слышу:

- Да я уже ему эту ответственность передаю, передаю, только он ее не берет!

- Наверное, так передаешь, - всегда отвечаю я. - Когда мы даем нашим детям что-то хорошее, да еще с любовью, - они всегда это берут. Но когда мы пытаемся переложить на них что-то, с их точки зрения, плохое, да еще выражаем при этом недовольство или критикуем детей, они это не хотят брать. И они правы. Мы, взрослые, тоже не хотели бы взять на себя ничего плохого да еще с критичным - «Тебе что, трудно!...»

Когда мы были детьми, мы тоже не очень-то сильно хотели брать на себя какие-то обязанности. И наши родители нас «виноватили»: «У тебя совесть есть? Кто за тебя будет мыть!...» Или: «Пошла бы лучше бабушке помогла...» И такие, с привкусом негатива, советы или требования, как правило, не приносили ожидаемого результата.

Поэтому нам нужно поступать по-другому, более мягко и грамотно. Грамотное, легкое передоверие ответственности может проходить в несколько этапов.

Сначала надо собраться всем вместе, чтобы подумать, какие дела есть в семье, и сделать полный список таких дел. Дети чаще всего не задумываются, кто за что отвечает в семье. Они принимают как должное, что тут чисто, а там все приготовлено. Мы ведь и сами, когда были детьми, до какого-то возраста вообще об этом не думали.

Сделать список всех обязанностей, каких-то необходимых действий для ведения домашнего хозяйства - важный этап. Как правило, получается огромный список дел, что вызывает удивление у всех членов семьи, даже у взрослых, которые часто тоже не

задумываются, как много они делают. Ведь многие дела незаметны, и их привычно кто-то делает, а кто-то привычно получает только результат этих дел и действий.

Второй этап заключается в распределении ответственности между всеми членами семьи. И это - очень интересный процесс не только для ребенка, но и для взрослых. Иногда для взрослых он даже более интересен, чем для детей. Потому что взрослые люди, вступая в брак, чаще всего не делают такого распределения осознанно, на условиях договора. Просто кто-то что-то делает. Иногда - с огромным перекосом на плечи женщин. Или мужчин. Или - родителей, живущих с молодой семьей. Поэтому перераспределение обязанностей является увлекательным процессом и для взрослых. Ребенок в этом процессе должен увидеть, что каждый член семьи за что-то отвечает. И он - тоже важный член семьи, тоже может за что-то отвечать. Он должен почувствовать свою необходимость, значимость для семьи. Именно при таких условиях он легко берет на себя ответственность. Берет ее с чувством гордости за то, что он уже может многое сделать!

И я обращаю твое внимание на то, что мы говорим о *передоверии* ребенку ответственности. О *передаче* ответственности. А не о «нагрузении» ответственностью. Не о требовании к ребенку что-то на себя взять.

Это не то, что с сегодняшнего дня он *должен* делать - это то, что он *может* делать, что он может *сам выбрать* делать, это то, что у него получится, чему все будут рады, за что все будут благодарны ему.

Мы не заставляем, мы не совестим - мы *договариваемся*. Мы передаем ребенку ответственность со всем *доверием* к нему. Я говорю ребенку:

- Ты у меня уже большой, ты самостоятельный, я доверяю тебе делать это, у тебя получится.

Если ребенок не будет чувствовать, что ваш дом принадлежит и ему тоже, он сделает своим домом улицу.

Надин де Ротшильд

Одна мама говорила однажды:

- Я уже доверяла дочери, а толку никакого! Я ей сказала: «Это твоя комната, как хочешь, так и живи! Хочешь - хоть по колено в грязи живи!» И что вы думаете - она стала ее убирать? Она заросла грязью по самые уши! Она расчищает квадратный сантиметр на столе и делает на нем уроки среди полного беспорядка...

- Но представь себе, - отвечаю я таким родителям, - что тебе говорит твоя мама или твой папа: «Вот твоя комната, что хочешь, то с ней и делай. Хочешь - хоть по колено в грязи живи!» - будет ли у тебя желание сделать ее чистой? Или будет желание действительно сделать ее по колено в грязи? В самой этой фразе есть неверие в то, что у тебя получится жить в чистой комнате. В этой фразе уже заложено ожидание плохого результата. «Чего от тебя еще ждать?! Я уже махнул на тебя рукой, неряха ты и есть неряха!» - вот истинный подтекст такого родительского обращения.

В ответ на такое обращение у любого психически здорового человека появится одно желание - насорить еще, назло тебе! И уж точно не появится желание порадовать родителей, сделав эту комнату чистой!

Вот так мы, родители, часто и «передаем ответственность». И получаем обратный результат - полное нежелание ее на себя брать.

- Ведь хороший же мальчик, - с убийственной интонацией говорит мама, - а не можешь застелить постель!...

И удивляется, почему ребенок так и не взял на себя эту ответственность - застилать за собой постель.

- Видишь, ведь может же быть чисто! - презрительно-иронично говорит папа ребенку, который навел порядок в своей комнате. - Трудно, что ли, всегда так? Ведь можешь, когда захочешь!...

И удивляется, почему после этого ребенок опять не хочет поддерживать в своей комнате чистоту.

Нам нужно научиться *с уважением* относиться к нашим детям. И действительно - *доверять* им какие-то дела, подчеркивая их возможности, важность их помощи.

Можно заключить с ребенком настоящий договор о передаче ответственности. Дети очень любят, когда с ними обращаются как с взрослыми - договариваются, как со взрослыми, даже оформляют документы, как со взрослыми. Поэтому можно всей семьей придумать, составить, сделать такой документ, в котором перечисляются все домашние обязанности с указанием, кто и за что отвечает. В котором оговариваются условия выполнения, ставятся подписи. Этот документ может быть заверен семейной печатью, которая изготавливается вместе (ее проект тоже может быть обсужден, устроен конкурс эскизов). В этом документе обязательно оговариваются моменты, что делать, если кто-то не выполнил, не смог выполнить возложенные на него обязанности. Этот договор обязательно должен быть достаточно гибким и предусматривать ситуации, когда кто-то из членов семьи по каким-то причинам не сможет выполнить свои обязанности, - чтобы каждый чувствовал поддержку, взаимопомощь.

Ребенок может задержаться в школе на мероприятии и не успеть купить молоко, которое он по договору должен покупать в семью. Так же как и папа или мама, которые задерживаются на работе или уезжают в командировку, не смогут иногда выполнить свои обязанности. Нужно обговорить возможные ситуации, как оповестить других о передаче ответственности. Нужно придумать систему поощрения, отметок, даже наград или отличий за выполнение каких-то обязанностей, или за их особо качественное выполнение. Нужно заложить в договор возможности новых обсуждений и изменения самого договора, потому что какая-то ответственность для ребенка на практике может оказаться еще сложной, или потребуются изменения в перераспределении обязанностей для более слаженного, гармоничного участия в этом процессе всех членов семьи.

Создание такого договора - сложный и интересный процесс, который сближает всю семью, поднимает ребенка в его ответственности на уровень взрослого. Я сама создавала такие договоренности со своей дочерью и знаю, как это работает, когда ребенок знает: ему доверяют, в него верят, от него ждут помощи. Дети действительно положительно принимают такие отношения, они начинают даже напрашиваться на то, чтобы еще что-то сделать, когда видят, что их ценят, что они значимы, что они - важная часть семейной жизни. Они начинают хотеть, сами хотеть что-то делать для семьи, а это мечта каждого родителя.

Для родителей такое «хотение» ребенка часто просто неожиданно. Я слышала много рассказов о ситуациях, когда родители были изумлены - как просто и легко они начинают *получать* от ребенка то, чего раньше требовали, по поводу чего скандалили, портили нервы себе и ребенку. Все начинает получаться как бы само по себе, просто у ребенка появляется возможность быть хорошим, нужным, ценным, появляются мотивы быть таким.

Можно и не составлять такой договор на все семейные обязанности. Можно взять хотя бы какую-то область вашей жизни и доверить ребенку что-то, чтобы у него была возможность быть за это ответственным. Я могу доверить ребенку покупать хлеб, или ходить в сберкассе платить за коммунальные услуги.

Какую бы ответственность, сколько бы ответственности мы ни доверили ребенку, надо обязательно договориться о системе поощрения, иначе все наши договоренности рассыпятся, пропадет интерес ребенка, исчезнут мотивы, которые движут им в принятии на себя ответственности. Дети должны чувствовать, видеть, что мы замечаем их вклад. Мы сами ведь не очень хотим работать и выполнять обязанности, когда нас заставляют и никто слова доброго не скажет?! Дети - такие же люди, и они просто хотят быть любимыми и замеченными.

Даже если результат получается не очень хорошим, ребенка все равно надо отметить, похвалить за его старание, за то, что он учится, овладевает каким-то навыком. Можно вместе с ним проанализировать, что у него не получается, почему. Ребенок должен быть поддержан в том, что он обязательно научится всему. Что мы, взрослые, в него верим.

Ошибка, которую часто делают родители в этом процессе передоверия

ответственности, - это критические оценки или проверки того, что доверили ребенку. Мы доверяем ребенку самому следить за чистотой в его комнате, а потом приходим с проверкой: «Ну что тут у тебя? Это ты убрал? Это называется - ты убрал?» И тем самым убиваем саму идею самостоятельности ребенка, веры в него, доверия ему.

Увидев какие-то огрехи в том, как ребенок выполнил дело, которое ему доверили, надо сначала обратить его внимание на то, что у него уже получилось, в чем он уже молодец. И только потом очень доброжелательно посоветовать ему, что он может сделать лучше, заранее заверив его в том, что он действительно *может* сделать это лучше. Только так ребенок способен овладевать новыми навыками, хотеть выполнять какие-то *доверенные* ему обязанности. Расти и становиться самостоятельным.

Мы должны давать ребенку право выбора

- Я не пойду на подготовку! - сказал мне однажды шестилетний внук, когда мы уже подошли к воротам школы, в которой он два раза в неделю занимался в подготовительной группе. - Маруся, я не хочу идти на подготовку! - сказал он со слезами в голосе, и слезы эти тут же показались на его глазах. И он замолчал, и насупился, и остановился, встал твердо, упрямо, как стоял всегда, когда совсем-совсем был не согласен с чем-то и отстаивал свою позицию.

- Но, дорогой, тебе надо идти на эти занятия. Тебе же надо готовиться к школе, - сказала я ему то, что только могла сказать. И сама почувствовала фальшь в своих словах. Буквально за день до этого я говорила с дочерью об этих посещениях подготовительной группы в школе, говорила о том, что это, на мой взгляд, неправильно лишать ребенка детства, за год до школы водить его в школу, посещать пусть и несерьезные пока уроки, заставлять делать задания. Ведь никто раньше не делал этого, и все дети в школе учились писать и читать. Но сейчас - усердствующие в своей родительской ответственности родители нагружают ребенка раньше времени...

- Я не пойду на подготовку! - опять твердо сказал внук. И я в который раз подумала - какое это бесправное существо - ребенок! За него решают, его посылают туда, куда он не хочет, где ему плохо или неинтересно, но родители лучше знают...

- Хорошо, дорогой, ты не пойдешь на подготовку, - сказала я ему, и он тут же повернулся и пошел домой. И вдруг запел что-то детское таким радостным, чистым детским голосом, что теперь уже у меня на глаза навернулись слезы. Его чистое, радостное пение - подтверждение тому, что мы правильно решили - не нужна ему эта подготовка. Он умный и способный мальчик, он научится всему в свое время.

И я шла рядом с ним, таким радостным, поющим и думала: как сложно быть родителем именно в этом - дать возможность ребенку самому что-то выбирать и решать. Как сложно поверить, что он способен выбрать сам, что он способен выбрать для себя хорошее. Надо действительно очень уважать ребенка и видеть в нем личность, чтобы позволить ему свободу выбора.

Но - как бы ни было нам трудно - это то, что мы должны научиться делать. Потому что не можем все и всегда решать за них. Не можем всегда правильно решать за этих *отдельных* от нас людей с их *отдельной* жизнью.

Я иногда говорю родителям:

- Спит ли твой ребенок на правом боку или на левом, на спине или на животе - тебя это не должно касаться. Это его выбор, как ему спать. И таких выборов - самостоятельных выборов, как ему поступать - должно быть в жизни ребенка как можно больше. Выбирая самостоятельно, самостоятельно решая, он учится быть сильным, ответственным, взрослым.

- Ах, но разве он сам может выбрать правильно! - говорят родители. - Что он знает, что он понимает, чтобы правильно выбрать?!

Вот и помоги ему с детства выбрать! Сначала просто дай возможность выбирать - когда одеваешь его, например, на улицу. Дай ему выбор - какую одежду надеть. Конечно, вначале ты, взрослый, выбираешь для него одежду по погоде, из нее малыш и выберет те штанишки, ботиночки, которые захочет надеть. Но с ростом ребенка, когда у него появляется больше

знаний, представлений, - возможности его самостоятельных выборов должны увеличиваться.

Наша задача и есть увеличение области его возможных выборов. А для этого надо давать выбирать, надо давать пробовать. Совсем недавно мы обсуждали с дочерью возможность таких выборов для внука - чем ему заниматься. Ребенок хочет заниматься айкидо, и футболом, и продолжать заниматься плаванием, и фехтование он хочет попробовать, и театр у него остается, как одно из любимых занятий. И все это просто невозможно включить в расписание его жизни, в которой есть еще школа, и уроки, и игры, и компьютер, и мультики. Но для того чтобы он смог выбрать то, что действительно ему будет интересно, чтобы оставить в его распорядке дня реальное количество занятий, сначала надо все попробовать. И мы решили - пусть пробует, потом сам выберет, что ему оставить.

Мы должны дать ребенку возможность выбора, и мы должны помочь ребенку в *осознании* его выбора. В осознании *важности* какого-то выбора.

По большому счету ведь нам надо, чтобы дети *сами выбирали* чистить зубы, делать уроки, убирать в комнате. Нет никакого смысла принуждать их это делать. Иначе, пока мы стоим за их спинами, они это делают, как только мы снимаем с них свой контроль - они это перестают делать.

В этом и должна заключаться наша родительская мудрость - с малых лет, уважая личность ребенка, уметь доброжелательно объяснить ему - как важны *ему самому* его здоровье, его чистота, его успехи в школе. И помочь ему самому принять правильные решения, сделать эти выборы.

Много лет назад моя дочь, проучившись полгода в первом классе, заявила однажды, что больше она в школу не пойдет, потому что писать и читать она уже научилась и ей этого достаточно. И я, растерявшись сначала от такой ее уверенности в правильности собственного выбора, сказала ей:

- Хорошо, детка, если ты не хочешь больше учиться - не учись. Но тогда тебе уже можно идти работать! Действительно, твоих знаний уже достаточно, чтобы найти себе какую-нибудь работу.

- А кем я уже могу работать? - заинтересованно спросила меня дочь.

- Ну, твоих знаний достаточно, чтобы ты работала дворником, уборщицей, посудомойкой. Еще ты можешь доить коров, кормить свиней, убирать навоз...

- Ладно, - помолчав, сказала дочь, - поучусь еще немного...

Совсем недавно мой любимый внук, проучившись месяц во втором классе, сказал мне то же самое: надоело ему уже учиться, он уже достаточно знает. И я сказала ему:

- Дорогой, ты можешь не учиться, но ты должен понимать: чтобы найти хорошую, интересную, денежную работу и стать хорошим специалистом в какой-то области, нужно много знаний...

И увидя проезжающий мимо мусоровоз, я добавила:

- Вот на этом мусоровозе работает человек, который тоже не очень хотел учиться. И его знаний хватило только на то, чтобы управлять такой машиной с несколькими рукоятками, которые позволяют ему опрокидывать в свою машину помойные контейнеры с отбросами... Разве ты хочешь быть таким специалистом?...

- Ладно, поучусь еще немного, - сказал мне внук, и я улыбнулась - так похож он был в этом выборе на свою маму.

Ребенок должен почувствовать силу и свободу самому решать, самому выбирать - поступки, отношения. Мы, родители, можем только помочь ему проявить свои лучшие качества, лучшие умения, лучшие проявления при этом выборе. Как рассказывал один совсем еще молодой дедушка:

- Я наблюдал за своим внуком и за своим зятем, когда они разговаривали. «Папа, а почему негры такие черные?» - спросил пятилетний внук. И отец ответил ему: «Ты знаешь, есть два варианта ответов, которые это объясняют. Один вариант - это то, что негры произошли от обезьян, поэтому они такие черные. А другой вариант - что их такими сотворил сам Господь Бог. А какой вариант правильный - выбирай сам...»

Я рассказала об этом вопросе и о вариантах ответов своему внуку. Мне было интересно, какой вариант выберет он.

- Нет, Маруся, - серьезно сказал он мне, - оба эти варианта неправильные. Негры, - поучительно сказал он мне, - это обычные люди, которые просто долго-долго, долго-долго, долго-долго-долго, долго-предолго сидели на солнце!

А я улыбнулась этому его самостоятельному объяснению и смешному его «долго-долго-долго». И подумала - хорошо, когда у ребенка есть собственное мнение!

Мы должны видеть ребенка в его лучшей версии

Мы должны сформировать сильного, уверенного, умеющего стоять за себя человека. Мы должны сформировать личность.

Это - наша главная задача. Это - цель нашего воздействия на ребенка.

Мы много говорили о том, как происходит такое «творение» личности. Как те качества, черты характера, которые я выбираю видеть в ребенке, - действительно проявляются, становятся заметными, значимыми в его структуре личности. Об этом мы поговорим и в книгах «Мысль творит реальность» и «Воспитание по-новому».

И, по большому счету, весь процесс нашего творческого воздействия на ребенка, процесс формирования его личности и есть наше умение, наша родительская мудрость, выбирать видеть в нем лучшие его черты, лучшие проявления, видеть самого ребенка как бы в его лучшей версии, каким он может быть.

- Моей дочке пять лет, - рассказывала одна мама участникам тренинга. - И она говорит нам: «Я хорошая!» А мы засмеялись: «Да какая ты хорошая! У тебя и паспорта-то нет!» Она ушла к себе в комнату, вернулась с паспортом, который сама себе сделала. На листке крупными буквами написано: «Я хорошая». Буква «ш» со многими палочками, она еще писать правильно не умеет...

Мы смеемся. И я говорю, все еще смеясь:

- Надо всем родителям, придя домой, нарисовать уже своим детям паспорта, в которых будет написано, что они хорошие, что они - умные, добрые, ценные *личности*. Чтобы ни у самих родителей, ни у детей не было в этом сомнений!...

Я уверена, что большинству родителей нужно внести некие изменения в тот образ ребенка, каким они видели его раньше. Мы больше не имеем права видеть их маленькими и слабенькими, беспомощными или бестолковыми, вредными или упрямыми. Разве таких детей мы хотим формировать?!

Нам нужно посмотреть на ребенка через любовь. Не критически. Посмотреть на ребенка добрыми глазами, чтобы увидеть в нем, разглядеть то хорошее, что в нем есть, и рассказать ему об этом хорошем. Увидеть его таким, каким нам хотелось бы его видеть.

Нам нужно задать самим себе вопрос: «Какого ребенка я хочу видеть? Какого ребенка я хочу творить своим воздействием на него?» - и создать осознанный образ такого человека, личности. Описать его словами.

Создание такого желаемого образа ребенка, твое решение создавать такого человека может выглядеть примерно так: «Я хочу воспитать сильного, уверенного, способного, самостоятельного, ответственного, понимающего, отзывчивого, доброго и умного ребенка».

И если ты хочешь воплотить этот образ в жизнь, начни видеть своего ребенка таким. Начни сообщать ему об этом. И в вашем взаимодействии с ребенком он начнет узнавать от тебя, что он *может* что-то делать, что он *способен* что-то понять, что он *смешливый*, что он *добрый*. Такой процесс осознанного творения, формирования ребенка просто вплетается в ваше ежедневное общение. Это не какие-то твои специальные действия, не какие-то поступки, это просто общение, легкое, радостное, полное поддержки, любви, веры в ребенка, доверия к нему.

И если ты хочешь, чтобы процесс этот пошел легче, переведи свои *желания* создать такого ребенка в *решения* создать такого ребенка. Не: «Я *хочу* видеть своего ребенка сильным, уверенным...» (так ты можешь на всю жизнь остаться со своим «хочу!»), а: «Я *создаю* своего ребенка сильным, уверенным».

Создай некую систему таких решений. Некий комплекс таких решений. Так тебе будет легче напоминать самому себе, что ты делаешь по отношению к ребенку. Например:

Я помогаю моему ребенку становиться самостоятельным.

Я творю моего ребенка ответственным.

Я вижу моего ребенка сильным.

Я выбираю видеть его способным, умным.

Я создаю уверенного в себе и своих силах ребенка.

Я творю доброго, понимающего и принимающего ребенка.

Я формирую Личность.

В этом и есть наша главная задача - формирование личности со всем ее лучшим, необходимым для жизни набором личностных качеств.

Но если дети - наши зеркала, если с нас, их родителей, делают они слепки, копии, то какими мы сами должны быть, если хотим вырастить таких детей?

Мы сами должны быть такими, образ которых мы создали для своего ребенка. Мы должны быть сильными и уверенными, добрыми и понимающими. Мы *должны* быть такими.

И мы должны *быть* ...

Мы сами должны *быть*...

Много лет назад, когда я пришла в школу работать психологом, я считала, что я нормальная, даже очень хорошая мать. Я действительно занималась воспитанием ребенка. Я все время что-то делала для нее. Я водила ее на синхронное плавание и на балетные танцы. Я шила ей красивые платья. Я вместе с ней делала поделки на конкурс. Я водила ее в музеи и читала ей книги...

Но, начав общаться с нормальными, типичными родителями, живущими в иллюзиях своей правоты, своих «знаний», в постоянной деятельности для детей, я поняла, что я такая же бестолковая мать, как и все остальные.

Потому что главное - это не *делать* для ребенка что-то, а в первую очередь - *быть* для него какой-то. *Быть* - в разных смыслах этого слова.

Если воспитание - это выращивание личности, то нас, взрослых, не должно быть слишком «много» в жизни наших детей. Тут нам надо помолчать, чтобы ребенок сам подумал. Тут - надо сдерживать себя, дать возможность ему реализоваться. Нам надо научиться не соваться в жизнь ребенка, давая самому ребенку проходить свой опыт. Но это возможно только тогда, когда мы сами уже самостоятельные, реализованные, иначе как мы можем не всунуться в любую ситуацию, опережая ребенка?

Именно поэтому мы должны быть реализованы, мы должны в чем-то состояться - на работе, в увлечениях, в какой-то сфере нашей жизни.

Мы должны состояться как мужчина или женщина, чтобы не использовать ребенка как партнера нереализованных отношений, чтобы оставить ему пространство для построения его отношений со сверстниками, с мальчиками или девочками.

Много лет назад на одном тренинге личностного роста, где нас, участников, попросили рассказать о себе что-то хорошее, я совершенно растерялась. Что я могу рассказать о себе?

- Моя дочь занимается синхронным плаванием, - стала рассказывать я. - Она ходит на занятия народного хора, и она там солистка - она танцует, когда хор поет... Она...

- Это все - о твоей дочери, - прервала меня ведущая семинара. - А что хорошего ты можешь рассказать о самой себе?

- Ну, - опять растерялась я, - у меня очень хорошая дочь. Она смышленная, она хорошо учится, она у меня такая творческая...

- Это все опять о твоей дочери и о ее жизни, - остановила меня ведущая. - А о себе что ты можешь рассказать хорошего? О своей жизни ты можешь рассказать что-то хорошее?

А что я могла ей о себе рассказать хорошего? Что я одинока? Что я нереализована, потому что все еще не нашла себя? Что единственное, в чем я вижу смысл своей жизни, - моя дочь?

Я была тогда нецельной, проблемной и одинокой женщиной. И жила для ребенка, ребенком. Как живут многие родители.

Но если мы хотим сформировать личность, то мы должны быть не пристройкой к личности ребенка, не подушечкой, на которой эта личность спит, не подставочкой, на которой личность растет. Только тогда мы можем создать личность - когда мы *сами личности* .

Пока мы не чувствуем себя уверенными, спокойными, ценящими себя - как можем мы вырастить эти качества в ребенке? Все наши слова о том, каким ему надо быть, разрушатся тем, что он будет видеть перед собой нас, не соответствующих нашим словам.

Мы должны быть стабильными и спокойными. Это тоже очень важные составляющие нашего родительского *бытия* .

Мы их то любим, то ругаем. Каждый ребенок испытывает иногда это замешательство: только что его хвалили, бац - и он опять плохой! Это формирует тревожность, нестабильность ребенка, потому что он никак не может определить, кто он есть? То он чувствует себя гением, то - идиотом. Потому что сами родители с их нестабильностью и беспокойством не дают ребенку сформировать какой-то устойчивый образ его личности. Как часто дети, встречая родителей, пришедших с работы, тревожно всматриваются в их лица: кто пришел домой - злой папа? Недовольная мама?

И мы уже знаем, что ребенок считывает с нас информацию о нас самих, таких, какие мы есть. И мы, такие, какие мы есть, являемся образцами для подражания - каким ему быть.

Если я сама неуверенная, маленькая, слабая, беспомощная - как у меня вырастет уверенный и сильный ребенок? Если я тревожная мама и вечно причитаю, переспрашиваю, напоминаю, тревожно заглядываю в лицо, как вырастет мой ребенок сильным и уверенным? Он тоже начинает тревожиться, ощущать неуверенность.

Однажды, пока я вела внука в поликлинику, он умудрился упасть везде, где только мог. Упал в подъезде, свалился в грязь на остановке, споткнулся о бордюр, когда переходил улицу... Дома, рассказав дочери, как ребенок за время нашего путешествия падал, я услышала от нее:

- Это он с тобой так сегодня шел. Со мной он всегда нормально ходит.

И я, вспомнив нашу поездку, даже рассмеялась. Я так давно с ним нигде не ходила, я так отвыкла от того, что рядом идет маленький ребенок и я за него отвечаю, я так следила, чтобы он обходил лужи и смотрел под ноги, что стала тревожной, настороженной, опекающей - классической бабушкой! Он в ответ и выдал мне поведение маленького, плохо ходящего ребенка, спотыкающегося на каждом шагу.

Мы должны быть позитивными - это еще один наш долг на уровне *бытия* . Это, действительно, долг, потому что собой, своим отношением к миру мы формируем картину мира ребенка. Надеюсь, ты уже ясно это понял.

- Я часто делюсь с дочерью тем, что у меня происходит на работе, в личной жизни, рассказываю случаи из своей жизни, из жизни подруг. Я хочу, чтобы она больше понимала жизнь, - говорила одна мама. - Но вдруг дочь сказала мне: «Ты знаешь, мама, я не хочу взрослеть». «Почему?» - удивилась я. «Потому что во взрослой жизни столько сложностей, столько проблем...» И получается, что я хотела подготовить ее к жизни, а она теперь жизни боится. Что же - не делиться, не говорить ей ничего?

- Ты не можешь не делиться, - ответила я этой маме. - Даже если ты будешь нема как рыба, - информация о твоём отношении к жизни, к ситуациям будет написана на твоём лице, отразится на твоей осанке. От детей нельзя спрятать правду. Но, может быть, тебе самой пора уже выбрать видеть в жизни какую-то другую правду, научиться видеть жизнь более яркой, интересной, справедливой. Может, надо учиться позитивно мыслить - тогда не придется бояться, что мы передадим нашим детям негативную информацию о мире.

Нам нужно пересмотреть наши картины мира вообще во всех сферах жизни, раз уж мы транслируем их нашим детям, формируя их представления о жизни. Мы не имеем права ныть и скулить, и жаловаться на жизнь, ругать правительство, сетовать на нехватку денег. Потому

что мы тем самым формируем негативные картины мира, которые потом станут программами для создания несчастных, ограниченных, обездоленных жизней наших детей.

Нам нужно научиться верить в хорошее, ждать хорошего, создавать хорошее. Наша тревожная любовь, которую мы выражаем опасениями: «Как он там? Хотя бы чего не случилось...» - порождает в жизни ребенка только напряжение и негатив. Только когда ты легко отпускаешь ребенка в жизнь и веришь в его способности, ум, жизненную силу, которая позволит ему выбрать правильный путь, - он становится сильным.

Нам нужно освободиться от своих бывших негативных представлений о самом ребенке как о проблеме, ноше, ответственности, головной боли.

Нам нужно пересмотреть наше отношение к ребенку, сделав это отношение позитивным. Нужно увидеть в ребенке радость и счастье. Нужно увидеть в нем личность. Нужно увидеть в нем чистого, мудрого и совершенного человека, которым он изначально и является.

Нужно увидеть в ребенке учителя. Нужно увидеть в нем постоянный стимул для нашего личностного роста. Источник нашего совершенствования.

Мы должны расти и совершенствоваться, чтобы соответствовать этим «мы должны *быть* ». Мы должны много учиться, читать, посещать тренинги, чистить себя от ограничивающих представлений и убеждений. И когда мы начнем меняться, начнут меняться и наши дети.

- Я столько уже натворила, столько неправильного в него вложила... - часто говорят матери, осознавая свой негативный вклад в формирование убеждений ребенка о самом себе, о жизни. - Как же теперь все это изменить? Как изменить ребенка, его поведение, отношение к себе и другим?

- Дети - наши зеркала, - напоминаю я. - Подойди к зеркалу, подними руку - и твое отражение в зеркале поднимет руку. По-другому не может произойти. Если ты хочешь перемен в своем ребенке - измени себя, чтобы твое отражение могло измениться. А оно изменится, не может не измениться.

И, по большому счету, в воспитании ребенка - главная цель вообще не касается ребенка. Цель - это твой собственный личностный рост, освобождение от негативных стереотипов мышления, формирование позитивных картин мира. И только потом - передача этого нового чистого опыта ребенку. Воспитай себя, потом берись за ребенка!

Много лет назад, когда я воспитывала свою маленькую дочь, однажды я поняла, что могу вдруг умереть и оставить ее такую вот - неподготовленную, беспомощную в жизни, и меня до глубины души потряс один вопрос.

Какой образ мамы останется у моего ребенка, если я действительно умру?

Какой она будет вспоминать меня после моей смерти?

И ответ, который пришел, мне совсем не понравился. Она будет вспоминать меня тревожной и дерганой, опекающей, сующей свой нос туда, куда никто не просит. Несчастной, с неудавшейся личной жизнью. Одинокой. Страдающей.

И мне не захотелось, чтобы моя доченька так обо мне вспоминала!

И долгие годы, меняя себя, перестраивая наши отношения, я возвращалась к этому вопросу. И видела, как меняются ответы.

И проводя тренинги для родителей, я всегда задаю этот вопрос им. И он всегда вызывает просто шквал родительского покаяния и осознания.

- Я поняла вдруг - мой ребенок будет помнить меня постоянно моющей посуду и наводящей порядок. И ругающей всех за то, что они мне не помогают. И все. Больше ему и вспоминать-то будет нечего...

- Он скажет - у меня был вечно деловой папаша. И больше он обо мне ничего не скажет. Потому что меня для него нет. Я дела делаю. Я деньги зарабатываю. Конечно, я делаю это для того, чтобы он жил нормально, чтобы можно было отдать его в хорошую школу. Но - точно! - умри я сейчас, он скажет: «Отец? Да он был деловой какой-то. Вечно по телефону общался. Не знаю, какой он был...»

- Она будет вспоминать меня вечно недовольной и делающей постоянные замечания. Зудящей как оса: «Делай уроки... Когда ты уже поймешь... Сколько раз тебе нужно повторять...»

Задай этот вопрос себе - каким будет вспоминать тебя твой ребенок? Каким ты был для него?

Каким тебе *надо быть*, чтобы твой ребенок, вспоминая о тебе, рассказывал своим друзьям или близким:

- Она была настоящей, понимающей и поддерживающей МАМОЙ. Она дала мне жизнь. Она любила меня. Она была классная. Она была добрая.

Или:

- Он был настоящим ПАПОЙ, который помог мне в жизни стать тем, кто я есть. Он был справедливым. Он уважал меня. Он верил в меня. Он сделал меня сильным и свободным.

Чтобы твой ребенок мог сказать:

- Я благодарен моим родителям. Они были настоящими РОДИТЕЛЯМИ...

Пока ты жив, у тебя есть время быть таким, чтобы ему хотелось тебя помнить.

Чтобы ему было что вспомнить...

Мы должны жить интересной жизнью

- Мне очень нужна ваша помощь, - сказал однажды мой приятель, врач, работающий на «скорой». - У меня есть знакомый - хороший мальчик, из хорошей семьи. Мальчик - наркоман. Я его регулярно вывожу из состояния ломки, помогаю восстановиться. Но немного погодя он опять садится на иглу. Его родители страдают. Он сам понимает, что пропадает, что это может скоро закончиться его смертью, но ничего не может сделать. И я не знаю, как ему помочь. Я ему говорю: «Зачем ты это делаешь? Ты же понимаешь, что этого делать не нужно!» А он говорит: «А я не вижу никакого смысла в этой жизни. Я не вижу ничего интересного, ради чего стоило бы жить». Я ему на это говорю: «Посмотри на своих родителей, на их жизнь, они у тебя достойные люди». А он говорит: «Я на них и смотрю. И что вы хотите, чтобы я жил так, как живут они? Пришли с работы, посмотрели телевизор, обсудили соседей... Да я лучше уколюсь!» Может, - сказал мне доктор, - вы поговорите с мальчиком и объясните ему, в чем смысл жизни, чтобы он его увидел...

- Чтобы он увидел смысл жизни... - улыбнулась я. И сказала: - Да нет никакого смысла жизни, кроме того, что каждый человек сам для себя создает. То, что ему интересно, то, что он создает, то, чем он хочет заниматься, становится смыслом его жизни. Смыслом жизни может стать ребенок. Им может быть хобби, увлечение, любое творчество. Им может быть работа, самореализация, личностный рост. То, чем ты свою жизнь наполнишь, это и есть смысл твоей жизни. Этому мальчику не показали осмысленной, наполненной смыслом жизни. И теперь он не видит в этой жизни никакого смысла... Ему нужно учиться самому создавать собственный смысл жизни...

Я часто вспоминала этот наш разговор, когда общалась с такими вот, потерявшими, вернее, так и не увидевшими смысл жизни детьми, которые от бессмысленности ее уходили в наркотики или пьянство, просто в антисоциальное поведение, мстя этому обществу за всю его бессмысленную, пустую жизнь.

Наши дети должны видеть интерес в жизни, какой-то смысл жизни. Лучший способ показать ребенку этот интерес к жизни, радость от жизни, энергию жизни - не на чужих примерах, как делают многие родители.

- Смотри, какая гимнастка! Вот тебе тоже надо гимнастикой заняться! - говорит ребенку мама, сидящая у телевизора, которая не делает даже зарядки, позволяя своему телу лениться.

- Смотри, какой дядя пловец! Тебе тоже надо плаванием заняться! - говорит ребенку папа с пивным животом, сидящий у телевизора.

Так - не научишь ребенка быть активным и спортивным. Так не сформируешь его интерес к жизни и желание попробовать себя в этой жизни в разных качествах, чтобы найти самого себя.

Мы сами должны жить интересной, яркой жизнью. Чем-то заниматься, чем-то увлекаться, а не тосковать и скучать. Нам нужно показать детям, что можно жить радостно и интересно. Поэтому мы должны, просто *обязаны* находить время для себя. Мы должны веселиться, танцевать. Мы должны ходить в рестораны или клубы, чтобы развлекаться. Ходить на курсы игры на гитаре или керамики, заниматься тем, что нам интересно. Мы должны иметь какое-то хобби. Мы должны ходить в походы или ездить в круизы. Мы должны получать новые впечатления, эмоции, знания, чтобы делиться ими с нашими детьми.

Когда нам интересно жить, ребенку, который живет рядом с нами, тоже становится интересно жить. И наши многочисленные интересы дают широкие возможности для выбора его интересов.

Мы должны создать сначала свою яркую интересную жизнь, чтобы, живя в ней, ребенок не чувствовал бы *потребности* поиска ярких ощущений в наркотиках, в каких-то дурных увлечениях.

Я однажды разговаривала с женщиной, дочь которой была ровесницей моей дочери.

- Какое страшное время сейчас, - говорила она. - Я так боюсь за свою дочь! Она может связаться с плохой компанией. Или какие-нибудь подружки ее научат плохому. Такая преступность сейчас. Вокруг одни наркоманы...

Она говорила это, а я, с удивлением прислушиваясь к своим чувствам, обнаружила, что меня это вообще не тревожит, что у меня и мысли нет, что моя дочь может связаться с наркоманами, привлечь к себе каких-то преступников. Я даже заволновалась на мгновение - что же это я за мать, если за свою дочь не переживаю!

Но потом подумала: а почему я должна переживать, что моя девочка станет наркоманкой, алкоголичкой, проституткой или еще кем-то? Она с детских лет живет жизнью, наполненной интересами, увлечениями, творчеством, дружбой с хорошими, такими же интересными и творческими ребятами. С какой стати, от какой такой жизни она уйдет в наркотики? Или пойдет в подвал с кем-то выпить? Да ей некогда и незачем такими глупостями заниматься, ей очень интересно жить и так.

Мы должны жить интересной, яркой, разнообразной жизнью, находя на все это время (как много его освободится, когда ты оставишь в покое своего ребенка!), чтобы вообще - быть интересными людьми.

Я сказала однажды своей дочери: «Знаешь, я обнаружила вдруг, что у меня нет никакого хобби!» - рассказывала одна мама. - «У тебя есть хобби, - ответила мне дочь. - Твое хобби - это я! Ты только мной и занимаешься!»

Мы тогда интересны нашим детям, когда мы сами действительно в чем-то интересны. Когда они нас уважают. Но они тогда нас уважают, когда нас есть за что уважать!

Наши дети тогда с удовольствием общаются с нами, когда мы можем поделиться с ними чем-то интересным. И когда ребенку интересно общаться с родителями - у него нет нужды искать «интересных» людей в подвалах или на теплотрассе.

Мы должны жить интересными, наполненными, полноценными жизнями, чтобы просто чувствовать себя счастливыми!

Мы должны быть счастливыми. Это наш, возможно, самый главный долг!

Потому что только у счастливых родителей может вырасти, сформироваться счастливый ребенок.

Давай поможем ему таким стать!

Мы должны научить ребенка общаться

Общаясь со знающими, очень эрудированными, умными людьми, я обращала внимание на то, что люди эти, переполненные информацией обо всех сферах жизни или углубленные в какую-то одну сферу жизни, очень часто имеют сложности в общении с другими людьми. Их перекося в знания, их переполненные информацией головы мешают простому человеческому общению. Такой человек, зная, например, все о творчестве Шекспира или германском флоте, не знает чего-то простого, человеческого. Но так необходимого для жизни в этом человеческом мире.

Иногда мне казалось, что именно знания, переполненность ими - мешают человеку находить какие-то простые темы для общения, для понимания людей. Весь их ум, казалось, уходил на другое - на хранение информации, а не на понимание людей, на проявление интереса к конкретному человеку. И такие люди очень часто одиноки в жизни, погружены в себя и как бы вырваны из социальных связей. И им так трудно жить в этом мире.

Поэтому часто, говоря с родителями о наших родительских приоритетах, я подчеркиваю: не закидывайтесь на знаниях. Сами знания не должны быть целью. Не должно быть целью количество знаний, которое мы дадим ребенку. Они - лишь средства для жизни ребенка в этом мире. Цель - это что-то другое, более важное, что поможет ребенку жить в этом мире.

На самом деле наша цель, наш долг - научить детей взаимодействовать с миром. Мы не можем их оградить от этого мира, именно в мир уйдут они рано или поздно.

Но этот мир - это мир людей. В этом мире людей они должны выжить. И не только выжить, а быть счастливыми, гармоничными, успешными.

Поэтому научить ребенка взаимодействовать с миром - значит, в первую очередь, научить его взаимодействовать с людьми, научить находить общий язык с людьми, строить отношения, привлекать к себе поддержку.

Мы должны научить наших детей общаться. Общаться, основываясь на принятии, понимании, доверии и любви. Именно тогда наши дети будут привлекать к себе хороших людей, будут окружены поддержкой, будут успешны в этой сфере общения.

Но лучшее, на чем ребенок учится общаться, - это наши отношения с ним.

Наши отношения с ребенком, форма общения с ребенком, интонация, способы взаимодействия и есть самая естественная и мощная школа общения. В ней ребенок учится тому, как можно, как нужно обращаться с другими людьми. И что бы мы ни говорили нашим детям, как бы их ни учили сознательно - наше собственное отношение к ребенку и даст ему основные навыки общения с людьми.

Потому что просто невозможно орать на ребенка - и при этом учить его дружить с людьми. Невозможно унижать его - и учить его уважать других.

Пока не поздно, нам надо пересмотреть многие наши родительские позиции, представления, чтобы наполнить наши отношения любовью, пониманием, принятием. Мы много внимания уделяли этим вопросам в книге, посвященной воспитанию детей, - «Воспитание по-новому». Надеюсь, она поможет тебе в создании новых отношений с ребенком, которые станут для него образцом того, какие отношения он будет строить с миром.

Мы должны сказать нашим детям важные вещи

Одним из старых, наших ложных «долгов» - был долг быть вместе с ребенком, проводить с ним много времени.

Я, работая в дорогой частной школе, наблюдала много таких отношений, когда мамы проводили с детьми много времени - постоянно водили их на какие-то занятия. Вместе ездили отдыхать, вместе находились дома, освобожденные их богатыми мужьями от всех забот и хлопот, кроме как от воспитания детей.

И, могу сказать, это были проблемные отношения, проблемные дети.

Потому что ни само время, ни совместное времяпрепровождение не могли дать ребенку нужного количества любви, понимания, близости. Этого не могли дать мамы, «уставшие» от такой жизни, раздраженные своей нереализованностью или тяжелыми отношениями с мужем, которого они просто не видели неделями - он занят бизнесом...

Быть вместе с ребенком целый день и ненавидеть его, срывать на нем свое раздражение - кому нужен такой долг!

Я часто говорю родителям:

- Дело не во времени, которое ты проводишь с ребенком. Дело в *качестве* ваших отношений. Дело в том, чем ты делишься в те часы или даже минуты, когда находишься рядом с ребенком. Можно быть с ребенком только час в день, но этот час наполнить таким

интересом к нему, таким вниманием, таким принятием, близостью, любовью, что твой ребенок будет уверен в твоей любви, в самом себе, будет чувствовать себя значимым и ценным. Нужны минуты, чтобы сказать нашим детям о нашей любви к ним. Нужны действительно минуты, чтобы выразить любовь, чтобы произнести те важные слова, которые так нужно слышать ребенку...

И это касается вообще всей той важной и значимой для ребенка информации, которую даем ему о мире мы, взрослые. Нужны минуты, чтобы сказать ему о том, что он хороший, умный, добрый человек, в которого ты веришь. Нужны минуты, чтобы рассказать, что этот мир - прекрасен и добр и что он, твой ребенок, обязательно найдет себя в этом мире.

Нужны минуты, чтобы рассказать, что деньги - это прекрасно, это свобода и возможности делать свою жизнь интересной, насыщенной, это возможность поддерживать других.

Нужны минуты, чтобы сказать важные вещи, я в этом уверена.

Однажды, гуляя с собакой, я стала свидетельницей ужасной сцены. Женщины, тоже гуляющие вечером с собаками, привлеченные каким-то душераздирающим визгом, поймали в подъезде трех мальчиков, режущих живого щенка. Мальчики эти, лет девяти-одиннадцати, просто хотели посмотреть, как устроен щенок внутри. И живому щенку разрезали живот, рассматривали его внутренности...

Женщины, обнаружившие такое садистское отношение к несчастному животному, кипели негодованием. Просто не понимали, откуда такая жестокость, как можно так истязать живое существо! И было много обсуждений, какая ужасная растет молодежь. Как будто молодежь у нас растет сама по себе, без влияния взрослых!

Я, наблюдающая эти страстные обсуждения, заметила, как успокоились женщины, как бы найдя причину такого поведения детей. А причина звучала так: ну что поделаешь, когда дети сейчас безнадзорные! Мы-то, матери, работаем, на целый день их одних оставляем. Мы разве видим, чем они занимаются? И договорились женщины до того, что обвинили во всем этом саму жизнь, и страну, в которой надо им, матерям, работать, а не детьми заниматься.

Я была совсем не согласна ни с этими оправданиями, ни с обвинениями. И сказала:

- Сколько времени нужно маме, чтобы объяснить ребенку, что нельзя делать больно живому? Что, для этого нужны годы совместного пребывания с ребенком? Для этого надо сидеть с ребенком дома? Нужны секунды, чтобы сказать ребенку, причем совсем маленькому, только еще начинающему что-то понимать: «Не рви цветочек, он живой, ему больно, нельзя делать больно живому». Или: «Не тяни кошечку за хвост, она живая, ей больно». Нужны секунды, чтобы сказать нашим детям важные вещи. Ни страна, ни правительство не мешают нам это делать...

Действительно, есть важные вещи, которые наши дети должны от нас услышать. Мы должны рассказать им о тех нравственных ценностях, вечных ценностях, которые остаются во все времена. О доброте. О любви. О милосердии. О поддержке. О вере - в Бога, в справедливость этого мира. О вере в самого себя.

Мы должны дать напутствия нашим детям, важные в их жизни.

- Этот мир добр, малыш. Этот мир для тебя. Иди в него смело. Верь в себя. Верь в свои силы. Слушай себя и доверяй своему мнению. Люби людей. Никому не делай больно. Все, что ты выпускаешь, - вернется к тебе. Люби себя. Цени себя. Я верю в тебя. У тебя все получится.

Чтобы сказать это, нужны секунды...

Мы должны любить их безусловно

Она была примерной девочкой. Просто идеальным ребенком.

Она на «отлично» училась в лицее. Она изучала два иностранных языка в школе. Она изучала латынь - дополнительно, с репетитором. Она посещала спецкурс по журналистике и собиралась поступать на факультет журналистики. Она училась музыке. Она держала в идеальной чистоте свою комнату. Она была вежлива и воспитана. Действительно - она была идеальным ребенком.

Она просто должна была быть такой. У нее не было права быть другой. Всегда, сколько она себя помнила, родители требовали от нее достижения высоких планок, соответствия их ожиданиям. Она должна была быть лучшей во всем. Она и была...

Она всегда была под контролем родителей. Под их неусыпным надзором. Она была смыслом их жизни. Все было для нее, все ради нее. Они хотели дать ей необыкновенную жизнь, особенную, не такую, какую получают обычные дети. Поэтому - лучший лицей, репетиторы. И неустанный контроль, чтобы не было воздействия плохой среды на их девочку.

Но стоило однажды снять контроль - и случилась беда. Родителям пришлось уехать на несколько дней, оставив девочку на попечение тети. И когда она шла из музыкальной школы без присмотра мамы, познакомилась с той дворовой компанией, мимо которой ходила годами и к которой родители запрещали ей даже подходить.

И эти ребята ее сразу приняли, такую, какой она была. Приняли и обрадовались ей - просто так, ни за что. Не за оценки в лицее, не за три языка и спецкурс по журналистике. Им ничего от нее не надо было. Им ничего не надо было доказывать, ничему не нужно было соответствовать. С ними можно было просто быть собой, такой, какая ты есть.

И девочка просто пропала, с позиции родителей.

Это была трагедия. Это был настоящий удар для них. Она, их дочь, которая всегда должна была быть образцом всего, связалась с дворовой, низкопробной компанией, с их примитивными сборами на лавочке, с гитарой и дешевым пивом...

Родители были возмущены. Они были разочарованы в ней до глубины души. Они испытывали реальную - физическую и душевную - боль.

Они требовали ее возврата к былой жизни, но было уже поздно. Она уже успела влюбиться в главаря этой дворовой компании. Успела отдаться ему. Успела уйти к нему в какую-то полуподвальную комнату из своего - культурного, творческого, интеллигентного дома.

«Она нас предала», - сказала мне мама. И рыдала, убитая этим предательством дочери.

Но что же произошло? Просто у дочери кончилось терпение быть *какой-то*, чтобы нравиться родителям, соответствовать нормам родителей, зарабатывать похвалу родителей, исполнять приказания родителей. Она просто захотела быть такой, *какая она есть*, и быть принятой такой, *безо всяких условий*.

- Я хочу, чтоб меня просто любили... - говорила она мне. - Я хочу, чтобы меня просто любили... - повторяла она. - Я хочу, чтобы меня просто принимали такой, какая я есть... Они никогда не умели это делать...

Каждый ребенок хочет, чтобы его любили. Просто любили. Всегда, постоянно. Всем своим поведением ребенок спрашивает: «Ты меня любишь? Я тебе нужен? Я тебе нравлюсь такой, вот такой, какой я есть?»

Каждый ребенок нуждается в нашей любви. И мы, конечно же, любим наших детей. Но любим, чаще всего, «за что-то». За хорошие оценки или поведение, за аккуратность или помощь по дому.

Но ведь можно просто любить ребенка, просто любить безо всяких условий и причин на это. Не надо никаких свершений или достижений ребенка, дающих мне повод для любви.

Я просто люблю его. Это мой ребенок - и я его люблю.

Это называется безусловной любовью. Любовью безо всяких условий.

Именно ощущение, что ребенок любим, любим вообще, любим безусловно, независимо от поступков, недостатков, способностей, дает ему чувство защищенности, уверенности, стабильности и уравновешенности, доброжелательности к миру.

Он знает, что принимаем и любим такой, как есть. Он знает, что есть люди, для которых он важен, нужен, которые его ценят. А это - гарантия его высокой ценности и значимости.

Безусловная любовь - как колыбель, в которой нежится ребенок. Как источник его уверенности, поддержки и силы в жизни. Когда его любят просто так, ни за то, что он убрал

игрушки, или получил пятерку, или погулял с собакой.

Как любят в первые дни, месяцы его жизни - ни за что, ни за какие свершения. Просто он - твой ребенок.

Мы все какое-то время любили наших детей безусловно.

Мы их тетешкали. Мы им радовались. Мы выражали им свои чувства словами: «Я люблю тебя... Ты мой самый дорогой... Ты мое солнышко... Ты мой зайчик...» Мы прикасались к ним с такой любовью, гладили их, обнимали и целовали. Мы гордились, восхищались ими, с восторгом рассказывали о них другим. Мы улыбались от одного только их вида, от одного только взгляда на них.

Мы так любили их - просто, ни за что. Они еще ничего и делать-то не могли такого, за что их можно было любить. Но мы - их все равно любили.

И такое наше отношение, безусловное принятие создавало, закладывало высокую самооценку ребенка. Он чувствовал себя любимым, хорошим, красивым, нужным, ценным для мамы и папы. И это ощущение своей ценности, «хорошести» давало ему уверенность в себе, в своих возможностях. Поэтому маленькие дети, еще живущие в безусловной любви и принятии родителей - так уверены в себе, так все могут, все умеют, за все смело берутся.

И твой ребенок был таким. Если ты вспомнишь этот период его детства и твоей безусловной любви к нему - ты вспомнишь и его, когда он был большим, уверенным, знающим. Он был маленьким хозяином жизни. Властелином мира.

Еще раз обращаю внимание: основа этого периода - безусловная любовь. Потому что еще не было поступков, вызывающих наше недовольство и критическую оценку.

Но потом, когда ребенок стал подрастать, начинаются поступки. То он залез в лужу, то испачкал платье, то взял в руки то, что нельзя. И начинаются наши оценки.

И начинается другая жизнь ребенка. Другой этап жизни. Безусловной любви приходит конец.

Начинается период условной любви. Любовь при условии. Мы начинаем показывать им, что для того, чтобы мы его полюбили, ребенок должен выполнить какие-то условия, стать каким-то. И если он этого не делает - он не такой, не любимый.

Он хорошо учится - нравится маме, мама любит такого ребенка. Он получил двойку - он не нравится, мама не любит такого ребенка. Он навел порядок в своей комнате - молодец, хороший ребенок, мама любит такого ребенка. Не убрал, разбросал игрушки - плохой ребенок, мама не любит такого ребенка.

И любой психически здоровый ребенок, находясь в ситуации непринятия, отвержения, критики, начинает сомневаться в себе: я, наверное, какой-то не такой, я, наверное, плохой, глупый.

А мы, родители, со своим критическим взглядом на него еще и подскажем ему, что он - бестолочь, неорганизованный, тупой. Что он ленивый или безответственный.

И так в нем начинают формироваться неуверенность, тревожность, недоверие самому себе, неверие в свои возможности и силы.

И наши отношения становятся все хуже и хуже, потому что все исчезает: и безопасность, и открытость, и доверие и гордость ребенком, и его чувство защищенности и внутренней стабильности. На смену этому приходит тревожность и неуверенность, чувство вины и недовольство собой. Критика со всех сторон: и от взрослых, и от себя самого, ведь его научили себя критиковать.

Мы должны, просто обязаны любить своих детей безусловно. Просто любить их, чтобы они ощущали эту поддержку, это чувство защищенности.

Сотни раз за свою практику я слышала это от родителей:

- Да как же я могу любить его безусловно, когда он не заслуживает вообще никакой любви? Он ведет себя безобразно - как его можно любить!

- Но он же у тебя не собака, - каждый раз говорю я, - которая должна заслужить твою любовь?! Разве твое сердце - пустое, разве там нет любви к твоему ребенку просто потому, что он твой ребенок?! Какие еще условия тебе нужны для того, чтобы его любить, кроме

того, что он твой самый родной человек!

И безобразное поведение твоего ребенка говорит только об одном - он хронически недолюблен! Он просто нуждается в любви! Он кричит своим поведением: «Обрати на меня внимание! Полюби меня! Мне так нужна твоя помощь!» Наши дети отвратительно, мерзко, безобразно ведут себя именно тогда, когда живут в критике и отвержении. Дети, живущие в любви, гармоничны, легки, радостны и спокойны...

Нам, взрослым, очень хотелось бы иметь идеального ребенка, с образцовым поведением и прекрасными поступками, чистенького, аккуратненького - живую куклу! О, такого ребенка мы, конечно, бы любили! А чего его не любить - столько причин для любви! Но у нас нет и никогда не будет идеального ребенка!

У тебя - живой и растущий ребенок, который проживает свою уникальную жизнь, растет и учится.

Поэтому если ты будешь любить такого ребенка *за что-то*, ты вообще не будешь его любить.

Его надо любить таким, какой он есть. Неидеальным.

И мы - тоже далеко не идеальные люди! - тогда будем любимы нашими детьми, когда научим их такой - безусловной - любви.

Ребенок отражает нашу любовь, как зеркало. И если мы любим ребенка безусловно - он любит нас так же, независимо от наших поступков, нашего настроения. Точно так же, когда мы любим его при каких-то условиях - он тоже учится любить нас за что-то. Купили игрушку - он нас любит. Отказались купить мороженое - не любит.

Есть только одна истинная любовь - безусловная. И дети нам даются для этой любви. Бог нас так любит. И мы можем так любить. Прощать им их поступки. Принимать их такими, какие есть. Поддерживать их.

Мы можем просто любить, чтобы любовь лилась из сердца, просто любить.

И когда мы так любим, мы приближаемся к Богу.

Давай учиться безусловной любви. Давай сейчас начнем любить наших детей - щедро, безусловно.

Чтобы наши дети хотели уже сейчас, пока мы рядом с ними, выражать нам свою любовь и признательность.

Чтобы в нашей старости им захотелось бы отдать нам любовь, уделить нам внимание, купить заколку для наших седых волос, или путевку в санаторий, или дорогое необходимое лекарство, или просто - побыть с нами, уделив нам время и внимание.

Чтобы потом, когда мы уйдем, оставив их в этом мире одних, им захотелось вспоминать о нас с благодарностью за то, что мы дали им жизнь. За то, что мы их любили...

Мы должны учиться у них

Мальчик при проверке скорости чтения оказался в классе одним из последних, за что и получил недовольство мамы:

- Я же с тобой столько занималась, - сокрушалась мама вслух, - как же ты мог так плохо прочесть...

Маму так огорчило, что ребенок оказался далеко не лучшим в классе по скорости чтения!

Мальчик в ответ на это недовольство и осуждение сказал:

- Мама, а ты, может, танцуешь не лучше всех, и что же мне - не любить тебя, что ли?...

Этому нам и надо учиться у детей.

Их природной мудрости.

Их открытости.

Их чистоте.

Их тонкости чувствования.

Их умению верить в хорошее.

Их умению забывать плохое.

Их свободе быть собой.

Их свободе выражать себя - радоваться, плакать, смеяться, танцевать, петь.

Их умению доверять - людям, миру, тебе, его родителю.

Их умению прощать, несмотря на все обиды.

Их умению любить, несмотря на все причиненные им боли.

Разве есть рядом с тобой лучший Учитель, чем твой ребенок?

Бог создал все сущее и в последнюю очередь создал людей - Адама и Еву.

И, создав людей, Он отправил их на Землю, чтобы они совершенствовались и учились раскрывать свои самые лучшие качества и приближаться к Нему, к Богу, своими способностями творить любовь и добро.

Но, наблюдая за ними из Рая, Он понял, что они никак не совершенствуются, не раскрывают свои лучшие способности, что они творят невесть что и совсем забыли о Боге. И понял, что им нужно послать Учителя, который бы напомнил им о Боге, об их Божьей сущности. Который бы открыл в них, достал из них все самые лучшие их качества - милосердие, терпение, смирение, понимание, доброту, любовь, свет.

И Бог дал им ребенка. Дал возможность людям рожать детей.

И с тех пор каждый ребенок, который рождается на Земле, рождается Учителем для своих родителей. Учителем, который помогает своим родителям возвращаться к Богу, проявлять себя самыми высокими и лучшими версиями себя, какими они только могут быть.

И снова - осознанное родительство

Я хочу закончить эту главу тем же, чем и начала - мы должны быть осознанными. Потому что все наши истинные родительские «мы должны» основаны на нашей осознанности.

На нашем сознательном, вдумчивом отношении к себе и к своим проявлениям к нашим детям.

На осознании важности самого события - появления ребенка в жизни.

На осознании глобальности нашей ответственности за наше воздействие на детей.

На осознании самого процесса воспитания как очень серьезного, требующего осознанности действия.

Я повторю, но считаю этот повтор важным.

Мы так мало осознавали нашу ответственность, когда заводили детей. Мы думали, это веселое забавное милое трогательное приобретение. Это лялька, кукла, которую мы приобретаем, чтобы было с кем тетешкаться, чтобы тешить свое родительское самолюбие, чтобы не отстать от людей, а то все уже детей нарожали, а мы что - хуже людей...

Нет, рождение ребенка - дело очень ответственное. А воспитание - безмерно ответственное.

Но это уже произошло, ты уже впустил этого ребенка в мир.

Тогда просто осознай - какой важности дело ты делаешь, когда общаешься с ребенком.

Ты формируешь человека. Ты сейчас уже создаешь его будущую жизнь.

Ты делаешь великое дело. Давай делать его осознанно, с интересом, увлеченно и - легко.

Наше осознанное понимание, какого ребенка хотим вырастить, даст нам понимание четких целей и задач воспитания, освободит нас от множества трудных, тяжелых ошибок.

Осознанное понимание того, как формируется ребенок - просто впитывая в себя наши представления о жизни, - поможет нам формировать его позитивным и уверенным.

Осознанное понимание того, как нуждаются наши дети в любви, в безусловном принятии и поддержке, поможет нам щедро делиться любовью.

Осознанное понимание, что мы действительно должны по отношению к нашим детям, лишит нас многих ненужных долгов и иллюзий - и облегчит нашу родительскую жизнь.

Сознательного тебе, увлекательного творчества по сотворению личности!

Заключение. Неудобный ребенок

Я сама с лихвой получила от жизни уроков и встрясок, связанных с моим послушанием, излишней скромностью, робостью - следствием родительского воспитания. Я мучительно и долго освобождалась от комплексов. Долго училась не бояться сказать то, что думаю, с чем-то не согласиться, защищать свои убеждения, стоять за себя, самой принимать решения, делать выбор. Брать на себя ответственность за свою жизнь.

Даже уже будучи мамой, я еще была в рамках и завязках, поставленных мне в детстве. Поэтому неудивительно, что свою дочь я тоже начала воспитывать именно так: руководила, контролировала, опекала, добивалась послушания, соответствия рамкам и правилам, которые я для нее определяла. Прошло много лет, пока я сама не изменилась, не освободилась от своей послушности, и пока я не стала воспитывать ее по-другому - уважая в ней личность. Помогая ей расти самостоятельной и сильной, независимой от мнения других, осознающей свою уникальность и необходимость строить свою собственную жизнь так, как она сама считает нужным. Проходя собственный опыт своей жизни.

Но когда у моей уже взрослой дочери родился сын и у меня появился внук Никита - вопросов, как его воспитывать у нас не было. Он должен расти свободным и независимым. Он должен ощущать себя хозяином своей жизни, иметь возможность быть собой. Мы сразу беспрекословно признали его право иметь свои желания, свободно исследовать этот мир. И у нас появился неудобный ребенок Никита. Иногда - просто очень неудобный ребенок.

Он не ест то, что он не хочет есть, и бессмысленно его уговаривать и уж тем более заставлять.

Он сам выбирает, какую одежду ему надеть в сад, и его не переспоришь - он не наденет этот свитер, который ему подсовываем мама или я, он наденет тот, который выберет сам.

Он сам придумывает какие-то свои правила - что должно лежать в его комодике или где должна сидеть его любимая лягушка Клава. И то, что мы обнаруживаем в комодике целые залежи «ценных вещей» типа оберток от жвачек, обломков вертолета, щетки для одежды, которую я тщетно искала уже две недели, компьютерных дисков, комочка пластилина и т. п. - никого не удивляет. У ребенка есть право самому решать, что и где должно лежать.

Он чувствует себя хозяином жизни и главным человеком в квартире. И как это иногда неудобно для взрослых!

Он может зайти ко мне в комнату, увидеть на столе две новые катушки ниток, радостно взять их в руки и со словами «мне это очень пригодится» уйти к себе в комнату. И мне приходится останавливать его и объяснять, что нитки - мои, что они нужны мне, и я не могу ему дать их, хоть они ему тоже «очень пригодятся».

Это действительно неудобный ребенок, потому что ему нельзя приказывать, с ним надо договариваться. Мы сами не хотим использовать жесткие методы воспитания, и практика показывает, что он на чей-то окрик или критику дает мощный и сильный отпор.

Он не соглашается с унижением ни в каком виде. Он стоит за себя. Он стоит за себя во всех смыслах. Он требует то, чего он хочет. И как это неудобно для родителей!

Он отстаивает свое право погулять еще десять минут. Он отстаивает свое желание поиграть на компьютере. Он очень редко сразу соглашается с каким-то предложением. Он предлагает свой вариант и будет отстаивать его. Он всегда стремится получить то, что хочет. Он - хозяин жизни.

Я помню ситуацию, когда с ним, трехлетним, я пошла в детскую поликлинику. И тут я воочию увидела разницу между удобными и неудобными детьми.

Удобные дети сидели рядом со своими мамами, им было сказано сидеть - они и сидели. Хотя вокруг было столько интересного! На расписанных красками стенах были изображены сюжеты из мультфильмов. Большие кадки с живыми цветами притягивали внимание. Пеленальные столики могли быть прекрасной крышей для импровизированного домика, откидные стулья можно было закрывать или открывать - до чего интересно!

Но мамы сказали удобным детям сидеть - и они сидели. А мы с Никитой, что

называется, носились по всему коридору. Потому что мир, окружающий его, был интересен. И он рассмотрел и потрогал все, что можно потрогать, даже поковырялся в кадке с землей. Он вдоволь попрятался под пеленальными столиками и увлеченно закрывал и открывал все свободные стулья. Он даже умудрился поползть по полу - оттуда ведь совсем другой ракурс. И я все время была рядом с ним, потому что он был еще мал, чтобы отпускать его на большие расстояния от себя.

И я позавидовала мамам с сидящими рядом с ними уже неживыми - воспитанными и послушными детьми. Хорошо им - сидят себе спокойно! С неудобным ребенком так не посидишь. С ним надо быть начеку. Ему нужно помогать исследовать мир. Его право на свободу передвижения в этом мире нужно поддерживать. При этом нужно ставить необходимые границы: что уже нельзя делать, например заходить в любой кабинет, где идет прием. Но, уважая личность этого неудобного ребенка, ему нельзя просто крикнуть: «Туда нельзя!», потому что он не принимает прямых запретов, он отстаивает свое желание быть там, где он хочет быть. Ему нужно спокойно и с уважением объяснить, почему нельзя. И это тоже неудобно. Ведь куда проще крикнуть и запретить!

Я часто наблюдала, как этот ребенок ведет себя во дворе, общаясь с людьми.

Он смело идет к людям - взрослым или детям. Идет, не думая, что его могут не принять, что он может быть не к месту.

Он подходит к взрослым ребятам, чинящим во дворе велосипед, спрашивает, чего они тут делают. Он берет какие-то инструменты или детали, чтобы рассмотреть их поближе. Весь этот мир - для него. Он пока еще смел в этом мире.

Потрогав и рассмотрев все, что ему интересно, он отходит от ребят и идет дальше, к какой-то новой цели: к луже, по которой можно походить, к красивому камешку - и за ним тянутся мальчишки.

Каждый раз я поражалась этому зрелищу: идет такой малыш - пуп земли, идет, притопывая ногами, косолапя, смешной такой маленький человечек - и за ним тянется вереница мальчишек-подростков. Им почему-то хочется с ним общаться дальше.

Как-то я шла домой, и меня у подъезда остановил один такой мальчик.

- А Никита выйдет гулять? - спросил он.

Вопрос меня просто смутил - зачем ему Никита? Что такого он, десятилетний мальчик, получает от общения с ним, если ждет, когда тот выйдет на прогулку?

Но они точно получают что-то от общения с такой маленькой личностью - чувство собственной значимости, чувство своей «хорошести», когда помогают Никите, что-то ему объясняют.

Я не идеализирую, поверь, совершенно не идеализирую этого ребенка, потому что это действительно сложный человек. Он - сложный. (И мне нравится это слово!) В нем уже много сложено, в него вложено, он - не простой. С ним просто не обойдешься, и не всем понравится эта его активность, его открытое исследование мира, вообще - его открытость. Наверняка он еще испытает на себе пресс социальных оценок и норм, правил, как надо вести себя. И шишек он получит немало. И его захотят «пригласить», только сильно его не пригладишь. Уже не пригладишь. Он - сильный. В нем уже выращен этот внутренний стержень личности. И в нем есть свобода быть собой, проявлять себя таким, какой ты есть.

- Я сегодня буду девочкой, - сказал он нам однажды. - Хочу побыть девочкой.

И мы разрешили ему побыть девочкой.

- Пусть побудет денек девочкой, - смеясь, сказала дочь, - чтобы потом, во взрослом возрасте, из него не вылезло задавленное нами нормальное желание - пожить, как девочка, попробовать, как это быть девочкой.

И он пожил девочкой, надев мамины украшения, туфли на каблуках, заколов волосы моими заколками. И сказал вечером:

- Все, хватит, надоело мне быть девочкой, буду опять мальчиком...

И я поддержала его в этом выборе:

- Бог сделал тебя мальчиком, значит, надо им быть!

Мне нравится его свобода - свобода мыслей, высказываний, даже свобода действия, хотя она иногда так неудобна! Однажды он увидел у меня иконку, привезенную из Соловков, подаренную мне там настоятелем монастыря. Уже спустя несколько минут она стояла у его кровати.

- Ты зачем взял мою иконку? - спросила я.

- Я хочу видеть Бога. Я хочу с ним разговаривать... Я хочу жить с Богом, Маруся, - сказал он мне. - Неужели ты этого не понимаешь?

Он все время что-то делает - что-то лепит, или рисует, или собирает Лего. Он - занятой, творческий человек. И конечно, он уже компьютерный мальчик, увлеченно играющий, «переходящий с уровня на уровень», с жаром рассказывающий мне, какой сложный уровень игры он прошел.

Он свободен в выборе занятий.

Несмотря на наши уговоры и обещания купить хоккейную одежду, соблазны поездок, сборов - он сказал твердо: «Я не пойду в хоккей». И выбрал театральную студию, потому что очень любит читать стихи. И захотел заниматься плаванием. И захотел попробовать, что такое айкидо. И играть в футбол.

Какая смесь в этом ребенке, иногда думаю я: плавание со стихами, «сегодня я побуду девочкой» и хочу заниматься айкидо, футбол и «я хочу жить с Богом»... Но со временем что-то соединится в его личности в его индивидуальный рисунок, в его, свойственный ему путь. Путь его личности.

При приеме в школу, когда его забрали на собеседование, а мы с мамой в холле ожидали результат собеседования, мы пережили несколько смешных и волнующих минут.

- Да, - сказала дочь, видя, что ребенок задерживается, а не выходит так быстро, как было с предыдущими детьми. - Он им теперь всю свою жизнь рассказывает и все про нас. Сами научили ребенка быть открытым, без комплексов... Он, небось, учителям сейчас все расскажет: и про наши чайные церемонии, и про отдых в палатках среди нудистов, и про то, что тебя раньше звали совсем другим именем, а потом ты стала Марусей...

Мы долго ждали нашего ребенка. Потом его вывела учительница, которая со светлым лицом удивленно сказала:

- У вас такой интересный ребенок! Он такой смелый, такой свободный, открытый. Он столько всего интересного нам рассказал. А кто у вас играет на барабане? Он говорит, у вас дома даже два барабана есть! И у вас такие интересные друзья!

Мы с дочерью молча, но красноречиво посмотрели друг на друга. Ребенок действительно с его открытостью миру многое успел рассказать.

- Надо же, - не успокаивалась учительница - такой свободный ребенок! А как дети делаются такими? - задала она нам вопрос, и сам этот вопрос вызвал у меня просто онемение. Учительница спрашивала, как сделать ребенка уверенным, свободным и открытым!

Хотя чему тут было удивляться. Задача школы - не делать их такими, а, наоборот, сделать их послушными, правильными, рамочными.

- Он просто живет в любви, - сказала я ей после паузы, приходя в себя от ее вопроса. - Он живет в семье, где живут очень позитивные люди, поэтому в его представлении мир добр, красив, полон возможностей. И люди в этом мире хорошие. И он нужен этому миру. Поэтому он и чувствует себя уверенным, любимым, поддержанным, поэтому - открытым...

Учительница, выслушав меня, сказала опять неожиданное:

- Но ведь так и надо воспитывать детей! Так и должно быть!

И я уже просто не нашлась, что ей ответить.

Спустя месяц после начала обучения внука в этой (далеко не обычной, хорошей школе!) - его поставили в угол на виду у всего класса за то, что он, не зная ответа на загадку, которую загадала учительница, переписал себе ответ мальчика-соседа.

- Как тебе там было, в углу? - спросила я его, когда он, идя из школы, рассказал мне об этом. - Как ты это пережил?

Он только тяжело вздохнул, показывая, как ему все это не понравилось. Потом сказал:

- Да нормально, Маруся.

- Ты получил хороший урок, дорогой, что не надо переписывать чужие ответы, а надо жить своей головой. Конечно, я не считаю правильным, что учительница ставит вас в угол. Но она, наверное, решила, что это поможет вам хорошо учиться. Учись хорошо сам, дорогой, тогда тебе не придется переживать, когда тебя ставят в угол, - только и сказала я.

А сама подумала: если бы меня, ту маленькую девочку-первоклассницу, которой я была, робкую, тревожную, боящуюся всех и вся, переживающую по каждому пустяку, - поставили в угол перед всем классом, я бы просто умерла в ту же минуту! А он: «Да нормально, Маруся!»

Мы обсудили эту ситуацию с дочерью - говорить ли с учительницей о ее способах взаимодействия с детьми. И решили не говорить. Нельзя оградить нашего ребенка от жизни. Критика, наказания и отвержение - стиль этого мира. Он должен уметь выстоять в этом мире с его стилем. Научиться жить в нем - с нашей помощью.

Второй раз он очутился в углу спустя неделю. За то, что громко кричал, бегая по коридору на перемене. Он рассказал мне об этом, когда мы ехали из школы на маршрутке. Рассказал и крикнул водителю так громко, как умеет:

- Остановите, пожалуйста, на остановке!

И сказал мне грустно:

- Хоть где-то еще мой громкий голос может пригодиться!

И я с нежностью, даже с умилением посмотрела на этого маленького мудрого человека. И пока мы шли домой, мы говорили о школе. О ее правилах, о том, где может пригодиться его громкий голос. О том, как не попадать в угол.

- Третий раз, Маруся, я в него не попаду! - уверенно сказал мне внук.

- Почему ты в этом так уверен? - спросила я, не сомневаясь, что он попадет туда еще не раз.

- Третьего раза не будет! - сказал он мне - как клятву дал. И объяснил: - Потому что, если ты попадешь туда третий раз, то будешь там стоять целый день, и на обед не пойдешь, и домой тебя не отпустят!...

Я успокоила его, сказав, что его обязательно выпустят на обед и отпустят домой. Что мы с мамой просто не позволим, чтобы его не отпустили. Но при этом подчеркнула, что лучше вести себя осознанно, так, чтобы не попадать в угол.

Наш ребенок вышел в мир. Как ему будет в этом мире - покажет время. Насколько он готов выжить в нем, выстоять и быть счастливым, успешным, - тоже покажет время.

Мы будем рядом с ним. Не впереди. Рядом, за ним.

Чтобы он мог идти в свою жизнь со своими выборами, своими выводами, со своими решениями.

Я так желаю ему доброго Пути!

И каждый раз, видя его одноклассников, друзей, просто детей на улицах города, я думаю невольно - какие взрослые вырастут из них? Какие судьбы ждут этих детей? Какую жизнь проживут эти дети?

И сама отвечаю: такую, которую им помогут сотворить их родители - своей верой или неверием в них, своей поддержкой или отвержением их, своими позитивными или негативными представлениями о жизни, которые они им передадут.

Давай будем хорошими, добрыми помощниками наших детей! Давай поможем им вырасти сильными, уверенными, ответственными, большими, свободными и яркими людьми.

И хоть для нас, их родителей, сегодня может быть не очень удобным соседство такого растущего, свободно исследующего мир ребенка, самостоятельной личности - это будет необходимо ему для его жизни, в которой он может многого достичь, реализовать себя, идти своим, Богом ему уготованным Путем. Прожить свою собственную жизнь. И быть счастливым.

Чтобы в будущем мы, его старенькие родители, - испытали радость от *такого*

взрослого нашего ребенка, чувствуя поддержку, защищенность этой состоявшейся во всех смыслах личности.

Чтобы мы были счастливы рядом с ним в нашей старости.

Да будет так!